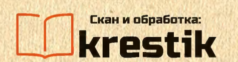
О. КУВАЕВ

ТЕРРИТОРИЯ


Скан и обработка:
krestik

ОЛЕГ КУВАЕВ

ТЕРРИТОРИЯ

ИЖЕВСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «УДМУРТИЯ»
1979

Р2
К88

Куваев О.

К88 Территория.— Роман.— Ижевск: Удмуртия, 1979.— 240 с.

Одно из значительных произведений советской литературы последних лет, роман повествует о том, как коллектив небольшого геологического управления на Крайнем Севере, преодолевая огромные трудности, открывает новый золотоносный район. Автор утверждает прекрасную мысль о непреходящем счастье труда.

$К\frac{70302—010}{М134(03)—79}36—79$ Р2

ВСЕСТОРОННЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТА

«...Золото — прекраснейший из металлов. Что происходит с драгоценными камнями, за которыми едут на край света? Их продают и превращают в конце концов в золото. С помощью золота можно не только делать все что угодно в этом мире, с его помощью можно извлечь души из чистилища и населить ими рай...»

Христофор Колумб.
Письмо королю Фердинанду

«В их пустынях есть рудники, и самородки бывают такими большими, что видны, как трава на песке».

Абу-л-Хасан Али
ибн-ал-Хусейн-ал-Масуди.
Промывальни золота и россыпи
драгоценных камней

«...В один из этих дней случилось, что Его Величество (Рамзес Великий) восседал на великом троне из электрона[1]*, увенчанный короной с двойным убором из перьев, чтобы подумать о землях, из которых доставляется золото, и чтобы обсудить планы сооружения колодцев на безводной дороге, ибо он слышал, что в земле Акита встречается много золота, но путь туда совершенно лишен воды».*

Надпись на Кубанском камне.
1282 год до н. э.

«...Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елофе... в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов[2]*, и привезли царю Соломону...»*

Третья книга Царств, гл. 9,
стих 26—28

Офир искали в Аравии, Индии, Африке, на Цейлоне и в Южной Америке.

Примечание автора

Поводом и целью похода аргонавтов также служило золото.

Второе примечание автора

---

[1] Электрон *(греч.)* — сплав золота с серебром.

[2] Талант *(греч.)* — мера веса в древнем мире.

«Я царствую!.. Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастие, в ней честь моя и слава!»

А. С. Пушкин.
Скупой рыцарь

«Спрячь золото верней!
Смотри, следят за нами.
Спрячь золото верней!
Свет солнца страшен мне:
Меня ограбить может пламя
Его лучей.

Спрячь золото верней:
Не здесь, а под семью замками,
Не здесь, а дальше, где-то там,
Зарой поглубже в мусор, в хлам,
Под хворост, за дровами...
Но как узнать, но как узнать,
Откуда вора можно ждать?»

Э. Верхарн. Золото

«Металл он и есть металл. Но этот — глупый металл. Из железа паровоз, или трактор, или башню какую. Из алюминия самолет, из меди провод. А из этого сплошная судимость».

Безвестный шурфовщик

«...только что поделенное богатство — пустяки по сравнению с теми, какие нас ожидают; ведь знаем же мы теперь, какие здесь великие города и изобильные золотые прииски — все это наше и все мы станем богачами...»

Бернал Диаз.
Записки солдата

«...Да будем золоти, яко золото се...»

Древняя славянская клятва

«Все бросали свои обычные занятия и шли за золотом. Чиновники правительства, волонтеры, пришедшие для завоевания Калифорнии, бросали свои места. Офицеры, ожидавшие заключения мира с Мексикой, оставались одни, без прислуги, и губернатор Монтерея, полковник волонтеров Меси, в свою очередь, исполнял обязанности артельного повара. Купеческие суда, зашедшие в порт Сан-Франциско, были оставляемы командою... Строгая дисциплина военных судов не в силах была удержать матросов от бегства. Только что родившиеся поселения опустели, и посевы хлеба, поднявшиеся замечательно хорошо, гибли по недостатку рук...».

Описание калифорнийской «золотой лихорадки», сделанное горным инженером Дорошиным. Отчет о командировке в Калифорнию. «Горный журнал», 1850 год.

ПРИМЕЧАНИЯ К МАРШРУТУ

Чтобы попасть на Территорию, вы должны сесть в самолет. Правда, летом вы можете добраться сюда и на пароходе — месячное плавание среди льда и тумана, когда кажется, что мир исчез и существует лишь железная палуба, перекличка сирен каравана и ваша каюта. Через несколько дней именно в каюте вы и будете проводить почти все свое время, ибо вам быстро осточертеет блеклая полярная вода, низкое небо и слово «навигация», которое произносится тысячу раз на дню. «В этом году навигация в отличие от прошлого года...» В мыслях своих вы привыкли к тому, что название Территории, даже само решение попасть туда, служит гарантией приключений. Это страна мужчин, бородатых «по делу», а не велением моды, страна унтов, меховых костюмов, пурги, собачьих упряжек, морозов, бешеных заработков, героизма — олицетворение жизни, которой вы, вполне вероятно, хотели бы жить, если бы не заела проклятая обыденка. Во всяком случае, вы мечтали об этом в юности.

Однако пароходом на Территорию сейчас не плавает уже никто, кроме представителей творческого труда, которые мечтают познакомиться со «всей Арктикой» в короткое время.

Вы полетите туда самолетом. Лет двадцать назад это тоже было незаурядным дорожным подвигом. Но сейчас вы долетите без приключений, если даже вас тошнить начнет от старых журналов и леденцов. Когда же вам надоест почти сутки сидеть в самолетном кресле и вконец осточертеют многочисленные посадки на забытых богом аэродромах, вас встретит первая неожиданность. Рейс ваш окончится не на той планете, на которой начался. Вас встретит прохладный и влажный воздух, черный и желтый пейзаж, если вы прилетели летом, и некая суровая снежная обнаженность, которую трудно передать словами, если вас затащило туда зимой. Сопки и тундра здесь чудовищно, даже как-то клинически голые, и в вас возможно поселится легкий страх, особенно если вы выросли в мягких пейзажах европейской России.

Вскоре вы заметите, что люди здесь так же отличаются от тех, что остались в семнадцати летных часах. Если вы прилетели на неделю, или на месяц, или даже на нес-

колько месяцев, вы так и не поймете, чем они отличаются. Но они все-таки отличаются, то ли раздражающим снисхождением к вам, залетному и временному, то ли странной привычкой сидеть на корточках у стены, то ли спокойным небрежением к деньгам, то ли отсутствием любопытства к свежим анекдотам и сплетням «из сфер». Не исключено: вы с тайным злорадством подумаете, что эпоха сверхзвуковой реактивной авиации и блочных домов скоро все и везде уравняет.

Если вы прилетели в Поселок, главный центр на севере Территории, у вас есть основания так думать. Те же блочные дома, как в Кузьминках, те же «МАЗы», «Колхиды», «Татры», «УАЗы» гудят на дорогах, а ветер гоняет индустриальную пыль и обрывки газет. По улицам не бродят олени или ездовые собаки, на углах не торгуют пыжиком, люди одеты в те же пальто, плащи, туфли, что в Ленинграде. В квартирах крутят те же пленки, на тех же магнитофонах, и на книжных полках стоят те же книги, что и в вашей квартире. Но если душа ваша не очерствела от частых перемещений по государству или, наоборот, не поблекла от жизни в одном месте, вы постоянно будете чувствовать, что нечто главное идет мимо вас, и оно не умещается ни в рассказы старожилов, ни в кадры слайдов, ни в записные книжки. Возможно, это главное заключается в узкой полоске ослепительно лимонного цвета, которая отделяет хмурое небо от горизонта в закатный час. У вас вдруг сожмет сердце, и вы подумаете без всякой причины, что до сих пор жили не так, как надо. Шли на компромиссы, когда надо было проявить твердость характера, за мелкими удобствами теряли главную цель, и вдруг вы завтра умрете, а после вас не останется ничего.

Можно суеверно считать, что подобные мысли приходят из пространства Территории.

До настоящей «полярной болезни», или как там это называется, вам еще далеко. Просто вы начинаете чувствовать настроение, дух Территории. Позади вас гремит и перекликается Поселок, над головой с мерным рокотом прошел оранжевый самолет Полярной авиации. Он идет в Город — центр обширной области, куда входит и Территория. Но вы видите только закатную полосу над хмурым морем. Над перевалом, красным от того же заката, клубится красное облачко пыли, и в нем исчез грузовик, идущий на дальний прииск с каменным углем в мешках, или с синтетическим барахлом в контейнере, или с яйцами в деревянных бочонках, или с разлапистым металлическим

агрегатом на автоприцепе. В кабине того грузовика рядом с шофером сидит, наверное, командировочный человек, вроде вас, смотрит на дорогу, как удар кнута рассекающую тундру и сопки, и сочиняет предварительный мемуар на тему: «Когда недавно я летал в Арктику». Но постепенно рев двигателя, ползущие навстречу черно-белые сопки, редкие машины, подобные усталым бродягам на бесплодной, изорванной ветром равнине,— все это, именуемое «трасса», завораживает командировочного человека, и найденные час или два тому назад слова мемуара предстают бессмысленными, глупыми и хвастливыми. В них есть личность рассказчика, слово «я», но нет Территории. И вообще все это не так, не так, все иначе...

Когда-то через этот перевал так же пылили грузовики, идущие на касситеритовый прииск, выстроенный во время войны. И через этот же перевал уходили тракторные сани, груженные взрывчаткой, брезентом, жратвой, мехом, железом, детонаторами в плоских ящиках, соляркой, бензином и многим другим. А поверх всего на санях сидел разный народ и смотрел в бледное небо или на Поселок, который, конечно, был совершенно иным, но был. А теперь задайте себе вопрос: почему вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер? Может быть, именно это поможет ответить на недовольство, которым мучаем мы себя во время бессонницы в серый предутренний час, когда светлеют окна, гаснут звезды, а мир и людские души обнажены сном или тишиной.

ЛЕТО

I

В тот год на Территорию пришло необычное лето. Весна стояла затяжная, холодная даже для семидесятых широт, и больше походила на осень. Весь май шел снег, срывались малосильные и потому особо тоскливые пурги. В июне свалилась невиданная жара — тридцать градусов. Комары расплодились в неделю и стали до смерти заедать оленят в безветренных тундровых урочищах, а так же сидящих на привязи ездовых собак в прибрежных поселках. Собак, вопреки правилам, пришлось отпустить. Они сразу ринулись в тундру уничтожать птичьи гнезда и разгонять все живое.

Вслед за жарой пришли тундровые пожары. Горели на больших пространствах ягель, трава и торф. Дым застилал горизонт и окрашивал пейзаж в сиреневые и фиолетовые тона. Солнце безостановочно кружилось по небу. Оно было оранжевое, какое-то дикое, точно пылающая овчина. Не было никому спасения от круглосуточного света полярного дня, запаха дыма и чувства беспричинной тревоги.

В конце июня лед оторвался от побережья. Почти сразу его вынесло из морской губы, за восточный берег которой уцепился Поселок. Губа лежала гладкая, отражала в себе солнце и скалы, перекрашенные дымным преломлением света.

Навигация в это лето началась почти на месяц раньше обычного. Дым старого ледокола, приведшего караван, смешивался с дымом горящей тундры. Силуэты судов на рейде зыбко дрожали и размывались в разноцветные миражи. Это походило на что угодно, кроме действительности.

— Импрессион! Впечатление! — так сформулировал свое мнение образованный малый в стоптанных до стельки туфлях и телогрейке, накинутой по случаю жары на голое тело.

— В Гренландии растают ледники. Уровень мирового океана поднимется. Все затопит, кроме высокого плоскогорья Тибет. Далай-лама хохочет,— поддержал его стоящий рядом собрат. Они сплюнули в Северный Ледовитый океан и направились в порт зарабатывать на продолжение жизни.

Портальные краны вычерпывали из трюмов груз, который затем вереницы машин везли к обтянутым колючей проволокой приземистым складам «Северстроя».

От тяжкого бега машин на улицах Поселка висела черная пыль, в окнах домов дребезжали стекла. Тем, кто здесь жил, казалось, что к ним пришло буйное многолюдство, какой-то лихорадочный праздник. Морячки в несерьезных импортных плащиках, уверенные в себе летчики ледовой разведки, щеголеватые полярники из штаба проводки судов, бичи, грузчики, суперполярно одетые журналисты с мандатами — вся публика, что появляется вместе с судами и с ними же исчезает. Так называемый генеральный груз был уже на складах, грузы второй очереди на подходе к кранам, а суда с разного рода излишествами в виде эстрадных пластинок и дорогих коньяков уже ждали очереди на рейде. Такого никогда не бывало, как никогда не бывало, чтобы в середине июля, в самое жесткое время «сухого закона», в магазинах было пестро от винных наклеек. Старожилы,

приученные к осторожности климатом и суровыми порядками «Северстроя», говорили, что надо ждать бед, потому что «если Территория начинает походить на Африку, то...». Они веровали, что все под луной сбалансировано неподкупным бухгалтером и неприятности обязательно уравновешивают удачи. Пока шла удача.

...Здание геологического управления видно было с любого конца Поселка. Оранжевое солнце круглые сутки отражалось в окнах второго этажа. Вечерами казалось, что охваченное пламенем управление плывет по крышам окружавших его бараков. У входа лежал огромный, как колпак бетонного дота, череп быка-примигениуса. От входа начинался тамбур, заставленный железными бочками для воды (зимой и летом пресную воду в Поселок завозили в цистернах). За тамбуром обитая войлоком дверь, и уж за ней сидел вооруженный охранник.

Длинные коридоры управления были пусты. Двери большинства кабинетов опечатаны. Масляная краска на стенах обшарпана спинами. Пахло пылью, сапогами, полушубками и хлоркой — запах вокзала, который вдруг опустел.

Кроме вахтера, в управлении в этот летний день находилось четверо. В угловой комнате первого этажа с надписью: «В радиорубку! Категорически!..» — сидел управленческий радист Гаврюков, рыжий, как осень, человек электроники и ключа из бывших флотских радистов.

На втором этаже были главный инженер управления Чинков Илья Николаевич по прозвищу Будда, его секретарша Лидия Макаровна и прораб-промывальщик Куценко, по прозвищу Скарабей (В «Северстрое» все, от работяг до генералов, имели прозвища — такая традиция.)

Лидия Макаровна сидела перед зачехленной машинкой, смотрела в стену и курила. В пепельнице неряшливой горкой дыбились докуренные до мундштука папиросы «Норд». На Лидию Макаровну иногда находило. Привычкой палить папиросы «до фабрики», одеждой (не то жакет, не то китель из темного шевиота), собранной кое-как прической и неласковым взглядом Лидия Макаровна напоминала замотанных вдов военного времени, хотя война давно уже кончилась.

В кабинете напротив, захламленном как при срочной эвакуации, Куценко поднимал с пола мятые листки, вырванные из журнала «Огонек», когда-то в них были завернуты образцы, разглаживал, читал и складывал в стопку. Куценко был широк корпусом, со стриженым затылком, жестким чубом и действительно напоминал

жука в брезентухе и сапогах. На Реке он имел репутацию виртуоза в работе с лотком, числился прорабом по штатному расписанию и адъютантом Чинкова по сути.

Сам же Чинков, по прозвищу Будда, в своем большом и пустом кабинете сидел в странном кресле, больше похожем на трон, чем на служебную мебель. Кресло было из черного дуба с уходящей под потолок спинкой и медными квадратными бляшечками в виде орнамента. Зеленого сукна стол перед ним был чрезвычайно чист: ни карандаша, ни бумажки, ни даже пылинки. Те из геологов, которые успели до отъезда в тундру познакомиться с главным инженером, отметили странную эту привычку: сидеть в кресле перед пустым столом. Взгляд тяжко опущен, поза разбухшего идола; темный костюм, темная рубашка, черный галстук и лицо тоже темное, чугунного цвета.

Где-то за управлением с натужным ревом прополз трайлер, стекла заныли, над крышей соседнего барака ветер взметнул струю фиолетовой пыли. Чинков встал и с неожиданной живостью пересек кабинет. Лидия Макаровна не повернула головы, лишь пыхнула раз-другой папироской. Чинков с порога сказал:

— Прошу записать приказ. Сегодняшнего числа предписывается главному инженеру Чинкову И. Н. выйти на базу Восточной поисковой партии. Срок командировки семь дней. Сопровождающий Куценко К. А. Подпись: главный инженер Чинков.

— И. о. главного геолога, и. о. начальника управления, господь бог един в трех лицах,— не пошевельнувшись, сказала Лидия Макаровна.

— Что-нибудь случилось? — Голос у Чинкова был глухой и тонкий, как это часто бывает у крупных людей.

— Гармыдр,— кратко пояснила Лидия Макаровна.

— В чем заключается... это явление?

— Зашла в общежитие для ИТР. Мальчики два месяца в тундре, а лед по углам до сих пор не растаял.

— Это забота начальника управления Фурдецкого,— сухо сказал Чинков.

— Придет осень, вернутся мальчики, выберу я себя в местком. И объявлю я вам, падишахам, войну на взаимное уничтожение. Великие планы! Пр-р-оекты! Банкеты и лауреаты. А выбрать мальчикам сухой барак некому.— Лидия Макаровна взяла новую папиросу.

Чинков промолчал, глядя на дверь приемной. Дверь медленно открылась. Просунулась голова Куценко.

— Сегодня выходим. Машина подбросит до прииска. Пересмотрите груз, приготовьте мне одежду и выбросьте

все лишнее. От прииска пойдем поисковым маршрутом,— сказал Чинков.

— Старожилы пугают: снег должен быть. Если в июне палит, то в июле обязательно падает снег,— осторожно ответил Куценко и зашел в приемную.

— Как-нибудь перетерпим,— отвлеченно пробормотал Чинков.

— Обрадуются вам там. Нагрянете вместе со снегом. Палатки драные, из мешков шерсть клоками лезет. Сапоги в утиль не возьмут. И тут еще вы: «Считаю, что выполненные работы полезны, но можете сделать гораздо больше».— Лидия Макаровна очень похоже передразнила главного инженера.

— Именно так,— серьезно сказал Чинков.— Прежде всего работа, потом сапоги. Прошу оставить ненужные разговоры.

— А не будь мальчиков, вас, падишахов, дворниками никто не возьмет, потому что...

Раздался сиплый рев парохода. Какое-то судно, опорожнив трюмы, спешило уйти по чистой воде и прощалось с Поселком.

— Пароходы и то сбегают. О, господи! — закончила Лидия Макаровна.— Думала, старая дура, что удивляться уж разучилась, а...

В этот момент и возник радист Гаврюков.

— Главного инженера товарища Чинкова требует Город на срочную связь,— соблюдая субординацию, сообщил он Лидии Макаровне, хотя сам Чинков стоял тут же.

Когда Чинков вернулся с рации, на столе у Лидии Макаровны было прибрано, табачный дым выветрился, пепельница вытряхнута, в машинку вставлен свежий лист.

Чинков задумчиво постоял в кабинете и продиктовал:

— Во изменение предыдущего приказа главный инженер Чинков сегодня направляется в Город на совещание главных инженеров.

Лидия Макаровна быстро отстукала текст.

— Прошу машину. Узнать о самолетах. Если начальник управления Фурдецкий задержится, прошу присмотреть.

— За чем именно?

— Вообще.

— Все будет в порядке,— со вздохом сказала Лидия Макаровна.

Чинков молча прошел к себе, снова уселся в феодальное кресло и принял любимую позу: руки на подлокотниках, голова набычена, взгляд в поверхность стола. Он сидел так долго, пока не вошла Лидия Макаровна.

— Повезло. Через два часа будет рейсовый борт. Машина внизу.

Чинков неторопливо выдвинул ящик стола, вынул дерматиновую облезлую папку черного цвета. Эта была знаменитая на весь «Северстрой» «черная папка Чинкова», в которую ни один ловчила еще не сумел заглянуть.

— Я готов,— детским голосом сказал он.

...Среди множества фотографий, сделанных человечеством, есть такая: группа молодых людей в унтах, собачьего меха куртках, длинноухих якутских шапках стоит на фоне бревенчатого барака, окруженного редкими лиственницами. На бараке — лозунг «Привет совещанию горняков «Северного строительства». У молодых людей на фотографии гладкие волевые лица, очень светлые глаза, и во всем их облике видна мужественная победность, которая неизменно вырабатывалась в те годы на Реке у всех, кто уцелел, не сломался. Впрочем, на земле «Северстроя» слабый не жил. Слабый исчезал в лучший мир или лучшую местность быстро и незаметно. Кто оставался, тот был заведомо сильным.

Но все-таки фотография считалась особой. Из группы молодых людей один погиб, один стал академиком, остальные просто вошли в легенду. Эта легенда закреплена в книгах, газетных статьях, разного рода фольклоре и, если всего этого мало, во многих десятках тонн золота.

Третьим слева на ней стоял Илья Николаевич Чинков, уже тогда имевший прозвище Будда. Молодым инженером он по собственному желанию попал на Реку. К здешней инопланетной жизни Чинков пришелся с точностью патрона, досланного в патронник. Здесь ценили крупных людей. Но еще студентом Илья Николаевич был настолько солиден, что иной доцент выглядел рядом с ним мальчишкой. В «Северстрое» не терпели балаболок и выше всего ценили исполнение слова «приказ». Чинков был всегда молчалив и вламывался в работу, как танк в березки. Никто не удивился, что через два года он стал начальником крупной разведочной партии на притоке Реки. К тому времени и относится фотография.

Он круто пошел бы в гору, как разведчик уже найденных золотых россыпей, но еще через год он перевелся на новые земли, которые изучало геологическое управление «Северного строительства». Это было в среднем течении Реки. Именно здесь Чинков создал основы грядущей легенды, где беспощадность к себе и другим была помножена на удачу. Его экспедиция открыла одну из крупнейших

золотых россыпей края. Самую северную и самую крупную золотую россыпь Реки. Он получил орден, Государственную премию и полное признание. Можно сказать, что он окончательно вбил себя в местную элиту.

Однако вскоре руководство «Северстроя» получило рапорт. Чинков просил перевести его в заштатное геологическое управление на берегу Ледовитого океана. Человек с твердой репутацией удачливого «золотаря» просил перевести его в оловоносную провинцию. Управление Поселка, куда он просился, было знаменито одним: геологи его считались свихнутыми людьми, старообрядцами геологии. Ноги — средство передвижения, геологический молоток — инструмент познания, все остальное от лукавого.

О причинах рапорта Чинкова в Городе много гадали. Одни решили, что Будда стремился в захолустье, чтобы написать диссертацию. В «Северстрое» не одобряли диссертаций. Другие высказывали догадку, что он намерился проверить свою фантастическую удачливость на олове. Считали и так, что Будда возжаждал власти, неограниченной воли, которую за дальностью расстояния (все-таки пять летных часов) мало чем мог ограничить Город. Но не нашлось никого, кто спросил бы его о причинах. Внешность Чинкова — чугунное лицо его, на котором глаза были спрятаны за тяжелыми веками,— не располагала к расспросам.

...Каждый раз, прилетая в Город, Чинков останавливался в одном и том же номере гостиницы. Коллеги его поселялись у знакомых, друзей по давним походам, совместной работе или в их пустых квартирах, если те уезжали в отпуск. На худой конец — в номерах «люкс», приличествующих их положению. Чинков друзей не имел, и его постоянный номер был очень скромным: умывальник, койка, письменный стол.

Он подождал в гостинице час, пока из «его» номера кого-то переселяли. В номере он привычно глянул в окно на сопки, плешивые после вырубок. Затем взял свою черную папку и не спеша вышел на улицу. В управление он все равно опоздал, и надо было ждать перекура. Напротив гостиницы шумел асфальтовый пятачок. На одном углу пятачка стояло здание круглосуточного телеграфа, на другом — автостанция. Чинков не спеша прошел вверх, где Город взбегал на гору, затем обрывался к самому морю. Город выглядел очень современным, культурным, потому что он не рос, а был махом воздвигнут в эпоху архитектурных излишеств. Единый стиль башенок, колонн и выступов придавал ему законченный вид.

Здание геологического управления, выстроенного из серого массивного камня, было по северстроевской традиции самым крупным в Городе. Напротив находился сквер с тоненькими березками, посаженными в субботник два года назад. Чинков окинул все это привычным взглядом и вошел в высокую дубовую дверь управления.

Оказалось, совещание еще не начиналось, потому что главный инженер управления Робыкин задержался в политотделе. Старожилы, основоположники, корифеи золотой промышленности, чесали языки в коридоре — мужчины с тяжелыми подбородками, сверхчеловеки. Каждый нес за плечами груз легендарных лет. Каждый пришел на берег бухты, где сейчас Город, юнцом или ни черта не знающим, кроме веры в свою звезду, молодым специалистом, или вольным старателем, которому стало тесно в изученных районах. Спины их по сей день были прямыми, и каждый, если даже позади числилось два инфаркта, считал себя способным на многое. Так оно и было, потому что любой из этих седых мужчин прошел жестокую школу естественного отбора. Они гоняли собачьи упряжки во времена романтического освоения Реки, гибли от голода и тонули. Но не погибли и не потонули. Глушили спирт ящиками во времена славы, но не спились. Месяцами жили на допинге, когда золото требовала война, и не свихнулись, выдюжили.

Чинков вошел в коридор как равный к равным. Походка его изменилась. Он легко и точно нес тяжелое тело, держал папку за угол кончиками пальцев — весь независимость, доброжелательность и легкая настороженность. Друг друга корифеи приветствовали с шумом и манерами беспризорников, но никто не устремился навстречу Чинкову. Лишь кивки, «о-о, привет» и еще заинтересованные косые взгляды. Чинков был самым молодым среди прославленных и седых, насильно ворвался, раздвинул ряды. Даже преждевременная полнота отделяла его от основоположников. Они сухопарые аристократы — основатели, он плебей, выскочка, продолжатель. И Будда, темнолицый, улыбчивый и тяжелый, встал в стороне, прочно заняв кусок продымленного пространства. «Плевать, я сам по себе, я сам себе корифей».

Наконец появился Робыкин. Он шел в окружении приближенных и походил на стремительно летящий биллиардный шар — низенький, коротконогий, круглый, с какой стороны ни глянь, сверкающий бритой головой и улыбкой. Робыкин на ходу здоровался с корифеями, но мимо Чинкова прошел, не заметив. Они почти в одно время попали на Реку,

оба горные инженеры. Робыкин выбрал себе администрацию, Чинков поиски и разведку золота. Соперничество вначале было шутливым. Но позднее Чинков перебежал дорогу Робыкину, занял административный пост начальника экспедиции, куда вначале назначался Робыкин. Открыл россыпь и получил лауреата. Звезда Робыкина всходила с опозданием, но круто. Полгода назад он стал главным инженером центрального геологического управления «Северстроя», и был слух, что станет начальником.

Корифеи расселись в его кабинете и задымили, хотя Робыкин специальным приказом по управлению запретил курить в рабочих помещениях. Но корифеям он не мог ничего запретить, потому что от них зависела его сила и власть. Такова была одна из странностей «Северстроя» — никто из прославивших его людей, тех, кто открыли золотые россыпи Реки, основали Город, не назначался в высшее руководство. Возможно, в этом был повинен сугубый нрав корифеев, прямота применяемых ими методов, возможно, «Северстрой» требовал от руководителя специальных талантов и знаний. Корифеи правили на местах, в глубинных поселках. Но, как преторианская гвардия, объединившись, они могли свергнуть любого.

Робыкин звучным руководящим голосом, когда только успел научиться, сказал про заботу государства о геологах и, следовательно, об их ответственности. Дежурная часть речи шла под шум разговоров, чирканье спичек.

— Черт вас возьми! — неожиданно изменил тон Робыкин.— Бодягин! Не лапай соседа, это тебе не коллекторша. Василий Феофаныч! Заткнись.

«Ай молодец, Котя,— подумал Чинков о Робыкине.— Неужели я мало его ценил? Это опасно...»

— За последние три года добыча золота на Реке резко упала,— сказал Робыкин.— Это всем вам известно. Новых месторождений не открыто, прирост золотых запасов незначителен. Если будет так продолжаться, полетит моя голова, но и вас всех ждет унылая почетная пенсия...

Корифеи разом притихли. А Робыкин заговорил о том, что знает каждый студент. Всякое месторождение имеет конечную тенденцию к истощению. Так угасли золотые месторождения Урала, Лены, захирел Алдан.

— Давай про Реку, Котя! — рявкнул кто-то из корифеев. И снова мертвая тишина.

— С Рекой аналогичный случай, как говорят в анекдотах,— громко ответил Робыкин.— Многие наверху и здесь считают, что она уже кончилась. Снимали сливки в первые годы «Северного строительства». Ураганная добыча во вре-

мя войны. Многие россыпи загублены некачественной промывкой. Нужны новые россыпи, или мы теряем славу валютного цеха страны. Этого, кстати, нам никто не позволит. Просто нас выгонят и поставят более умных и полезных для государства.

— Не пугай, Котя! Всю жизнь пугали,— сказал тот же голос.— Пока мы живы, валюта для государства будет.

Робыкин взмахнул короткими ручками, стал веселый, улыбчивый.

— Вопрос: кого пугать? Ответ: самих же себя. Мы все связаны с Рекой намертво. И выход вы знаете сами: глубокая разведка, глубокие поиски. Все, что валяется сверху, мы взяли. Теперь надо идти дальше и глубже. Для этого нужны деньги. Очень большие. Есть план сократить все расходы, кроме расходов на золото. Например, Территория. Содержание управления на Территории стоит бешеных средств. Гоним туда корабли через половину земного шара. Мы добываем там олово. Мы ищем там олово. Так требовалось в годы войны. Сейчас олово не проблема. А мы туда картошку и лук везем самолетами. Зачем нам олово Территории?

— На всякий случай,— сказал кто-то.

— На всякий случай нам нужно золото. Есть предложение прикрыть геологическое управление Поселка. Оставить там минимальный штат, пусть занимается съемкой... Когда мы докажем правительству, что капиталовложения в Реку будут оправданы, мы откроем его снова. Это называется концентрация средств.

Все, не скрываясь, оглядывались на Чинкова, но тот сидел, опустив голову. Ряды сидящих сместились и образовали просвет. С одной стороны Робыкин, сверкающий бритым черепом, за поднятым на возвышение столом, с другой — Чинков, со склоненной головой, у стенки. Минута была настолько неловкая, что чей-то хрипатый голос сказал:

— В Поселке лишь одно из семи управлений. Прикрыть его можно. Но где остальные деньги? На Чинкова мне наплевать. Дай мне три миллиона, Робыкин, я тебе новый Клондайк принесу.

— В руководстве есть план,— сказал Робыкин,— и задача настоящего совещания...

Дальше Чинков не слушал. Ему вспомнился запах кедрового стланика. Победная уверенность в счастье, звезда, которые сопровождали его в беспощадных маршрутах. Дым забытых костров, палатки давних ночевок вспомнились ему. «Нужны деньги, чтобы добыть деньги, нужны деньги,

чтобы добыть деньги»,— крутилась в голове глупая мысль. Давило сердце. Чинков украдкой отвинтил в кармане трубочку валидола, исподлобья оглядевшись, выбрал момент, сунул таблетку под язык. В «Северстрое» было принято щеголять валидолом, некоторые спирт им закусывали. Но Чинков скрывал недуги. Ему требовалось выглядеть вечным. Ах, товарищ Робыкин, мерзавец Котя. Выбрал момент для сведения счетов. Корифеи, как дети, видят только одну цель, одну опасность. Вперед и прямо, ломая все на пути.

Объявили перекур. Старожилы, основоположники, мамонты золотой промышленности снова чесали языки в коридоре. Мужчины с тяжелыми подбородками, прямыми спинами, изношенными сердцами. Морщины, точно скальпелем, врезаны в лица и шеи. Громкие голоса — нависла опасность, и старые кони били копытами. «Их удача была в прошлом, их звезда была в прошлом. Сейчас они просто старые ездовые псы, которые тянут нарту валюты для государства». Так думал Чинков. Он стоял теперь уже вовсе отдельно. Запах кедрового стланика и победная уверенность в счастье. Они думают, что конец Чинкову, а он даже еще не начинал. «Пора,— сказал себе Чинков.— Пора. Настало время».

Он повернулся и пошел прочь по длинному коридору центрального управления. Спиной он чувствовал недоуменные взгляды. Даже чей-то сдержанный изумленный оклик. (Надо лезть в драку, отстаивать управление, а он уходит. Чинков-то сопляк, ребята!) Но Чинков не повернулся. Папочка кокетливо взята за уголок, легкая походка. Грациозный бегемот в дорогом темном костюме.

...В тот же вечер, нарушив все мыслимые законы субординации «Северного строительства», Чинков самовольно покинул совещание и на первом подвернувшемся грузовом ЛИ-2 вылетел обратно в Поселок. ЛИ-2 шел пустым. Чинков в одиночестве сидел в темно-зеленых дюралевых недрах. Хлопала неприкрытая дверца хвостового отсека. Дверь в кабину пилотов также была открыта. Чинков видел затылки и спины пилотов, широкие от сидячей жизни. Северстроевские летчики знали, кого везут. Для них он был столп, знаменитость, для них он был в сонме богов и, значит, свой человек. Перехватывая металлические ребра фюзеляжа, Чинков прошел вперед, закрыл дверцу в кабину пилотов, аэродромным башмаком заклинил хвостовую дверь. Ему хотелось побыть одному. В тишине. Он сел на металлическую скамеечку и закрыл глаза. Куценко! Жизнь и здоровье Куценко интересовали его сейчас больше, чем

жизнь и здоровье министра или начальника «Северстроя», чем свое собственное. «Интуицией чаще всего обладают люди талантливые и малоразвитые». Анри Пежар, французский психолог.

Моторы ЛИ-2 монотонно гудели «боум-боум-боум». Чинков сидел на металлическом креслице и, казалось, дремал. Глаза закрыты, лицо спокойное. На коленях черная папка и благонравно сложены руки с очень маленькими женственными кистями. Выдавало, что Чинков не спит, лишь некое движение пальцев, как будто перебиравших бумажные листы.

Чинков и в самом деле мысленно перелистывал, перебирал узкие листочки, исписанные бисерным почерком — содержимое папки. На каждом таком листочке была мысль, или довод, или догадка, или соображение. Привычка записывать возникла у него в первые дни первооткрывательской славы. И началось все со странного факта: когда россыпь, открытая им, была оконтурена и разведана, Чинкова поразило, что контур и положение россыпи полностью совпали с тем контуром, который был нарисован в его воображении два года назад. Он узнал на итоговой карте зеленый мерцающий пласт, приходивший к нему во сне, стоило ему закрыть глаза.

Для разведки россыпи нужны были многие сотни тысяч рублей. Россыпь же, открытая чинковским воображением, была, так сказать, бесплатной. Если не считать напряжения чинковского мозга.

...Интуиция в те годы, безусловно, числилась среди идеалистических штучек. Но Чинкову было плевать на термины, его интересовала техника дела. В областной библиотеке он обнаружил, что в свое время в Город полностью попала библиотека известного философа-идеалиста, эмигрировавшего в конце двадцатых годов в Париж. Чинков для себя открыл, что вопросами интуиции всерьез занимались серьезные люди: Лейбниц, математик Паункаре и так далее. Идеалистического тумана Чинков не боялся. Но когда в библиотеке предложили забрать домой «этих бергсонов и кьеркегоров», он, разумеется, отказался. Его интересовала интуиция как инженерный метод познания, а не философские школы. Так возникла черная папка. Он записал:

Интуиция. Является равноправной с прочими методами познания природы. Фундамент интуиции: 1. Личные способности человека к ней. 2. Первичный материал, груда фактов, которыми он располагает. 3. Сильное и длительное напряжение мозга.

Достоинства. Это прямой и безошибочный метод познания.

Недостатки. Проверить правильность интуитивной догадки можно лишь обычными методами.

Применение. В геологии нужны прежде всего люди с развитой и тренированной интуицией. В науке о россыпях все зыбко и расплывчато. С помощью интуиции надо выбирать район поисков и их направление. Далее обычными методами.

Чинков знал, что замкнулся первый круг его жизни. В этом круге образцом для Чинкова служил человек, снятый с ним на фотографии. Он стал академиком в сорок и умер в сорок семь. Но жизненная задача была выполнена. Чинков верил, что академик обладал чрезвычайной интуицией. Он первым угадал золотой пояс Реки. Нынешние корифеи «Северстроя» пришли вместе с ним или следом за ним. Они выиграли жизнь, эти честолюбивые молодые люди. Пришли в нужное место и в нужное время. Их фамилии спрягаются в геологических монографиях всего мира, у себя в государстве они числятся под рубриками особо ценных людей. Но их привел, дал им направление рано умерший академик. Их прославила его интуиция. И он, а не кто другой, не оставил на Реке места Чинкову.

Рапорт о переводе еще не был написан, еще шли телеграммы с поздравлениями, но Чинков уже знал — Территория. Если есть ему место на земле «Северстроя», то это место — Территория. Так сказал Чинкову внутренний голос. Риск безусловен. Но если не рисковать, то что делать дальше? Бросать «Северстрой»? Из «Северстроя» уходят лишь неудачники, те, кто слаб. Что в принципе одно и то же. Если ты неудачлив и слаб, ты — ничтожество в рядах «Северстроя». Если удачлив, но слаб, ты — все-таки личность. Если ты силен и удачлив, ты — личность вдвойне. Он, Чинков, и есть такая, двукратная личность. Следовательно, он создан для «Северстроя».

Территория — страна олова. Заповедь «Северстроя» гласит, что олово и золото несовместимы в одной провинции. С оговоркой «почти». Но про оговорку забыли. Может быть, потому, что золото на Территории упорно искали. Два гда назад, собирая в черную папку материалы по Территории, Чинков выдумал какую-то комиссию по проверке архивных фондов, сам стал ее председателем и прочел все, что можно прочесть, не вызывая расспросов. Получилось так:

Конспект.

Первичные предпосылки. «Голова золотого тельца находится на Юконе. Туловище его находится в Азии». Эта

формула возникла в последние годы XIX века среди золотоискателей Клондайка. «Подтверждением» формулы являлись сведения, полученные от скупщиков «оленьего короля» Карла Ломена. Скупщики утверждали, что хорошее россыпное золото встречается у Заячьего мыса. Были еще невероятные слухи, что туземцы стреляют медведей золотыми пулями и у некоторых из них видели мундштуки трубок из самородного золота. К 1900 году наметилось четкое движение проспекторов Клондайка в Азию.

Примечание Чинкова. Никто никогда не видел золота или изделий из золота, достоверно добытого на Территории.

Конспект.

Экспедиция К. В. Богова. Для «сохранения русского суверенитета» над, возможно, золотоносными областями Азии была создана концессия, получившая преимущественные права на все полезные ископаемые Территории. В лето 1901 года была спешно организована экспедиция под руководством профессора Петербургского университета К. В. Богова, знавшего золотые прииски Лены и работавшего несколько лет на Камчатке. Субсидировали экспедицию английские банки. Она снаряжалась в Сан-Франциско, экспедиционным судном служила шхуна «Гаваи» под командой норвежца Хансена. Инженерный персонал составляли англичане, рабочими были китайцы, снаряжение американское по калифорнийскому образцу. Для охраны прав экспедиции был выделен военный бриг «Якут». Экспедиция пришла к берегам Территории в начале июля 1901 года. В первой же бухте она столкнулась с судном владивостокского купца Бринера, который также искал золото по разрешению, выданному Иркутским горным управлением. Экспедиция закончилась в августе. Из-за конфликта с капитаном Хансеном, который потребовал захода в Ном для ремонта машины. В Номе Хансен сошел на берег и отказался вернуться на судно. Суд подтвердил расторжение контракта.

Конспект.

Результаты. К. В. Богов составил геологическую карту узкой ленты побережья. Шлихи, промытые в устьях рек Территории, и также несколько шурфов, которые удалось пробить, показали повсеместное распространение золотых «знаков». Но ничего более. Конечный вывод К. В. Богова— отрицательный. «Именно из-за повсеместной зараженности золотом, на Территории нет промышленных россыпей».

Примечание Чинкова. Главной ошибкой была плохая организация экспедиции. К. В. Богов не столько занимался работой, сколько выяснением отношений между англий-

ским персоналом и начальником экспедиции, между капитаном Хансеном (запойная форма алкоголизма) и начальником экспедиции. Он не сумел преодолеть разочарование персонала от того, что в первых же пробах не полезли самородки. Снаряжение, отобранное в Сан-Франциско, не годилось. Калифорнийские кирки непригодны для вечной мерзлоты, насосы с коническим клапаном непригодны для откачки воды из шурфов. В результате пробито было всего несколько шурфов. Как специалист по золоту, К. В. Богов не мог не знать, что в устьях рек с их тихим течением вряд ли можно ожидать крупного золота. Экспедиции в верховьях рек не были организованы из-за неурядиц. Все предприятие окончилось крахом.

Сводка.

Проспекторы. В течение последующих двадцати лет на Территорию ежегодно попадали группы американских и русских проспекторов. Об этом сообщает местное население. В районе Заячьего мыса найден ручной бур «эмпайр», который применяется для отбора проб в рыхлых грунтах. Достоверных сведений о результатах не имеется. По-видимому, «знаки» в шлихах неизменно встречались, иначе нечем объяснить упорство проспекторов, повторявших экспедиции из года в год, зачастую с риском для жизни. Но ни один старатель не нашел ничего, кроме «знаков». Как и предсказывал К. В. Богов.

Примечание Чинкова. Одиночка-старатель или даже группа их не могли организовать сколько-нибудь тяжелые работы. Из-за отсутствия транспорта они были прикованы к ленте побережья.

Сводка.

Первая экспедиция «Союззолота». Первую экспедицию мощного треста «Союззолото» представлял Константин Сергеевич Дамер. Работа рассчитывалась на три года, из них первые два он должен был посвятить составлению географической и геологической карты запада Территории, третий год — прямым поискам золота. Базой служил домик Пугина на месте Поселка. В первую же зиму Дамер погиб в Кетунгском нагорье. Вероятно, от воспаления легких. Прибывший вслед за ним Д. И. Овцын закончил составление географической и геологической схемы. Поисками золота он не занимался. В геологических образцах, доставленных Овцыным с мыса Валькай, был обнаружен касситерит. Ни К. С. Дамер, ни Овцын ничего не сообщали даже о «знаках».

Примечание Чинкова.

Ошибки. Ошибки можно отнести лишь к руководству

треста «Союззолото». К. С. Дамер и Д. И. Овцын являлись геологами академического плана, блестяще образованными и настойчивыми работниками. Но они не были поисковиками.

Конспект.

Вторая экспедиция «Союззолота». Вторая экспедиция имела в своем распоряжении шхуну и состояла из четырех горных инженеров, знакомых с работой по золоту Лены, Алдана. К сожалению, ледовая обстановка была неблагоприятной, шхуна задержалась. Чтобы наверстать время, все четверо взяли одиночные маршруты от мыса Бараний камень к реке Китам, где их должна была встретить шхуна. По-видимому, они не учли тяжесть маршрута по осенней тундре, не учли климат Территории. Все пропали без вести. Шхуна зимовала в устье Китама, но никто из экспедиции не пришел. Результаты экспедиции поэтому неизвестны.

Примечание Чинкова. После открытий месторождений Реки, интерес к золоту Территории исчез. Ключом к ее освоению стал касситерит. Официальное мнение «Северстроя»: олово и золото в одной провинции несовместимы. Это считается неопровержимой истиной. Возможно, так оно и есть.

Запись Чинкова.

Факты. В архиве МВД мною найдено упоминание о бутылях с мелким пылевидным золотым песком, обнаруженных на касситеритовом прииске Территории. Спектральный анализ не позволяет их отнести к какому-либо месторождению Реки.

Заметка Чинкова.

Катинский. «Три пробы с весовым золотом. Докладная записка. Соображение об идентичности золотонесущих гранитов Реки и Территории.

Главной ошибкой Катинского является отсутствие твердости. Он был обязан любыми путями пробить максимальное число горных выработок и доказать, что есть россыпь, а не случайный карман. Трех проб, чтобы получить деньги и рабочих, разумеется, недостаточно».

Чинков один за другим мысленно перебирал листочки черной папки. Гул моторов давно уже стал еле различимым, стал фоном, к которому привык слух. Тонко дребезжала какая-то железка, самолет постукивал, вибрировал, жил. В закрытых глазах Чинкова мелькнула белая вспышка, и он неожиданно, без подготовки, как это часто было с ним, пришел к выводу, что проблема золота **Территории даже не в том, что его иска-**

ли неправильно или мало, а в том, что не было лидера. Нужен честолюбец, который будет идти до конца.

2

Начальник Восточной поисковой партии Владимир Монголов с четырех утра сидел в камеральной палатке. Работа над картой требовала сосредоточенности, а днем солнце так накаляло брезент, что мысли становились похожими на мух — черными и мохнатыми. Монголов гладил сухое бритое лицо и смотрел на карту. На ней разбегались обведенные тушью петли маршрутов, выполненных с начала сезона. Мелкие цифры номеров обнажений, красные точки шлиховых проб, черный квадрат на том месте, где били канавы, прямые черты шурфовочных линий поперек долины реки Эльгай. Все это было десятки раз взвешено, продумано, размещено так, как положено быть. И люди, и взрывчатка, и горные выработки. Прораб Салахов ушел в длинный шлиховой маршрут. Съемщик Баклаков сегодня вернется из очередной маршрутной петли. План по шурфам и канавам идет нормально — все катится и идет как должно. Но все же Монголов чувствовал, что порядок не подвластен ему. А он в свои пятьдесят три года привык к порядку: жизнь его прошла под словами «приказ» и «необходимо». Он служил кадровым офицером, потому что его направили в армию, потом стал горняком, ибо так требовалось, стал оловянщиком, потому что стране позарез нужно было олово, пошел на фронт, когда началась война, и оставил войну по приказу, ибо в олове война нуждалась больше, чем в командире батареи. Он был специалистом по поискам касситерита — главной оловянной руды. Здесь, в самом дальнем углу «Северного строительства», имелся касситерит, он создал Поселок, на олове специализировалось их управление. Монголов считал, что и его личная жизнь связана с оловом. Но в этот сезон, с самого начала его, Монголов чувствовал смутную глухую тоску, как будто утром, идя на работу, встретил вдруг старого недруга, неприятного, точно озноб, человека. И этим напрочь испортил день.

Проект на поиски касситерита в долине реки Эльгай писал Монголов. Проект был логическим продолжением предыдущих сезонов, и Монголов мог бы, если бы это допускали рамки проекта, заранее предсказать содержание и запасы. Но касситерита в долине реки Эльгай не оказа-

лось. Вопреки всякой логике. Не было в кварцевых жилах, где били канавы, не имелось в шлиховых пробах по долине реки, не встречалось в шурфах. Вместо этого в шлихах лезли недоброй славы золотые «знаки».

Странная и печальная история золота Территории всегда угнетала Монголова, когда он читал отчеты. Гнусный мираж, профанация, обман и самообман. Мираж — когда крошечные золотые пылинки, видимые лишь под лупой или микроскопом, вылазят в каждом лотке, но нет весового золота, нет настоящих проб. Истории, слухи, легенды, сказки, главы в бойких книжонках, написанных дилетантами, статейки там разные про романтику поисков и загадки природы. А Катинский? Прекрасный оловянщик, давний друг Миша Катинский. Три года назад он руководил партией на соседней речке Канай. Задачей партии было установление границ оловоносной провинции. Тундровый черт подбросил ему в трех шурфах пробы с весовым золотом. Катинский срочно написал докладную с переориентацией своей партии на золото. Где сейчас инженер и давний друг Миша Катинский? В Средней Азии! Сказал при отъезде, что подросли дети, требуется твердая рука отца.

Монголов в десятый раз провел по гладко выбритой щеке. Во всей партии брился только он, и только он считал необходимым ходить в стираном свитере, чищеных сапогах. Монголов взял тонко очиненный карандаш и чуть дрогнувшей рукой провел место очередной шурфовочной линии. Специфика геологии в том, что ты никогда не можешь предугадать результат, может быть, он появится в последний день в последнем шурфе или последнем шлихе, промытом замотанным за сезон промывальщиком. Но нюхом старого поисковика Монголов чувствовал, что олова в этом году не будет. Неудачный, глупый и нехороший сезон. Наверное, пенсия подает сигнал, стучится в дверь дрожащей рукой. Жизненная наука заключается в том, что никогда не надо сдаваться раньше конца. И никогда не надо спешить раньше начала. Зачем поспешил Миша, Михаил Аркадьевич Катинский? Может, ему тоже пенсия постучала? Или суетная жажда славы затмила ясность ума? Инженер должен исходить из реальности мира. Катинского уничтожили, насмешкой и властью убили боги. Те самые боги, что двадцать лет назад открыли знаменитый на весь мир золотоносный пояс Реки.

Монголов снял с гвоздя у двери офицерский плащ. Под плащом прятался короткий винчестер. Монголов надел плащ, перекинул ремень через плечо и машинально хлопнул по карману. В кармане звякнули патроны. Монголов

собрал со стола карты, положил их во вьючный ящик, навесил замочек и ключ положил в карман. Символически, но так полагается. Он тщательно притворил фанерную дверь камеральной палатки. В низовьях горела тундра. От дыма воздух казался белесым.

Монголов пересек ручей, впадавший в реку у базы. О сапоги стукнулся, метнулся хариус, рябь пошла по воде. От устья ручья Монголов свернул в кустарник. Точеная, прямая его фигура плыла над кустарником, приклад винчестера торчал над узким аккуратным затылком. Он без труда выбирал дорогу, и шаг его был легок, как у юноши.

Впереди долина реки как бы кончалась, упираясь в тупоносый горный утюг. Там река Эльгай раздваивалась, делилась: Правый Эльгай и Левый Эльгай — две равнозначные речки. Донесся глухой хлопок взрыва — шурфовщики работали. Вскоре Монголов увидел их: двое стояли у темного пятна грунта, на котором белел вороток, и смотрели куда-то за реку, в сопки. Потом уселись, все так же разглядывая дальние сопки. Над головами их кружилось плотное, хоть палкой бей, облако комаров.

Шурфовщик Кадорин, по кличке Седой, крупноголовый, чуть сутулый мужик со страшным шрамом, идущим от угла рта к уху, вежливо встал навстречу начальству, улыбнулся изуродованной улыбкой независимо и доброжелательно. Монголов поздоровался с ним за руку. Он уважал Седого. Гиголов, длинноволосый развинченный парень, прозванный из-за пристрастия к простокваше Кефир, дурашливо приподнял кепочку:

— Здрасьте, Владимир Михалыч, товарищ начальник.

— Где Малыш? — спросил Монголов.

— Пробы моет. С утра таскал, теперь моет,— ответил Седой.

— Точно! Топают двое,— провозгласил Кефир. Он снова уставился на дальний склон сопки. Седой промолчал. По остроте зрения невозможно было состязаться с Кефиром. Серые, вечно с придурью глаза его обладали дальнозоркостью хорошего морского бинокля.

— К базе идут,— дополнил Кефир.— Идут к базе. А в рюкзаках у них спирт. Ха-ха! — Кефир юродствовал.— Начальник, выдашь по кружечке? Выпью и спляшу индийский танец под названием «ганга». Есть такая река на берегу теплого синего океана. Средь храмов, пагод и идолов.

Он встал в раскоряченную позу восточной танцовщицы, вскинул руки. Одна ладонь сломлена вниз, вторая — вверх, как грязный бутон, и задергался развинченным телом.

Развернутые носки драных сапог притопывают по осоке, на немытом лице покой и загадочное блаженство.

— Выродок человечества,— кратко определил Седой.

Палило солнце. На желтой осоке, на сером грунте полярной земли валял дурака нечесаный человек в драной рубахе. Пахло сыростью, горьковатым запахом взрывчатки, дымом горящей тундры.

— Давай, Ганга, в шурф. Выкачивать будем.— Седой нацепил на крюк воротка бадью.

— В сырость и глубь земных недр! — Кефир поднял брезентовую куртку, шагнул к бадье.— Оба толстые, как больные. Прут нахально прямо на базу,— сказал он, в заключение глянув на сопку.

— Яз-зви его в веру, надежду и душу,— пробормотал Седой. Машинально глянув на сопку, он чуть не выпустил ручку воротка. Голова Кефира, стоявшего в бадье, была уже на уровне среза шурфа. Он терпеливо и бесстрастно взирал на Седого, как некий Христос, не возносящийся, а уходящий вглубь.

Монголов по следам рассыпанного при переноске грунта пошел к реке. Малыш в коротких и толстых резиновых сапогах стоял в воде и медленно качал лоток. Он не вздрогнул, не оглянулся на шум шагов. Вниз по течению от лотка уходила желтая муть. Даже сквозь верблюжий свитер было видно, как ходят мышцы по спине Малыша.

— Как дела?— спросил Монголов.

Малыш медленно разогнулся и повернулся к Монголову корпусом. Внешне промывальщик напоминал литую глыбу с мягкими кошачьими движениями. В Поселок он попал из цирка, где работал силовым акробатом. Бережно слив из лотка последнюю воду, Малыш бесшумно и даже изящно вышел из воды, вытер об узкое бедро ладонь и так же бережно пожал руку Монголова. Именно ровная вежливость создала Малышу авторитет среди вольных людей, не боявшихся ни финки, ни лома, ни расправы многих с одним.

— Как? — повторил Монголов. Вместо ответа Малыш кивнул на влажные мешочки с уже отмытыми пробами и подал Монголову большую шлиховую лупу в медной оправе.

— Ты продолжай,— сказал Монголов, наклоняясь за первым мешочком. Но Малыш остался стоять на месте, лишь беспокойно переступая с ноги на ногу. Монголов быстро просмотрел пробы. Мутные зернышки кварца, черная пыль магнетита и кое-где чуть заметно отсверкивали блестки золотых «знаков». «Что я психую,— желчно думал Монголов,— такие «знаки» под Подольском намыть можно. А вот намой ты под Подольском касситерит».

В то же время он не переставал думать о тех двоих на склоне сопки. «Оба толстые, как больные, прут нахально прямо на базу»,— сказал Кефир. Рация у них с весны вышла из строя, ядерная война начнись — не узнают. Пастухи? Пастухи толстыми не бывают. Идут, не таясь, идут со стороны, где работали канавщики, значит, не из «этих», не из случайных. Пожалуй, некому быть, кроме главного инженера их управления Чинкова. Кто-либо из начальства все равно должен посетить партию. Чинков как раз толст. Значит, идет Чинков и с ним сопровождающий с автоматом для соблюдения техники безопасности. Главного инженера Монголов знал плохо, потому что тот занимался золотом, а золото не интересовало Монголова. Золотарь, лауреат, человек с репутацией тяжелого танка. Достаточно сведений о начальнике.

— Все отмытые пробы доставь сегодня на базу,— сказал Монголов.— К двенадцати ноль-ноль.

— Приказ начальника закон для...—как-то неестественно улыбнулся Малыш.

— Кажется, главный инженер к нам идет.

— Порядок.— Малыш опять улыбнулся, на сей раз своей неизменной детской улыбкой.

Простая эта улыбка Малыша всегда выбивала Монголова из равновесия. За много лет он хорошо изучил экспедиционных рабочих. Он любил и уважал их, как, допустим, командир мог любить и уважать свой непутевый, но надежный в бою взвод. Кому как не Монголову, прожившему жесткую жизнь геолога и солдата, было знать, что за праведным ликом сплошь и рядом прячется квалифицированное дерьмо, за косоухой небритой личиной сидит бесстрашный умелец, за гордыней самолюбие и желание быть в деле честнее и лучше других. И еще Монголов знал истину, без которой не может быть командира,— грань, где кончается попустительство и стоит слово «приказ». Знали эту грань и его работяги. Но Малыш не подходил под каноны.

— Пойду встречать.— Монголов поддернул ремень винчестера и еще раз посмотрел на сопку. Если Чинков идет с той стороны, значит, он был на канавах, и обстановка ему известна. Идти на канавы незачем.

— Владимир Михайлович! — окликнул его Малыш.

— Слушаю.

— Все нормалеус. Пробы будут как штык,— вдруг сникнув, сказал Малыш.

Монголов несколько мгновений молча смотрел на него.

...У него опять заныло в желудке, под солнечным сплетением. Два года назад врач неопределенно находил то

ли язву, то ли преддверие язвы. Отпуск кончался, а законы «Северстроя» строги. Боль была тупой и тягучей. Монголов даже скривил лицо. Мысли прыгали: приход Чинкова, глупые знаки золота и отсутствие касситерита. Вспомнив окрик Малыша, Монголов даже остановился. Что именно его насторожило? Нет, ничего. Что-то с нервами не в порядке. Наверное, от жары. Пора в отпуск. Два с половиной года именно то, когда требуется отпуск. Монголов шел прямо, сжав губы, и даже несколько по-строевому печатал шаг, так сильно хотела его душа четкости и порядка.

Когда он дошел до палаток, Чинков был уже там. Он монументально сидел на консервном ящике, и было похоже, что он всегда тут сидел и будет сидеть. Мешковатая брезентуха придавала Чинкову простецкий вид. Они поздоровались.

— Вы на канавы зашли?

— Да-да,— соболезнующе покивал головой Чинков.— Совсем пустые канавы, такая жалость. А что шлихи?

— Пока все пусто.

— В полном противоречии с проектом. А что все-таки они говорят?

— Слабые золотые знаки. И ничего больше.

— Знаки обязаны быть. Конечно же так,— пробормотал Чинков.

— Пойдемте посмотрим карты и пробы.

— Охотно! — Чинков встал, тонко и весело крикнул:— Алексеич!

— Тут! — с готовностью ответил голос из-за палатки. Только сейчас Монголов увидел второго. Точно в такой же брезентухе, как и Чинков, чуть поменьше в объеме, так же черноволос. Они походили друг на друга, как вынутые одна из другой матрешки.

— Сообрази чайку и уху,— сказал Чинков.— Знакомьтесь: Клим Алексеевич Куценко. Лучший промывальщик Реки.

— Чай и уху,— как эхо, откликнулся Куценко.

Монголов чуть не рассмеялся. Голос у Куценко был точно чинковским, глухой и тонкий. Вся рота похожа на командира.

— И уху! — твердо сказал Чинков.— Ведите, Владимир Михайлович.

В камеральной палатке Чинков осторожно уместился на самодельном стуле и даже улыбнулся Монголову. «Смотрите-ка даже стулья у вас есть. По-хозяйски устроились...» Монголов ничего не ответил. Зыбкое благодушное поведение Чинкова насторожило его. Уж очень все не вя-

залось с жесткой репутацией Будды. В палатке было сухо, жарко, темно. Солнце грело торцовую стену, и мозаика комаров на потолке переползала лениво, менялась.

— Скажите, Владимир Михайлович,— тихо, даже как-то интимно спросил Чинков.— Вы могли бы поверить в промышленное золото Территории?

—В промышленное золото здесь я не верю.

— А почему?

— Считаю, что несерьезно. Трепотня и пошлый ажиотаж. Игра в романтику, хуже того, честолюбие за счет государства.

— Золото всегда сопровождает пошлый ажиотаж,—наставительно произнес Чинков.— Вы, по-видимому, не любите золото, Владимир Михайлович?

— За что я должен его любить? Я не одалиска и не подпольный миллионер.

— Ну что вы! Вы конечно не одалиска.

«Что он ваньку валяет? Зачем?» — с внезапным раздражением подумал Монголов.

— Повсеместное распространение знаков и случайные пробы ничего не доказывают,— резко сказал он.— Хуже того, дают почву для спекуляций.

— Ныряет, выныривает и снова ныряет,— загадочно пробормотал Чинков.

Монголов видел лишь его склоненную голову с могучим покатым и гладким лбом.

— О чем вы? — спросил Монголов. Чинков молчал. За палаткой послышалось ворчанье Куценко, шаги.

— Пойдемте!— быстро сказал Чинков. Они вышли из палатки.

Промывальщик Куценко шел по берегу с детским розовым сачком, каким ловят бабочек, и вглядывался в воду. Чинков воззрился ему в спину, приглашающе помахал рукой. Из палатки рабочих появился... Кефир почему-то в одном нижнем белье китайского производства. Осторожно покосившись на начальство, он уставился в спину Куценко.

— Гиголов! Ты здесь зачем?— спросил, улыбаясь, Монголов.

— Живот болит. Пришел за аптечкой,— сокрушенно прошептал Кефир.

— Каменюку швырни! — неизвестно кому адресуясь, скомандовал Куценко.

Кефир сорвался с места, поднял тяжелый булыжник и замер.

— Пониже меня метров на десять. Бро-о-сь! — не оглядываясь, пропел Куценко.

Кефир охнул, швырнул камень. Взлетели желтые, просвеченные солнцем брызги. Куценко сделал неуловимое в быстроте и точности движение сачком, и в нем заплясал крупный хариус. Чинков залился тонким счастливым смехом:

— Не правда ли цирк? Пятый год не могу привыкнуть.

— Сейчас еще выну, Илья Николаевич,— сказал Куценко и сердито добавил:— Ты больше не швыряй, дурило. В океан рыбу прогонишь.

Кефир восторженно выпрямился:

— Слышь, у тя глаза на затылке, што ли?

— Да-а-вай, да-а-вай! — лениво протянул Куценко.

Было тихо. Пищали комары, светило солнце.

— В рюкзаке коньяк есть. Не откажетесь? — спросил Чинков. Лицо у него было безмятежным.

«А он ничего мужик,— неохотно заключил Монголов.— Вырвался в поле и рад, как пионер в походе».

Чинков с посапыванием копался в рюкзаке. У Монголова снова резко заныл желудок, голова закружилась, и он подумал, уверовал вдруг, что в главном инженере сидит какая-то чертовщина, что он, Монголов, присутствует при непонятной игре. Дело вовсе не в том, что Чинкову взбрела блажь искать золото. С неясной тоской Монголов подумал еще, что песенка его подходит к концу, да-да, пенсия на пороге и освободи место другим. Даже на фронте, где люди весьма склонны к приметам и суевериям, Монголов меньше других был подвержен мистике. Но сейчас — накатило, и он даже выпрямился, даже одернул складки несуществующей гимнастерки под несуществующим ремнем и мысленно приказал себе: «Отставить, Монголов! Спокойно! Все в полном порядке». Все это промелькнуло в его голове за те краткие мгновения, пока главный извлекал из рюкзака завернутую в шапку бутылку коньяка «Армения». Он посмотрел ее на свет, оглянулся и тотчас, точно привлеченный этим магнитным взглядом, из-за откоса выполз Куценко с хариусами, оттягивающими мокрую сеть сачка. Следом, не сводя обожающих глаз со складок на затылке промывальщика, шлепал босыми ногами Кефир.

— Штаны не надо носить? — насмешливо спросил Чинков.

— Счас! — Кефир с деланным смущением устремился к палатке. Вышел оттуда в штанах, с кружкой.

Чинков рассыпался сдавленным кудахтающим смешком, пальцем поманил к себе Кефира и пальцем же показал на бутылке отметку.

— Извини, бутылка всего одна.

Кефир жестом заверил его в своей глубокой порядоч-

ности. С кружкой он отошел от палатки, сел на землю и тонко посвиристел. От обрывчика к нему тотчас запрыгал толстый желтый зверек — евражка Марина.

— Давай устроим, Марина, отдых трудящихся,— бурчал Кефир.— Счас я тебе сыру дам. Хошь плавленого, хошь голландского от империалистов.

Евражка Марина, северный суслик, тонко попискивала, стоя на задних лапках. Раскосые сусличьи глазки преданно смотрели на Кефира.

— Кадры у вас... Владимир Михайлович,— растроганно сказал Чинков.— Я, знаете, люблю настоящий северстроевский кадр. Помню, у меня журавля держали. Степу. Отравился чем-то и умер. Такое горе было... «Не лезь, не мешай, начальник, нам Степу жалко. Ты и не знаешь, какой он был человек». Да!

Они снова прошли в камеральную. В полумраке коньяк, налитый в кружки, казался густым, как олифа. Чинков со слоновьей грацией сидел на стуле. Вошел Куценко, принес две открытые банки шпрот, пачку галет в алюминиевой миске. «Уха будет через пятнадцать минут»,— сказал он и вышел. Было нестерпимо тихо. Западная стенка палатки нежно окрасилась розовым. От этого было грустно. Боль в желудке не отпускала Монголова. Он знал, что от коньяка ему будет хуже — придется пить соду и, пожалуй, не спать ночь. Но в «Северстрое» от выпивки отказывались только под предлогом болезни. Монголов считал, что, если дела в партии идут неудачно, про болезнь говорить он не имеет права. «Не ко времени, ах не ко времени»,— думал Монголов.

— Не считаете ли вы нужным провести шурфовку вверху? Подсечь оба притока? — спросил Чинков.

«Вот оно что! Значит, все-таки просто идиотское золото,— зло подумал Монголов.— Вежливо. Но твердо. Твердо. Но вежливо. Пойду на обострение».

— Нет,— сказал он вслух.— Не считаю. У партии есть проект. Проект составлен на касситерит. Касситерит, как известно, легче золота. Если он есть в верховьях, он был бы и здесь. Линии вверху будут пустой тратой государственных денег.

Монголов ждал, что в соответствии с обычаями «Северстроя» последует: «А вы считайте, что это приказ». И он будет вынужден подчиниться. Но Чинков молчал. Он сидел все так же, наклонив голову, и вдруг мгновенно и остро, точно щелкнул фотоаппарат, глянул в глаза Монголову.

— Где ваши люди? — спросил Чинков.

— Съемщик должен сегодня вернуться. Шлиховая группа прораба Салахова вышла в многодневный маршрут.

Кстати, он пройдет район Катинского, если вас это интересует. Я должен понять, где и, главное, почему выклинился касситерит. На западной границе планшета он есть. На самом планшете пока не обнаружено даже признаков. Восточнее — бассейн реки Ватап. О нем мы вообще ничего не знаем.

— Вы читали докладную Катинского?

— Конечно, читал. И дал дружеский совет выбросить.

— Почему?

— Ясно как... устав гарнизонной службы. Никто здешнего золота не видел в глаза. Если бы это был любой другой минерал, о нем бы просто забыли. Но золото обладает... свойством. Теряют голову даже опытные инженеры, как Михаил Аркадьевич Катинский. Мы с ним поссорились из-за докладной записки. Мальчишество. Здешние знаки можно намыть в Белоруссии, на Кавказе, даже в Подмосковье.— Монголов вдруг почувствовал себя усталым и старым из-за того, что вынужден был говорить очевидные вещи.— Я говорю очевидные вещи,— сказал он.— Ваш коньяк, моя база. Первый тост?

— Вы переписываетесь с Катинским?

— Редко. Новогодние поздравления.

— Может быть, он вернется?

— Думаю, нет. Недавно он защитил диссертацию по полиметаллам. Твердое положение. Его сильно обидели в Городе. Он не вернется.

— Возвращаются неудачники,— рассмеялся Чинков.— Не так ли? Поэтому выпьем за тех, кому нет нужды возвращаться.

Они выпили.

— Просто должны быть причины для возвращения,— переждав коньячный ожог в желудке, сказал Монголов.— У Катинского нет причин.

— Я рад, что вы отправили шлиховую группу за пределы Эльгая. Рад, что, несмотря ни на что, они пройдут район Катинского.

— Я просто веду нормальные поиски касситерита.

— В этой связи не хотите ли вы шагнуть за реку Ватап? Для обследования гранитных массивов. Допустим, дней на двадцать отправить в рекогносцировку вашего Баклакова.

— Все дело в реке Ватап. Потребуется на неделю снять людей с шурфовки, чтобы организовать переправу. И кого-то отправить с ним. Между тем жара. Мерзлота вот-вот поплывет. Людей с шурфовки снимать нельзя. Боюсь, что без лодок переправа вообще невозможна.

— И все-таки...— Чинков снова налил коньяк в кружки.

Дверь палатки открылась, и вошел Куценко с кастрюлей ухи. Он поставил уху на стол, быстро принес миски, галеты и тут же вышел.

— В такой маршрут должна идти группа или очень опытный тундровик. Карта нагорья приблизительна. Шальное лето. Всего можно ждать. Паводки, ливни, снег. Со дня на день.

— А что вообще Баклаков?

— Нормальный молодой специалист. Работает у меня второй год. Звезд с неба не снимает. Старателен.

— Он, кажется, мастер спорта? — сонно спросил Чинков. Монголов понял, что Чинков изучил анкеты.

— Спорт есть спорт. Работа есть работа. Это разные вещи.

— Честолюбив?

— Как всякий молодой специалист. Пожалуй, чуть больше.— Монголов невесело усмехнулся.— Медведь тут на базу пришел. Он на него с ножиком бросился. Для проверки душевных сил.

— И что же?

— Медведь убежал. Оказался умнее.

...Ночью Монголов не спал. Желудок не болел, было ровно и горячо, но смутное недовольство снова вернулось к нему. Беседа с Чинковым оказалась странной, уклончивой и непонятной. Монголов не стыдился прожитой жизни. Он не прятался за спины других. Выбрал профессию, тяжелее которой не так уж много. Работал в местах, хуже которых разве что полярные острова. Он открыл две оловоносных россыпи и тем оправдал свою жизнь на земле. У него прошло немало неудачных, пустых сезонов, но чувства ошибки не было, так как новый сезон тянул за собой другой, как линии геологических границ тянулись за пределы планшета, отведенного на данное лето. Монголов, это Чинков угадал, всегда неприязненно думал о золоте. О золоте — минерале, самородном металле, приобретшем властную силу над миром. Люди, околдованные этой силой, перекапывают тысячи тонн земли. Создают города, поселки и прииски, чтобы добыть металл, который не служит в орудийных стволах или инструменте, подобно стали. Не идет на бронзу, на пайку, антикоррозийные покрытия, подшипники, сплавы, подобно олову. Слитки в подвалах банков. Коронки, часики, кольца, монеты, сережки, броши, кулоны, перстни, браслеты — украшательство, фанфаронство, наглый и жирный блеск. Желтое фанфаронство. Глу-

пость людей, наваждение человечества. Его счастье, что он сухой. Геологи, склонные к ожирению, изнашиваются к сорока годам. Они не могут ходить в поле. В их медицинских карточках сложной латынью записано «сердечник». Он может ходить. Потому что сухой. Пока стоишь в строю... Взять бы разведку на оловянном прииске. Касситерит, насквозь знакомый и близкий ему минерал. Золото! Черт бы его побрал!

Монголов услышал шаги. Кто-то вышел из камеральной палатки. Зашуршал спальный мешок, и по тяжелому дыханию Монголов понял, что это Чинков. Решил, видимо, спать на воздухе. Будда уже не ходит в поле.

Чинков, забравшись в кукуль, спальный мешок из оленьего меха, смотрел на светлое небо, прохладный шар солнца, уже готовившийся к подъему от темных валунов сопок. Комары поодиночке с коротким посадочным писком атаковали лицо. Шумела река, и, как всегда по ночам, слышался стук перекатываемых водой камней. Не хватало лишь шума тайги. Там, где Чинков ходил в прославившие его маршруты, всегда была лиственничная тайга.

Чинков с трудом выбрался из тесного кукуля и раздул еще тлевший костер. Под мешком у Чинкова лежал полушубок, он вытащил его и надел прямо на голое тело.

Монголов из палатки видел неподвижную фигуру у бледного света костра. Он знал, что Чинков не заметит его, и долго смотрел на освещенное восходом чугунное лицо главного инженера. Пожалуй, сейчас Монголов понял, за что Чинков получил прозвище Будда. Но он не знал, что Будда в сей миг чувствует себя полным сил, честолюбия и веры в успех, молодым человеком и что громоздкое, расплывшееся за последние годы тело не мешает ему, что он глубоко и ровно вдыхает дым костра, горький запах горящей на западе тундры, запах сырости и слегка плесени — сложный аромат Территории.

Пригревшись под полушубком, Чинков задремал. Он очнулся, когда послышались шаги, и в следующий миг он увидел у костра согнувшегося под рюкзаком парня. Парень в упор его рассматривал. У Чинкова мелькнула сонная еще мысль, видение, что это он сам и есть, что время вдруг вернулось и у костра стоит возвратившийся из маршрута горный инженер Чинков. Видение исчезло. Перед костром стоял усталый парень с лицом, опухшим от комаров.

— Вы Баклаков?

— Да.

— Садитесь.— Чинков окончательно стряхнул сон. Теперь уже он в упор разглядывал Баклакова, скинувшего

рюкзак. Лицо у Баклакова было некрасивое, нос уточкой, лицо деревенского простяги-парня.

— Устали?

— Нормально,— с недоумением сказал Баклаков. Вопрос по экспедиционной этике был неприличным.

— Что-либо интересное?

— Нормально,— повторил Баклаков. Как всегда после комариного дня его слегка лихорадило. Он хотел чаю, хотел спать и сильно робел. За весну он успел наслышаться всяких историй о новом главном инженере. Знаменитость!

— Что бы вы думали об одиночном маршруте дней на пятнадцать — двадцать?

— Можно сделать,— сказал Баклаков и снова не удержался.— Нормально.

— Нормально его выполнить невозможно. Маршрут по гранитным массивам, с большим количеством образцов для анализа. К реке Ватап, через нее и далее в Кетунгское нагорье. Пятьсот—шестьсот километров. Ориентировочно.

— Сделаю,— сказал Баклаков.

— Вы действительно уверены в себе?

— Уверен в себе. Нормально.

— Как вы думаете переправляться через Ватап?

— Не знаю. Надо посмотреть на реку, потом принимать решение.

— Кстати, что значит в переводе «Ватап»?

— Серая вода,— сказал Баклаков.

— Мне сказали, что у вас нет дисциплины. Медведи, какие-то глупые ножики.

— Это я так...— Баклаков покраснел.

— Да-да,— покивал головой Чинков.— Судя по сему, этот дальний маршрут то, что вам надо. Не так ли?

— Если прикажут.

— Идите спать. Мы с товарищем Монголовым примем решение.

— Слушаюсь,— сказал Баклаков. За два северстроевских года он привык, что с начальством не разговаривают, а отвечают на вопросы.

Баклаков отнес рюкзак в палатку, бросил на улице спальный мешок и, не раздеваясь, лег на него, укрыв голову бязевым полотнищем палатки. В глазах поплыла серая вода, катилось течение, и он заснул.

...Проснулся он от того, что кто-то тянул его за сапог. Баклаков выпутал голову из палатки и увидел сидящего на корточках Куценко.

— Илья Николаевич требует,— прошептал Куценко.

Из палатки вышел Монголов. Чинков, похоже, так и не ложился спать.

— Владимир Михайлович! — окликнул он Монголова.

Монголов, снимавший свитер перед тем, как идти к реке умываться, повернулся.

— Я согласен с вашим решением отправить Баклакова в многодневную рекогносцировку,— громко и весело сказал Чинков.

Монголов ничего не ответил. Взял полотенце, зубную щетку, пошел к реке. Так же молча прошел обратно, мокрые волосы приглажены, вид свежий и аккуратный. Чинков, в овчинном своем полушубке, сидел у костра как татарский хан. Рядом переминался Баклаков.

— Сергей! Принеси карту Дамера. Вьючный ящик, четвертая папка,— приказал Монголов.— Я не понимаю, зачем этот цирк? — сухо спросил он, когда Баклаков ушел.

— Боялся, что вы будете возражать. Решил поставить вас перед фактом. Не будете же вы ронять авторитет руководства перед юным специалистом.— Чинков весело улыбался. Белые зубы, глаза — щелочки. Татарин!

— Вы могли просто приказать.

— Тогда бы я взял на себя ответственность. А мне сейчас не нужны ЧП. Управлению не нужны ЧП, связанные с моей фамилией.

— Боитесь?

— Бог с вами, Владимир Михайлович. Оглянитесь. Вокруг вас «Северстрой». А я Чинков. Таких, как я, здесь не судят.

— Я знаю.

— Я не вурдалак. Мне ни к чему бессмысленный риск. Особенно если рискуют люди, нужные мне.

— Зачем вам этот маршрут?

Чинков вовсе прикрыл глаза и с легким посапыванием стал шарить в карманах брюк. Вытащил легкий пакетик. На желтой бумаге крафт тускло светился золотой песок. Чинков пошевелил его пальцем.

— Смотрите, какая неравномерность,— ласково сказал он.— От мелких и средних зерен до пылевидного.

— Откуда?

— Намыл в верховьях вашей реки. У Куценко, знаете, редкий нюх. Редчайший. Обе пробы взял на сланцевой щетке.

— Он не взял на тех щетках касситерит?

— К сожалению. Я просматривал все шлихи до доводки. Такое ощущение, что в ваших шурфах должно быть весовое золото, Владимир Михайлович. На речке Капай

его обнаружил в двух пробах Катинский. В верховьях — я.

— У меня хорошие промывальщики. Но проверять ваше право.

— Зачем? — удивился Чинков.— Если я проверяю, то лишь себя.

— У меня хорошие промывальщики,— раздраженно повторил Монголов и пошел в палатку.

Баклаков вернулся с картой Дамера. У костра снова сидел один Чинков.

— Почему, Баклаков, вы не спросите меня, зачем я вас посылаю в Кетунг? — не поднимая глаз, спросил Чинков.

— В «Северстрое» спрашивать начальство не принято,— тихо сказал Баклаков.

— Если вы в таком возрасте будете ориентироваться на «принято» и «не принято», вы уже неудачник. Меня интересует, существуют ли массивы, нарисованные на карте, которую вы держите. Что они собой представляют? Образцы. Предварительное описание. Может быть, в них есть рудные жилы.

— Понятно,— сказал Баклаков.

— Это не все. В нашей власти направить сюда тысячи рабочих, колонны тракторов. Государство направит сюда караваны судов, флотилии самолетов, Госбанк выделит многие миллионы, если мы найдем совпадение условий. Поняли?

— Так точно.

— Вы прапорщик, что ли?

— Нет.

— Тогда почему это «так точно»?

— Не знаю. Вырвалось.

— Дайте карту. Что-то вы, Баклаков, не очень мне нравитесь. Угодливы вы, что ли? Непохоже! Тогда какого черта вы боитесь меня?

3

Прораб Салахов с рабочим день за днем приближались к старой базе Катинского. С большими металлическими лотками, лопатами на коротких ручках, привьюченными поверх рюкзаков, они походили на старателей, вольных искателей фарта. У рабочего, остроносого застенчивого мужичка, была громкая кличка — Бог Огня. Получил он ее за невероятное умение разжигать костры в любое время и в любой обстановке.

В узких долинах зеленела осока, тонко пищали неизвестные птахи, грохотали осыпи, сдвинутые бегом снежных баранов.

Через каждые три километра они брали пробу: с косы, со сланцевой щетки, с борта долины. Бог Огня долго качал лоток, разбивал скребком комья, выкидывал крупные камни и бережно доводил до кондиции перед тем, как слить его в полотняный мешочек. Когда он доводил шлих, то улыбался почти счастливо, хотя трудно представить себе счастливым человека с распухшими от ледяной воды кистями, с согбенной над лотком спиной и гарантированным на остаток дней ревматизмом. Слив шлих, Бог Огня в мгновение ока находил карандашные прутики топлива, ложился спиной к ветру, и откуда-то из живота у него сразу начинал валить дым. Бог Огня откатывался в сторону — и уже было бледное пламя крохотного костра, а у пламени примостились две консервные банки для чифира, и в них закипала вода. Бог Огня подкидывал новые прутики, молча подходил Салахов. Бог Огня грел покрасневшие руки, затем мелкими частыми глотками выпивал свою кружку и шел мыть новую пробу. Или, если не требовалась его помощь, застывал у гаснущего костра, уставившись на угли. Леший знает, что творилось тогда под облезлой шапкой из росомахи.

Ночевали они в двухместной палатке, тесно прижавшись друг к другу. В палатке было тепло от дыхания. Разговаривали очень мало. Погода стояла нормальная. Все в мире разговорами не обсудишь.

К Салахову во сне, в отличие от ясного настроения дня, приходило низкое полярное небо и разные мемуары. Когда же ему во сне являлись сделанные в жизни ошибки, он просыпался и долго смотрел на палаточный потолок. Если ошибки не уходили, он перелезал через бесчувственное тело Бога Огня к выходу. Разжигал костер из заготовленных на утро веточек и долго сидел — одинокий человек в светлой тишине, окутавшей Заполярье. Среди молчания, нарушаемого лишь стуком перекатываемых ручьем голышей, Салахов думал о жизни.

Жизнь Салахова, по кличке Сашка Цыган, делилась на три этапа. В первом этапе была жизнь в Прикубанье: школа, армия, служба в десантных войсках. После армии он вернулся домой и женился. Устроился шофером на консервный завод. Валентина, его жена, была красивой, горячей в постели и жадной. Она хотела, чтобы все в доме вызывало зависть соседей и еще чтобы имелся достаток тайный, никому не известный. Из-за этого сержант-десантник Са-

лахов связался с «левым» товаром, вывозимым с завода. Получил восемь лет.

Он оказался среди профессиональных уголовников. Его несколько раз били смертным боем, потому что он отказался признавать установленные ими порядки — выполнять норму за какого-нибудь блатнягу, отдавать пайку. Салахов яростно защищался до тех пор, пока его не сбивали подлым ударом. Один раз он даже плакал злой и скупой слезой в ночном шевелении барака, потому что этот, последний раз его, уже полумертвого, били всерьез. Хотели отбить печень. Он представлял себе, как будет сохнуть и медленно умирать. Все из-за жадности Валентины.

Но на сухом жилистом теле Салахова заживало как на собаке. Обошлось и на этот раз. Уголовники от него отступились. Два последние года он ходил рабочим в полевые геологические партии. Там он приобрел специальность промывальщика и после освобождения устроился в геологическое управление. Шоферы в Поселке зарабатывали дурные деньги, но Салахов суеверно считал, что баранка не приносит ему счастья.

Так начался третий этап его жизни. Зимой он жил в общежитии, которое в Поселке именовалось «барак-на-косе». Там зимовало все неженатое итээр управления, все инженеры, техники и прорабы. Салахов странным образом почувствовал себя легко и свободно среди веселых ребят. Никто и словом не поминал ему прошлую жизнь. Для всех он был ровней, столь же добродетелен, как и другие, не больше, но и не меньше. Салахов быстро понял, что для парней, населявших семидесятикоечный барак, с сугробами по углам, главным в жизни были не деньги, не жизненные удобства, даже не самолюбие. Они весело и твердо подчинялись неписаному своду законов. Твоя ценность по тем законам определялась, во-первых, умением жить в коллективе, шутить и сносить бесцеремонные шутки. Еще главнее было твое умение работать, твоя ежечасная готовность к работе. И еще главнее была твоя преданность вере в то, что *это и есть единственно правильная жизнь* на земле. Будь предан и не дешеви. Дешевку, приспособленчество в бараке *безошибочно* чувствовали.

Салахов истово принял неписаный кодекс. Ошибиться второй раз он не мог. Жизнь как затяжной парашютный прыжок. В затяжном парашютном прыжке двух ошибок подряд не бывает. Если ж случилось, то ты уже мертвый. Ты еще жив, еще работает дрожащее от ужаса сердце, но это уже конец.

...Чем ближе они подходили к старой базе Катинского

на речке Канай, тем меньше Салахов спал. Он работал у Катинского два сезона, именно Катинский сделал его промывальщиком. И сейчас Салахов думал о том, не сдешевил ли он дважды. Если так, то он уже мертвый, нет исправления, и за любым углом ждет судьба. Катинский ничего об этом не знал. Если бы он был здесь, Салахову было бы легче.

Когда они пришли на старую базу, Салахов долго ходил, пинал поржавевшие консервные банки и невесело улыбался, думая о людской и своей, в частности, глупости. Много ли ума требовалось, чтобы предвидеть: дружки, с которыми он пил и целовался после удачной кражи с завода, продадут его еще даже не дойдя до кабинета следователя. И Валентина, паскуда, больше боялась конфискации имущества, чем мужнина осуждения. Через год выскочила замуж. Сволочи, куркули проклятые, ничего в жизни не знают, кроме ковров, телевизоров, сберкнижки. Ничего, кроме кофточек в чемоданах, знать не хотят. На дефиците мозги свихнули. Ненавижу!

Шлихи здесь он мыл сам. Но в лотках ничего не было. Даже золотых знаков. Салахов самолично копал пробы с борта, с тундры, с русла, самолично лез в воду с лотком, напрасно вглядываясь в мутный остаток.

Бог Огня заикнулся на третий день: «Чего на заржавевшем месте стоять?» Салахов зыркнул на него выкаченным цыганским белком и внятно сказал: «Сколько надо, столько будем».

4

Крупный горный заяц ошалело выскочил из-за камня, метнулся вверх и замер на фоне бледного неба. Заяц казался почти голубым. Было видно, как ветер шевелит шерсть на спине и как вздрагивают заячьи уши. Сергей Баклаков тихо, беззлобно выругался: «Ах, клизма без механизма». Сейчас, на вторые сутки, он жалел, что не взял винтовку. Взял пистолет, оружие идиотов, но и тот с ремнем, кобурой и пачкой коротких патронов валялся на дне рюкзака. Баклаков нагнулся и прямо от земли закрутил в зайца камень. Тот сделал некое движение ушами и сгинул, растаял в вечернем воздухе.

Баклаков вышел на перевал. Впереди массив круто обрывался, внизу лежала желтая тундра с бликами озер. Совсем далеко на горизонте тянулась черная полоса, прорезанная кое-где водными отсверками. Это и была легендарная река Ватап на подступах к дикому нагорью Кетунг.

Баклаков оглянулся. Река Эльгай, где стояла их база, давно исчезла средь путаницы черных и фиолетовых сопок.

Монголов приказал взять спальный мешок, пистолет, три банки сгущенки в качестве НЗ. Баклаков сказал «слушаюсь», пистолет взял, спальный мешок засунул под койку, чтобы он не лез на глаза Монголову. Сгущенку он терпеть не мог, поэтому выкинул и ее. Быстрота и натиск — вот ключ к решению маршрута. С грузом скорости не достигнешь. Впрочем, викинги ходили в набеги при полном грузе, с оружием, в тяжелых морских сапогах. Черт с ними, с викингами. Их дело наскочить, грабануть и удрать. Его дело — выполнить задание Чинкова.

Баклаков выбрал затишек между камнями, скинул рюкзак и быстро разжег на камушке таблетки сухого спирта. Вместо котелка он носил консервную банку из-под персиков. Лужа воды была рядом. Пока чай закипал, Баклаков вынул из сумки маршрутную карту. Карта была старой, но честной. Что не знали северстроевские топографы, то не наносили, в чем сомневались — наносили пунктиром.

Облака разорвались. Тундра засияла желтым. Как в мультфильме, выступила синяя гряда Кетунгского нагорья. Над дальним синим туманом отрешенно и чисто сверкал ледовый конус горы, на которой никто не бывал. «Ах, боже мой, боже мой!» — от избытка счастья вздохнул Баклаков.

Он сидел, привалившись спиной к камню, кудлатая голова, насаженная на длиннорукое, длинноногое тело, грубо сделанное лицо выходца из вятских лесов и точная экономная поза, которая вырабатывается от жизни среди травы и камней.

День еще был в полном разгаре, солнце светило, но уже вечерело. Баклаков чувствовал это по особой тишине вокруг, по неуловимой смене освещения. Из внутреннего кармана он вытащил мешочек с махоркой и обгорелую с обломанным краем трубочку. Сергей Баклаков закурил, окутался сладковатым махорочным дымом. Вокруг него уже создался тот особый уют, который везде сопровождает бродячего человека. Он покуривал, точно бездельный бог, вытянув ноги в драных брезентовых штанах, расстегнув телогрейку. Заросшее библейским волосом лицо Баклакова было умиротворенным и безмятежным. Сердце ровно отстукивало свои пятьдесят ударов в минуту, кровь, не отравленная еще никотином, алкоголем и болезнями, так же ровно и мощно бежала по жилам. Прекрасна страна желтой тундры, темных гор и блеклого неба! Прекрасно одиночество рекогносцировщика средь неизученных гор и долин! Прекрасно, что ты никогда не умрешь!

В том, что он совершенно и абсолютно бессмертен, Баклаков ни на минуту не сомневался. Кроме того, он знал, что за спиной его всегда стоит старичок-лесовик, болотный бог, который ворожит ему в нужный момент. Сейчас Баклаков был доволен и весел, потому что находился один на один с собой, а значит, являлся именно тем, что он есть.

Восемнадцатилетним недотепой, карикатурным Ломоносовым в пиджаке х/б и жутких ботинках он попал из глухого лесного разъезда прямо в Московский геологоразведочный. Потомственная хитрость вятских плотников помогла ему выбрать линию поведения. Про золотую медаль Баклаков не упоминал, первый же смеялся над своими ботинками, первый садился чистить картошку в общаге и не лез вперед на собраниях. Простяга-парень, козел отпущения для курса — это он, Баклаков. «Почему в геологоразведочный? А разве с моей рожей в МАИ примут? Зачем в лыжную секцию записался? Дак мы привыкли на лыжах бегать. Ноги тоскуют». Где-то к третьему курсу все убедились в невероятной везучести Баклакова. Получает повышенную стипендию? Профессуре нравятся деревенские и основательные. По старинке думают, что геолог — это помесь вьючного животного с человеком. Выполнил норму мастера по лыжным гонкам? Ребята сказали, что он один на первенстве Москвы угадал мазь, когда никто ее не мог угадать. Блаженным везет. Мало кто задумался к шестому курсу, что недотепа Сергей Баклаков взял от института много больше любого из них. Курс наук назубок, диплом с отличием, железное здоровье, отточенное шестью годами лыжных гонок и распределение в никому не ведомый «Северстрой», где белые пятна на карте и неограниченные возможности для карьеры, работы и прочего. Спохватились, но поздно. И уж никто не догадался, что Баклаков пришел в институт с яростным честолюбием, верой: вятская фамилия Баклаков еще ляжет на карте Союза. Так шептал забытый и сморщенный болотный бог. И он же говорил Баклакову, что задание Чинкова и есть начало настоящей работы. Первое — скромно, без шума доказать, что ты можешь все.

Баклаков быстро собрал рюкзак. Что-то изменилось вокруг. Слева, над верховьями реки Ватап, повисла огромная, совершенно черная туча. Стало чересчур тихо. Гул комаров изменился. Тональность стала другая. Надо скорее дойти до реки. Хуже нет как гадать, что предстоит. Действовать, а не размышлять — вот лозунг мужчин.

Уже внизу, врезавшись в кочки, Баклаков запел дурным голосом «о-о, если б навеки так бы-ыло». Он прыгал

по кочкам и все пел, чтобы завестись. «О-о, хы-х, хых, если-нб, хы-х, па-а-а-веки, хы-х...»

К ночи, окончательно умотавшись, он отошел от массива километров на семь. Вершина массива грозно горела красным. Он долго ходил по ложбине и, как монетки, подбирал сухие прутики, веточки полярной березки. Затем распаковал рюкзак и достал палатку. «Клизма без механизма»,— умиротворенно сказал Баклаков. Он давно уже привык разговаривать сам с собой. Еще в институтской общаге. Наскоро выпив чай, он притушил костерок, приподнял стенку палатки, засунул туда рюкзак, телогрейку, сапоги и влез сам, опустив за собой стенку. Сидеть в палатке было нельзя, и Баклаков лежа, снял сапоги, надел сухие шерстяные носки, колени обмотал портянками, телогрейку застегнул на себе, оставив рукава свободными. Если даже ночь будет холодной, так он не замерзнет. В палатке было светло, и закатное солнце освещало все внутри угрюмым красным светом. Комары безучастно сидели на потолке. Снаружи что-то происходило, и Баклаков не мог понять что. Но было тревожно. В отдалении сипло тявкнул песец. С шумом пролетела какая-то птица. Баклаков высунул из-под телогрейки руку и, криво усмехнувшись, расстегнул кобуру пистолета. «Спи,— сказал он себе.— Действовать, а не размышлять, такова истина. Чем больше думаешь, тем страшнее».

Налетел порыв ветра, бязь на потолке захлопала, вспыхнули и погасли в глазах искорки. Он уже смотрел сон, как идет в маршрут в какой-то южной стране. Идет в плавках, и в руках авоська с образцами. Он шел по берегу очень широкой черной реки и искал переправу. Он твердо знал, что отныне жизнь его делится на две половины: та, что до переправы, и та, что будет после. Вроде как школьная река Рубикон у школьного Цезаря. «Какого же черта,— сказал Баклаков.— Река не черная, а серая. Это другая река».

Он проснулся и никак не мог сообразить, сколько времени. Перед глазами было серо. Потом он увидел, что полотнище палатки провисло почти до лица, и понял, что проснулся от холода. Еще не веря, Баклаков высунул голову и увидел, что тундра вокруг неряшливо засыпана синим снегом. Сбылось предсказание! С неба что-то сыпало: не то дождик, не то мелкая снежная крупка. С ощущением беды Баклаков быстро оделся и выполз из палатки.

...Когда он вышел к реке, снег перестал, и над Кетунгским нагорьем прорезалась холодная зеленая полоска. Ре-

ка впереди шумела глухо и грозно, но Баклаков не видел ее. Перед ним стояла стена мокрого кустарника с зябко повисшими листьями. Снега навалило сантиметров десять. Он разжег костер и выпил полную банку очень крепкого чая, затем вторую. Закурил и сказал сам себе: «Вот и снова жизнь прекрасна и удивительна».

Баклаков прошел вдоль кустарника вниз по реке. Вышел на небольшую тундровую прогалину. Прямо от нее начинался длинный косой перекат. Кое-где на перекате торчали блестящие камни. Рядом с заснеженным берегом вода казалась черной. Чуть ниже берег переходил в торфяной обрыв. Обрыв был подмыт, и в темную пасть его вода устремлялась с сытым утробным бульканьем. Противоположный конец переката пропадал в серой мгле над серой водой. Плавать Баклаков почти не умел. Он скрыл это от Монголова и Чинкова.

— Ну и вот, а ты боялся! — громко сказал Баклаков, чтобы подбодрить себя. Но почему-то голос прозвучал глухо, и настороженная река не приняла его.

— А вот я сейчас! — упрямо выкрикнул Баклаков. Он быстро стал раздеваться. Надо действовать, а не размышлять. Штаны и сапоги сунул под клапан рюкзака, коробку спичек положил под вязаную лыжную шапочку, дневник плотно замотал в портянки, так он не отсыреет, если даже попадет в воду. Телогрейку снимать не стал.

Вода охватила щиколотки точно шнуровка горнолыжных ботинок. Галька на дне была очень скользкой, но скоро Баклаков перестал ее ощущать. Ноги онемели от холода, и он шел как на протезах, деревянными ступнями нащупывал камни и выбоины. Вода поднялась до колен, потом до бедер. «Сшибет», —отрешенно подумал Баклаков. Зеленая полоска над Кетунгским нагорьем расширилась, и сверху, как назидательный перст, простирался одинокий солнечный луч. Наклонясь против течения, Баклаков брел и брел через этот нескончаемый перекат, ноги уже не ломило, они казались обмотанными липкой знобящей ватой. Когда вода опустилась к коленям, он побежал, высоко вскидывая ноги, как бородатый безумный шут. Он выскочил на узкую полоску песка за перекатом и без остановки вломился в кустарник. Весь облепленный узкими ивовыми листьями, он выбежал на небольшую, с пятнами снега, поляну. На полянке сидел заяц и смотрел на него. «Привет, братишка», — на бегу сказал Баклаков. Заяц даже в сторону не отскочил, только сделал следом несколько прыжков,— любопытствующий непуганый житель реки Ватап. Бакла-

ков проломился через кустарник и остановился ошеломленный. Могучий речной поток в всплесках водоворотов катился перед ним. Вода мчалась и в то же время казалась неподвижной, застывшей в какой-то минувший давно момент. На миг Баклаков почувствовал себя потерянным. Среди сотен безлюдных километров. Тундровых холмов. Речных островов. Темных сопок. Под низким небом! Один!

...Ночью пошел сильный снег. Он падал крупными влажными хлопьями, и потолок палатки провисал все больше и больше. Земля была мокрая, и Баклакова сильно знобило. Если бы он взял спальный мешок, он мог бы залезть в него и спать несколько суток, не расходуя продуктов. Если бы он взял винтовку, можно было бы сидеть у костра и жарить оленину или тех же зайцев.

Полотнище палатки оседало все ниже и ниже, и вдруг его осенило: мокрая бязь не будет пропускать воздух. Если бы даже он был мастером спорта по плаванью, это не помогло бы ему в здешней воде. Может быть, поможет палатка. И все росло и росло томительное чувство необходимости. Выхода нет, а значит, зачем откладывать?

Снег все валил и валил. Было тихо, и даже шум воды слышался как сквозь вату. Баклаков скатал палатку. Вытащил из рюкзака шнур и плотно перевязал его в двух местах. Не раздеваясь, перешел перекат. Сапоги стали очень тяжелыми. У следующей протоки он тщательно вымочил палатку в воде. Пока он ее мочил, руки закоченели. Баклаков взметнул палатку, как сеть-закидушку, и быстро собрал в горсть дно. Получился большой белый пузырь. Он вошел в воду и положил щеку на влажную бязь. Одной рукой он держал дно палатки, собранное в горсть, другой — греб. Он слышал, как шипят выходящие сквозь ткань пузырьки воздуха, как слабеет под щекой воздушная подушка, слышал холод, сжимавший грудь. Берег исчез. Бесшумные водовороты скручивались вокруг него. Страха не было.

Пузырь палатки все слабел и слабел. Он перехватил левую руку повыше и стал быстрее грести. Но палатка как-то сразу вздохнула, и голова его ушла под воду. Баклаков схватил палатку зубами и начал грести обеими руками. Но белесая, как привидение, ткань метнулась к животу, спутала руки. Он разжал зубы, и тут же его потянуло вниз — палаточные растяжки захлестнуло за сапоги. Течение несло его куда-то вниз, бесшумно и очень быстро, как во сне. Баклаков нырнул, чтобы распутаться. Шапочку смыло. Пеньковая веревка мертво держала ноги. В это время рядом с ним возник сморщенный бог-старичок. «Нож,— сказал

он ему. — Успокойся, у тебя нож». Баклаков снова нырнул и просунул лезвие между спутанных ног. Сразу стало легче. «Скинь рюкзак,— сказал ему старичок.— Не бойся». Палатка колыхалась рядом. Баклаков погреб по-собачьи. В левой руке был крепко зажат нож. Он сунул нож в ножны. В телогрейке еще держался воздух и плыть было легко. Впереди на воде мелькнуло что-то темное. «Куст застрял, отмель», — сообразил Баклаков. Он поймал метавшуюся рядом палаточную растяжку, просунул ее сквозь лямку рюкзака, опустился, оттолкнулся от дна и скакнул вперед, снова опустился и снова оттолкнулся...

По отмели он прошел вверх, волоча по воде рюкзак и палатку. Телогрейка казалась неимоверно тяжелой. Он вышел на остров, впереди была другая протока, но болотный бог был рядом, и Баклаков без колебания вошел в воду.

... Снег шел все гуще, и Баклаков боялся потерять направление. Он вытащил из кармана компас, но внутри была вода, и стрелка прилипла к стеклу. Буксируя палатку, один за другим он пересекал и пересекал мелкие острова и протоки, казалось, им нет числа.

Коренной берег он угадал сразу. «Вот так-то, товарищ Чинков! Клизма без механизма!» — сказал Баклаков. Снег шел. Баклаков выжал телогрейку. Отжал портянки. Судя по весу, вода в рюкзак почти не попала. Сейчас его лучше не трогать. Пленка в футлярах, фотоаппарат и дневник замотаны. У него оставалась коробка спичек, залитая парафином. НЗ в нагрудном кармане. Ее тоже трогать нельзя. Пятьдесят спичек — пятьдесят костров в сухую погоду. Есть нож, есть вата в телогрейке, а кремни найдутся. Продукты, кроме сахара, высохнут.

Баклаков надел сапоги, телогрейку и побежал. Берег тянулся ровный, засыпанный снегом, вода рядом с ним была темной, как в глубоком колодце. Он бежал очень долго, пока не наткнулся на другую воду у белого берега. Это был приток Ватапа, и по нему надо бежать вверх, в Кетунгское нагорье. «Вот так-то, товарищ Чинков»,— на бегу повторял Баклаков. Он знал, что ему надо бежать, пока не кончится снег. Снег кончится, он найдет топливо для костра, и снова жизнь будет прекрасна и удивительна. Вот так-то, товарищ Чинков.

Он шел всю ночь, как зверь, угадывая дорогу. Где-то в рассветный час река совсем сузилась, вода исчезла, и Сергей, проваливаясь, скользя и падая, полз по развалам заснеженных каменных глыб: вперед и вверх, вперед и вверх. Один раз он услышал в метели стук копыт и тяжелое дыхание убегавшего, видимо, больного оленя. Потом в животе ро-

дился горячий ком, поднялся в грудь, в голову и все заслонил. Несколько раз Баклаков ударялся коленом об острые каменные глыбы, но боли не чувствовал. Когда жаркий ком ушел, он увидел, что снег перестал, над горами на горизонте полоска синего неба, и он идет по склону сопки, по бараньей тропе, идет по темным, сильно метаморфизированным сланцам. «Все, Серега,— сказал он себе.— Пришли». Гранитный массив, первый из трех намеченных, был рядом. Баклаков чувствовал это. Он вошел в зону контакта. «Дошел-таки, клизма без механизма»,— прошептал Баклаков. Но радости не было. Хотелось лежать. В узкой закрытой долинке Баклаков кое-как натянул палатку. С юга, с сопок нагорья, неотвратимо и беззвучно ползла новая черная туча. «Немного полежу и буду работать,— твердил он.— Немного полежу и пойду дальше. Хочу полежать». Баклаков, не раздеваясь, лег на мокрый бязевый пол палатки, сунул ладони между коленями, положил голову на мокрый рюкзак. Голова оперлась об острый угол пистолета, лежавшего сверху. Он передвинул голову и провалился куда-то. Очнувшись в очередной раз, он услышал шуршание снега о палатку. Потолок палатки провис, и, когда он коснулся его щекой, щеку как будто полоснуло раскаленным железом.

Баклаков заставил себя высунуть голову из палатки. Камни вокруг были покрыты пеленой мертвого синего снега. Напротив палатки опять сидел заяц и с интересом смотрел на него. Воистину зайцы преследовали его. А может, это уже бред?

— Сиди! — громко сказал Баклаков и пополз за пистолетом. Рюкзак не развязывался. Он перерезал шнуровку, вынул пистолет и передернул, загоняя патрон. Заяц все так же сидел на месте. Сергей поднял пистолет обеими руками и долго водил им. Ствол прыгал от зайца на метр в ту и другую сторону. Заяц сидел неподвижно, и косые ведьмины глаза его жутковато поблескивали. Баклаков закусил губу, остановил ствол и нажал спуск. Оглушительно грохнуло, и дымящая гильза упала рядом с ним. Заяц бился на снегу, сучил длинными ногами. «Врешь, товарищ Чинков»,— пробормотал Баклаков, взял зайца за мягкие теплые уши и отнес в палатку. Он кое-как ободрал зайца длинным ножом и стал есть теплые кусочки мяса, стараясь тщательно прожевывать их. Так он съел всю заднюю часть зайца. Затем Баклаков выкинул из палатки оставшиеся окровавленные, облепленные волосом куски мяса и снова лег, прижал подбородок к коленям. Ему не было холодно,

только он все время поднимался наверх по крутому и рыхлому песчаному склону, песок осыпался, и он оказывался внизу и снова полз. Песок был серый, свинцового цвета. «Мое время впереди, товарищ Чинков,— шептал Баклаков, поднимаясь по серому склону.— Ты нас, вятских, не знаешь. Где надо, мы буравом ввинтимся, где плечом шибанем, где на цыпочках прокрадемся, где дураками прикинемся. Мы, вятские, все такие».

5

Старый человек по имени Кьяе сидел на заснеженном тундровом пригорке в странной позе — плотно сомкнутые ноги были вытянуты перпендикулярно туловищу. Европеец не высидел бы подобным образом и пяти минут. Но Кьяе поза не доставляла затруднения — привык с детства. Считалось, что так лучше всего отдыхают ноги и позвоночник. Снег, падавший на плечи и непокрытую голову, не мешал ему. Более того, снег напоминал, что скоро придет зима — лучшее время для пастуха. Подумав о зиме, Кьяе шевельнул плечами, руки выскользнули из широких рукавов вовнутрь меховой рубашки. Тепло. Уютно. Он втянул ноздрями холодный и влажный воздух. Запах дыма исчез — снег потушил верховой пожар. Остались гореть лишь торфяные ямы. Но, чтобы загасить их, требуется затяжной дождь. Потом в эти ямы будут проваливаться и ломать ноги олени. Потом ямы затянет льдом.

Стадо лежало спокойно. В первый день снегопада, избавившись от комаров и жары, олени паслись почти круглосуточно. Он специально заранее пригнал их сюда на невыбитое, но маленькое пастбище. Пастбища хватит на неделю — как раз до новых комаров. Подумав об этом, Кьяе удовлетворенно хмыкнул. На старости лет он угадывал предстоящую погоду почти безошибочно. И потому выбирал точное место для стада. Поэтому сейчас стадо спокойно лежит, набирает вес. А он спокойно, не тратя сил, сидит на пригорке. Он снова обманул старость.

Кьяе думал о Времени. Когда он думал о веренице прожитых лет, о том времени, когда не было еще самого Кьяе, но уже был отец, о еще более раннем, когда не было и отца, но был народ Кьяе, он всегда представлял себе вереницу холмов в тундре. Холмы в представлении Кьяе были событиями, которые, в сущности, составляют Время. Без событий нет Времени — это Кьяе знал твердо. Если

даже представить нечто отдаленное, как шепот умершего, то и тогда были события, а значит, было и Время. Холмы составляют тундру. Тундру можно сравнить с жизнью, с безбрежным ее пространством.

Такова была схема жизни, пространства и времени, выработанная пастухом Кьяе, и она вполне устраивала его. Одни холмы затеняют другие, из-за ближних не видно дальних холмов, точно так же обстоит дело с событиями. И между холмами существуют закрытые отовсюду низины, как бывают времена без событий, а вовсе дальние холмы исчезают в воздухе, как теряется, слабеет и тонет дальняя память.

Земля Территории, где родился и состарился Кьяе, всегда лежала в стороне от истории, изучаемой в школе. Сюда не дошло влияние древних культур Востока. Европейская или — как ее иногда называют — христианская цивилизация узнала о Территории позднее, чем о народах южных морей. Захватившие в свое время Восток проповеди буддизма и мусульманства так же обошли Территорию стороной. Сюда никогда не добирались миссионеры. То ли холод и дикая репутация Территории пугали их больше, чем жара и стрелы туземцев тропических стран, то ли земля ее заранее считалась нищей и непригодной для жизни, а потому вовсе ненужной церкви.

Тем не менее предки Кьяе здесь жили тысячелетия. Существует версия, что где-то на рубеже каменного и бронзового веков волны миграции зашвырнули сюда группу бродячих охотников и откатились обратно, оставив их на берегу покрытого льдом океана средь снежных холмов. Они называли себя «люди», или точнее «настоящие люди», «подлинные люди». Великая рациональность пропитывала их одежду, пищу, обычаи. Это была рациональность трав и лишайников, которые выстояли на мерзлых почвах и камнях Территории. Их жизнестойкость выражалась в освежающем душу юморе и беспечности. Без юмора, наверное, предки Кьяе быстро превратились бы в психопатов. Народ психопатов не может существовать, так что беспечность их также являлась рациональной.

...В стаде что-то тревожно взорвалось, заволновались спины оленей, вырвался в сторону старый рогач и побежал. Туловище его плавно и размеренно колыхалось, тяжелая корона рогов царственно плыла. Столь же неожиданно бык остановился и пошел к стаду.

Кьяе запустил руку за вырез кухлянки и достал массивную старую трубку. Была она очень удобна: под табаком

помещались тальниковые тонкие стружечки. Если кончится табак, можно курить эти пропитанные никотином стружки, предварительно положив под них другие.

...Кьяе наблюдал приближение старости по чувству усталости, которое все чаще приходило к нему. Его жизнь требовала непрерывных физических усилий: бега, ходьбы, метания аркана, погони за оленями, иногда стрельбы. Уже много лет он с легкой усмешкой смотрел на мир и обманывал старость тем, что экономил движения. Он знал, куда побегут олени, угадывал маршрут подбиравшихся к стаду волков. Он угадывал погоду, чтобы, даже уходя от пурги, экономить силы. Кьяе числил себя в прошлом гораздо больше, чем в будущем. Говорят, что после смерти человек попадает в другую тундру, но он не очень-то в это верил, хотя и не возражал бы пожить еще раз. Кьяе с детства усвоил, что лишенная движения мудрость бесполезна для ближних, а значит, служит обузой народу. Это была очень старая истина. Жизнь ослабевшего старика подобна сну без сновидений, когда неизвестно, живет человек или нет. Отличие заключалось в том, что спящий просыпается, старик же становился все более слаб. Подумав о смерти, Кьяе глубоко затянулся табачным дымом — все-таки курить сладостно. Он закашлялся, и тут ему почудился выстрел. Он не мог точно сказать, был выстрел или нет, но смутная тревога погнала его к яранге. Олени стояли теперь, сгрудившись в кучу. Быстро перебирая ногами в мягких пастушьих олочах, Кьяе взбежал на откос. От яранги шел дым, значит, внучка там, никуда не ушла. Все-таки он поддернул ремень длинного винчестера на плече и пошел к яранге, машинально стараясь не наступать на свой утренний след на снегу.

Внучку звали Тамара. В этом году она шла в десятый класс и, может быть, последнее лето проводила в тундре. Редко кто из молодых возвращается после школы в тундру.

— Э-эй! — окликнул тихонько старик, подойдя к яранге.

Ему никто не ответил. Над костром из веток полярной березки висел старый медный котел — предмет обывательской гордости старика Кьяе. Котлу было столько же лет, сколько ему. Он заглянул в полог. Тамара зашивала его старые любимые брюки из камуса. Зимой будет некому их зашить. Она сидела обнаженной по старому обычаю женщин их племени, только вместо пыжиковой шкурки на ней были спортивные трусики. Старик с удовольствием смотрел на крепкое тело внучки, на уже по-женски широкие бедра, на заносчиво торчащую грудь будущей матери. Может быть, он доживет еще до ее сына. Кьяе нравилось, что внучка соб-

людает древний обычай и дает дышать телу. Во всяком случае, когда в яранге нет молодых пастухов. Тамара выскользнула из полога, сняла с треножки котел и повесила чайник. Она двигалась бесшумно и быстро, как горностай. И вся фигура ее была гладкой и обтекаемой, точно у горностая.

Сидя на корточках у стенки яранги, старик не отрывал глаз от внучки. Обнаженное тело было обычным в их образе жизни. Это было рациональным, полезным для здоровья. Тело Тамары было смуглым, спортивные трусики белыми, на смуглых ногах красные спортивные тапочки и волосы черные и блестящие, как утренняя вода в торфяных озерах. Красиво. Кьяе спросил:

— Ты слышала выстрел?

— Никакого выстрела не было. Я бы услышала.

— Наверное, так,— согласился Кьяе.

Он выпил кружку кирпичного чая и заторопился обратно к стаду. Выстрела не было. Тамара настоящая девушка из племени настоящих людей. Она слышит шорох мыши под снегом.

У Кьяе была пастушья походка — он переваливался из стороны в сторону, точно хромал сразу на обе ноги. Такая походка вырабатывается от бега по кочкам. Этот выстрел, наверное, пришел из-за дальних холмов Времени, может быть, он прозвучал пять или десять лет назад, а теперь вернулся. Наверное, так. Или пришел из будущего. Кьяе верил, что ничего в горах и тундре не бывает зря, и в памяти его осталась зацепка — выстрел, который почудился.

Олени все еще лежали. Скоро они начнут разбредаться в поисках ягеля, и ему уже будет не до сидения. Он снова достал трубку, набил ее крупно нарезанным табаком, который в магазине продавался на вес, как сахар или макароны.

Кьяе снова пригрелся и закрыл глаза. Он вспомнил быстрые движения внучки, скользящую ее походку, подумал вдруг, что видеть такое — и есть счастье.

Подумав о счастье, Кьяе снова вернулся к размышлениям о Времени. Все-таки в его теории не все было гладко. Особенно в сравнении событий с холмами. На один и тот же холм можно зайти многократно, и каждый год его кочевой маршрут проходит мимо одних и тех же холмов. События же не повторяются. Таким образом, жизнь — это длинный маршрут, каждый раз в новую местность. Начало этой перекочевки начинается в неизвестности и кончается в неизвестности же. За пределы нельзя заглянуть. Тогда почему к нему часто приходит ощущение, что все это с ним однаж-

ды уже было? Может быть, он по старости лет заблудился и повторяет местность? Но где тогда люди, которые проходили по ней вместе с ним? И вдруг, по неизвестному сцеплению мыслей, Кьяе понял, что выстрел ему не почудился.

Он был.

...Сергей Баклаков все выбирался из песчаной ямы, проваливался и выбирался. Он все так же лежал, засунув ладони между коленями. Временами он чувствовал,что тело его распухает, вытягивается и становится таким огромным, что было непонятно, как оно умещается все в той же тесной палатке. Затем он опять терял сознание и полз по склону. Бред и явь мешались, и теперь наяву он лежал на дне ямы и рассматривал серый песок, рассматривал краем глаза. «Это у меня бред,— думал он,— такого песка в жизни не может быть. Я очень болен. Надо встать и идти. Надо действовать, а не думать».

...Он очнулся в этот раз от шороха чьих-то шагов. Они врезались в монотонный шум дождя, к которому он привык и не слышал. Палатка содрогнулась, и на щеку его упали холодные капли «Пистолет,— подумал Баклаков,— куда я его бросил?» Но ему было лень вставать, и он снова закрыл глаза. Опять послышались шаги. Видно, этот «кто-то» искал вход.

«Пусть поищет», — думал Баклаков и даже улыбался.

— Е-е-сть кито живьой? — раздался голос. Баклаков хотел ответить, но только просипел и искренне этому удивился.

— Э-ей! — мягко повторил голос.

Сергей Баклаков встал на четвереньки и сразу почувствовал затылком влажную холодную бязь. «Задел потолок, теперь протекать будет,— вяло подумал он и попытался загнуть край палатки, выползти из нее. Но ткань прилипла к палатке. Тогда он с усилием поднялся и встал вместе с облепившей его палаткой. И тут же у ног увидел свой пистолет, тот был сильно покрыт ржавчиной. Он видел только крохотное пространство вокруг сапог и ржавый «парабеллум» — трофей минувшей войны. Наконец Баклаков стянул с себя мокрую, липкую и холодную ткань, и по глазам ударил свет. Он увидел темнолицего, одетого в мех старого человека. По сравнению с собственным раздувшимся непослушным тяжелым телом старик показался Баклакову крохотным и невесомым. Дунь — улетит.

— Здравствуй,— хрипло сказал Баклаков.

— Здравствуй,— откликнулся старик.

— Заболел, кажется, я, — прохрипел Сергей. — Я геолог.

— Геолог хорошо, — радостно сказал старик и, как показалось, облегченно вздохнул.— Я пастух. Знаю, что ты заболел.

— Откуда?

—Выстрел слышал... Смотрим — палатка. Спрятались, наблюдаем. Утром человек не выходит, вечером не выходит. Ясно, что заболел.

— Стадо далеко?

— Вон-он.— Старик кивнул в пелену, за черные блестящие камни.— Дойдешь?

Голова у Баклакова кружилась. Он сел на палатку, скривил рот.

— Пожалуй, один будешь — помрешь. Пожалуй, точно помрешь,— сказал пастух.— Пойдем к яранге. Меня Кьяе зовут. Бригадир Кьяе.

Баклаков, не вставая, застегнув влажную телогрейку, надел пояс, сунул в кобуру пистолет, смотал палатку и запихнул ее под клапан рюкзака. Кьяе нагнулся, чтобы взять рюкзак, но Сергей уцепился за лямки.

— Мне с грузом легче,— прохрипел он.

Он встал, но его повело куда-то вбок, и он уцепился за скользкий рукав мокрой кухлянки, в груди возникла тяжкая ломящая боль, потом ушла в спину. Но все-таки он почувствовал твердую тяжесть груза на спине, и это придало силы.

— Вперед и прямо,— шутливо просипел он и пошел в туманную мглу дождя, куда указал ему Кьяе.

Как показалось Баклакову, шли они очень недолго, хотя на самом деле — почти полтора часа. Наконец они пересекли маленький очень прозрачный ручей (вода так приятно охладила горящие ноги), Баклаков увидел на взгорке темный конус яранги и дым. Затем он вспомнил себя в меховом низком пологе. Кьяе совал ему коробку с лекарствами и что-то говорил про фельдшера. Баклаков понял, что лекарств очень много, но Кьяе не знал, какие ему надо.

— А мне-то откуда знать? — удивился Сергей. Он стал пространно объяснять, что ничем никогда не болел и болеть вообще не может, произошла случайность, он, Баклаков, заболел вместо кого-то.

Он все рассказывал, но в полог влезла Тамара, стащила с него сапоги, мокрые брезентовые штаны, рубашку и, раздев Баклакова догола, с трудом натянула на него лег-

кие брюки и рубашку из пыжика. Потом, во время очередного приступа баклаковского смеха, сунула ему в рот две таблетки норсульфазола и аспирина. Сергей Баклаков затих.

Бред его изменился. Баклаков поверил, что к нему в палатку пришел с детства знакомый болотный бог. У бога были запрятанные в складках кожи глаза. Чаще глаза были выцветшие, голубоватые, как у вятских старушек. Они все понимали. Иногда отсвечивали болотным зеленоватым светом, и тогда Баклакову становилось страшно, как в детстве. Но это был его бог, насквозь знакомый старик, и Баклаков никуда не пытался бежать.

6

Когда пошел снег, Салахов все еще находился на старой базе Катинского. От снега база с ее грудами ржавых консервных банок, выброшенными кирзовыми сапогами, опорками валенок, темными бочками из-под солярки и керосина выглядела неприютно, как запустелый, разоренный, загаженный дом. В палатке по ночам стало холодно. Салахов мотался по окрестностям, набирал пробы в рюкзак. Пробы он приносил Богу Огня, который, закутавшись в плащ, сидел у воды и хлюпал носом. Когда Салахов приносил пробу, он лишь моргал слезящимися от простуды глазами, сбрасывал плащ и шел в воду. Салахов очень его жалел.

— Ничего,— сказал он.— Потерпи.

— А я чего? Я ничего! — быстро отвечал Бог Огня.

Они ушли с базы Катинского, так и не найдя ничего, кроме ничтожных знаков. Отсыревшая палатка и спальные мешки отяжелели и не влезали в рюкзаки. Когда собрали лагерь, Салахов взял рюкзак Бога Огня, положил его сверху на свой. Бог Огня косился на Салахова из-под капюшона и боязливо молчал.

— Я сам, я сам,— наконец сказал он. Лицо у него было серым, и зубы постукивали в ознобе. Так как Салахов ничего ему не ответил, то Бог Огня пробормотал, оправдываясь: — Простудился я маленько. Только пустому мне срамотно идти.

— Придем на Ватап, там кусты,— сказал Салахов.— Устрою тебе парную и будешь здоровый.

— Костер запалим?

— На всю тундру и дальше.

— Тут полубочка валяется. Надо взять, ежели баня.

— Где?

— Я понесу. Она легонькая,— засуетился Бог Огня.

Салахов ушел вперед, чтобы мыть по дороге шлихи. След Салахова был ровный, синий, в каждом маленькая лужица. К середине дня через низкий перевал они вышли к реке Ватап чуть выше того места, где переправлялся Сергей Баклаков.

Салахов выбрал косу с ровной галькой, расчистил от снега, натаскал сухих веток. Снег перестал, но облака так и висели: выстрели дробью — прольются осадками. Они быстро наносили кучу сушняка величиной с большую копну. Бог Огня запалил ее, и скоро на гальке полыхал огромный и жаркий костер. Когда костер прогорел, в центр его поставили наполненную водой полубочку и, приплясывая от жары, натянули мокрую палатку прямо над раскаленными камнями. Салахов притащил охапку зеленых веток, бросил ее в палатку, велел Богу Огня раздеваться и залез следом сам. Банка воды, опрокинутая на гальку, взорвалась паром. Бог Огня блаженно взвыл, и так полчаса из палатки доносились взрывы пара, хлестание веток и стон. Салахов нагишом выскочил из парилки, разостлал на сухой гальке кукуль и велел выбегать Богу Огня. Тот нырнул в мех. Салахов разжег рядом костер и поставил банки для чая. Морщины на лице Бога Огня разгладились, носик блестел. Он держал обеими руками кружку, прихлебывая чай, и расцветал на глазах от заботы.

— Сейчас бы одеколону. Флаконов пять. Или шесть! — сказал он.

— Кружку спирта. Полную. И кусок оленины,— добродушно ответил Салахов.

Бог Огня вдруг улыбнулся острой и ясной улыбкой.

— Я из-за этого спирту себя погубил,— сказал он.— Теперь живу на зароке. Третий год уже пошел.

— Лечился?

— Сам. Как баба умерла, так и закончил. Не выдержала она.

— Запьешь?

— Нет,— все так же звонко сказал Бог Огня.— Надо детей выводить. Двое их у меня. Мишка и Тоська. Из детдома я их уже вывел. Живут у сестры, все деньги ей отправляю, чтобы у них все было, чего раньше из-за моей срамотищи не было.

— Правильно! — одобрил Салахов.

— Теперь надо на дом накопить и жить всем вместе. Пишут: «папочка, приезжай».

— А ты их сюда вези. Другие живут, почему и твоим не жить? — сказал Салахов.

— Я бы не против. Место тут для детишков неподходящее,— вздохнул Бог Огня. Он огляделся как бы для утверждения этой мысли. Черные влажные кусты, синий снег клочьями вокруг них и белесая мгла в той стороне, где полагалось быть сопкам. В тучах прорезались багровые полосы заката. Шумела вода.— Тут место для мужиков. Для сильного организма,— дополнил он.

От сохранивших тепло камней палатка просохла, и они провели ночь в сухом и нежарком тепле. Утром Салахов проснулся в палатке один. Тепло все еще держалось, и Салахов полежал в дремоте. Выйдя из палатки, он увидел ясное небо и Бога Огня у воды. Он неторопливо мыл пробу, взятую прямо у берега.

— Проснулся я прямо здоровый,— сказал Бог Огня и радостно передернул в подтверждение плечами.— Решил посмотреть наудачу в лоток.

Над верховьями реки висело солнце, небо было безоблачным, и тундра, и пожелтевший кустарник сверкали радостным желтым цветом, снег исчез.

— Как на празднике,— перехватив салаховский взгляд, сказал Бог Огня.— Прямо краски не пожалели. Может, правда детишков сюда привезти?

Было в его радостной суетливости нечто такое, что заставило Салахова отвернуться и сказать:

— В этом деле приказа не существует. Они твои, ты и решай.

Бог Огня положил лоток, снял росомашью шапку и вытащил из-за отворота ее кусок лески.

— Красную тряпочку жрет, собака. Гляди! — Он преданно глянул на Салахова, метнул леску в воду и тотчас выбросил на песок крупного темноспинного хариуса.

Бог Огня укрепил ноги в не по росту больших сапогах, поддернул телогрейку, сдвинул лохматую шапку и стал челноком таскать хариусов одного за другим. Вскоре весь песок вокруг него был завален упругими отливающими перламутром рыбами.

— Хватит! — сказал Салахов.— Остановись.

— На эту бы реку. Да с сетями. Да с бочками. И горб гнуть не надо. На материке-то лазишь, лазишь с бреднем, еле на уху наберешь. А если бы эту реку туда. А нашу воронежскую сюда. Все равно тут населения нету, здесь и пустая река сгодится.

— Ты бы там ее за неделю опустошил,— сказал Салахов.

— За неделю? Не-ет! — вздохнул Бог Огня.

— Закрывай санаторий,— распорядился Салахов.

— Может, навялим да с собой унесем? — предложил нерешительно Бог Огня.

— Против жадности сло́ва силы не имеют,— усмехнулся Салахов.— Против нее автоматы нужны. Выздоровел? Точка! Собирай лагерь, вари уху — и топаем согласно полученного задания. Вопросы есть?

— Нет вопросов,— вздохнул Бог Огня.

— Действуй! Я вниз по течению схожу с лотком.

...Салахов шел очень быстро. Его вдруг поразила мысль, что от добра люди становятся хуже. Свинеют. А когда людям плохо, то они становятся лучше. Пока Бог Огня болел, Салахов жалел его. А сегодня он был ему неприятен, даже ненавистен, потому что Салахов вдруг увидел перед собой куркуля. «И я, и я был точно такой же,— думал Салахов.— Был дом, жена, работа. С жиру воровать потянуло. Катинский меня как человека принял. А я...»

Салахов, забыв, что ему надо брать пробу, все шагал и шагал по сухому берегу реки Ватап. Мысль о том, что добро к людям ведет к их же освинению, была ему очень неприятна. Какая-то безысходная мысль. По опыту армии, по опыту лагерной жизни Салахов знал, что излишняя строгость также озлобляет людей. «Значит, ни добром, ни страхом нас не возьмешь,— думал он.— Но должен быть какой-то подход. Должна же быть открытая дверь...»

И вдруг Салахов остановился. Ответ, найденный им, был прост, очевиден. Среди множества человеческих коллективов есть, наверное, только один, который т в о й. Как в армии своя рота. Если ты нашел его — держись за него зубами. Пусть все видят, что ты свой, ты до конца с ними. И что у тебя все на виду. Одна крыша, одна судьба, а об остальном пусть думает государство.

Салахов развернулся и пошел обратно.

7

Ощущение пустоты, ошибки и странной чертовщины не рассосалось у Монголова и после ухода Чинкова. Они ушли в верховья Эльгая за день до снегопада — две квадратные тумбы в белых брезентовых куртках. В тяжеловесном передвижении их от базы Монголову почудилась какая-то неотвратимость. За день до этого легкомысленным пионером убежал в Кетунгское нагорье Баклаков. Монголов обнаружил после его ухода и спальный мешок под

койкой, и банки сгущенки. Нарушение прямого приказа опечалило и встревожило Монголова. Но посылать кого-либо следом было бессмысленно. В долине Ватапа или в Кетунгском нагорье отыскать человека сможет разве что дивизия. Оставалось надеяться на звезду Баклакова. «Или поумнеет, или не вернется. Исправить ничего невозможно»,— заключил Монголов и запретил себе думать о Баклакове.

Он брился теперь тщательнее обычного и все одергивал и одергивал складки несуществующей гимнастерки под несуществующим армейским ремнем. Весь снегопад он просидел в камеральной палатке, свел воедино все маршруты, все пробы. Касситерита нет и не будет, это математически ясно. Точно так же, как раньше, прогноз касситерита был точен, как точны таблицы артиллерийских стрельб.

Когда вернулась группа Салахова, Монголов пришел к ним в палатку.

— Что нового? — спросил Монголов.

— Ничего, товарищ начальник,— сказал Салахов и кивнул на рюкзак, где хранились мешочки с пробами.

— В восемнадцать ноль-ноль прошу в камеральную с картой и пробами. Пусть кто-либо сходит к шурфовщикам и приведет Малыша,— приказал Монголов.

В шесть вечера Малыш и Салахов пришли в камеральную. Под глазом у Малыша был синяк, и Монголов сразу почувствовал в желудке сосущую пустоту. Что-то творится в партии.

Салахов сел на корточки у дверного проема, Малыш на стуле в отдалении от Салахова. Монголов отметил, что оба они старались держаться отдельно, подальше от него и друг от друга. Малыш сидел на стуле обтекаемой глыбой, распухшие кисти промывальщика лежали на коленях, как красные обрубки. Почему-то вид этих рук успокоил Монголова.

— Главный инженер продемонстрировал мне золото, намытое в верховьях нашей реки. Я также видел два года назад весовое золото, намытое на соседней речке Канай. Главный инженер высказал мнение, что весовое золото должно быть и у нас. Я лично в это не верю. Возможно, случайные карманы, не имеющие никакого значения. Но я обязан допустить и обратное. Что скажете?

Малыш сделал глотательное движение и сгорбился. Салахов мрачно смотрел в пол, и под цыганскими скулами его катались желваки.

— Приказываю говорить прямо,— сказал Монголов.— Ты первый.— Он кивнул Малышу.

— Сейчас,— сказал тот.— Сейчас.

И все пытался проглотить что-то.

Исповедь Малыша

«Сорок да сорок — рубль сорок, Владимир Михайлович. Это значит, что все одно к одному. Если в номере пошла неполадка, то обязательно заест занавес. Так дядя Арнольд говорил. Клоун. У меня девушка была одна. В школе еще вместе учились. Я к ней... относился. И сейчас отношусь. А она нет. Но ведь бывает же так, что с самого детства. Я сразу понял, что ей что-то необычное надо. Меня дядя Арнольд воспитал. В пятом классе я на турнике стойку делал. Из всех школ на меня приходили смотреть. Но она... Ей Сережка стихи писал и про Амазонку рассказывал, про Крайний Север. Он полярником собирался стать, Джеком Лондоном.

Школа кончилась, Сережка в авиационное техническое поступил, а меня дядя Арнольд отвез в цирковое. Так бы не взяли, но... дядя Арнольд. Он как живой музей был. Таланта у меня не нашли, но парень я развитой был и стал силовым акробатом. За три года номер подготовили. Я в группе. Когда нам номер уже самостоятельно дали, я Соню нашел, предложил замуж. «Ты бы еще в официанты пошел. Тоже красиво»,— она говорит. И вижу уже в глазах у ней не Сережка, не я, вообще никого. Но все равно необычное надо. Она никуда не поступила. В пункте проката работала. Велосипеды там, палатки туристам выдавала. Туристы ей палатки сдают, от самих дымом пахнет. Ее тянет куда-то. Это я потом уже понял. Во Владивостоке на гастролях верхний из нашего номера палец сломал. Номер сняли. Шляюсь по Владивостоку. Зашел в кафе. Там какие-то морячки на локтях борьбу устроили. У меня от безделья мышцы горят: положил всех морячков. В шутку. Подходит один малый: «Ты, говорит, здесь незаслуженно пропадаешь. Рванем в «Северстрой». Единственная планета, где может жить и зарабатывать порядочный кореш». Пошли в ресторан «Золотой рог», к вечеру уговорил. Я про Соню и про Сережку, который полярником собирался быть, вспомнил. Прилетели в Город, он денег мне дал и устроил на курсы промывальщиков. Сам на трассе живет. Остальное вы знаете.

Но я Соне сразу из Города написал. Не думал, что ответит. А она ответила и хорошо так. Про какие-то пурги, про канаты, по которым в пургу ходят, за них держатся. Чепуха в общем. Наверное, Сережкину трепотню вспомнила. Но откуда ей правду знать? Я сразу письмо ей о золоте, о том, что работаю с лотком и все такое прочее. И тут она мне стала сразу писать и длинно. Я, конечно, про золото врал, но о Поселке писал правду. О ребятах, про полярную ночь. А она все про дурацкое золото. «Не может быть, чтобы Джек Лондон только в книжках был. А как золото выглядит?» Зачем оно ей далось?

Но я все-таки горжусь. Сережка всю жизнь мне мешал, все врал. Но вот он сейчас самолетам смазочное масло меняет, механик, прикован к земле, а я работаю, как Джек Лондон. Мою пробы далеко за Полярным кругом. Я начал про занавес, который заело, то есть все одно к одному. Почты, сами понимаете, нет, я думаю о Соне, и вдруг в восьмом шурфе в одной пробе три пластинки золота. Примерно по половине грамма каждая. Честно: я сам не знаю, как их в карман сунул. Мысль: положу в письмо и пошлю Соне, чтобы она окончательно поняла ничтожность Сережки. Через час испугался. Это же главное преступление промывальщика — разделять пробы и класть что-то в карман. На курсах каждый день повторяли. Как назло, вы пришли, извините, Владимир Михайлович. Пробы вы просмотрели, а значит, сунуть обратно уже нельзя. Потом главный инженер появился. Я, как вы приказали, пробы принес. Вы с товарищем Чинковым в палатке были. А этот, который с ним, быстро так пробы у меня взял, все просмотрел, глазами туда-сюда, движения как у кота. И говорит мне, точно иллюзионистом работает: «Лоток крашеный зря используешь. Он пробу держит хужей. Когда доводишь, углом не надо сливать, по плоскости и кружить». А я точно, углом сливаю, так мне нравится. И лоток у меня крашеный. Потом этот иллюзионист сквозь меня посмотрел и говорит: «Золётинок-то нет, а чудится мне, должны быть золётинки в этих грунтах». Золётинки! Если бы вы одни были...

Я обратно. Ребята спят, я Седого за ногу вытащил. Так и так, что делать? Разозлился он страшно. Сволочью меня назвал. Из-за вас. Назвал тварью последней за то, что я не знаю, кого можно обманывать, а кого нельзя. Отнял эти три пластинки и швырнул в кусты. «Я, говорит, ничего не слышал, ты все забыл. И чтобы последний раз». Ударил даже. В назидание, говорит, о лагере, где тебя каждый бу-

дет лупить. Я готов понести наказание. Пластинки я искал, но не нашел. Седой их сильно закипул. Маленькие такие, обточенные. Края раковистые...»

Вторая ошибка Салахова

«Сила есть, ума не надо». Правильно говорят. Ты Седому пятки целовать должен. И молчи обо всем, или ребята в бараке тебя убьют. Презрением уничтожат. И не видать тебе твоей Сони. Ладно! Такое дело, Владимир Михайлович, расскажу про свою ошибку. Я в лагере шоферил. Имел выезд за зону. На четвертый год это было. Амнистия мне твердо маячила. Перед самой амнистией был ночной шмон. Нашли под полом три «гуся» — бутылки с золотым песком. Вынужден рассказать: песок этот с установок, которые касситерит моют, собирали. В зауголках, куда никто никогда и не заглянет. Мелкая золотая пыль. У зека нормы времени нет, годами копили. Начальство решило, что это золото с Реки. Переправлено с преступными целями. Всех, кто выезд за зону имел, под дополнительное следствие. В том числе и меня. Амнистия мимо прошла. Я это золото возненавидел на всю жизнь. Из-за него сидел три лишних года. В партии Катинского я промывальщиком был. Вы это знаете. Идиотское счастье: на третий день работы у меня в лотке два самородка вылезли. Я на них смотрю, как на Гитлера. И мерещится мне одно: новое дополнительное следствие. Золото же! Оглянулся и как камушки — оба в реку, где поглубже. Со дна проб никто не берет. После этого не попадалось. А второй промывальщик, который шурфы обслуживал, намыл новые пробы. Это я уже потом узнал. И что пробы эти Катинского погубили. Я в этот маршрут на нашей старой базе неделю торчал. Хотел намыть снова и Катинскому Михаилу Аркадьевичу написать. Ни черта не нашли, даже знаков. Под суд не пойду. От всего отрекусь. Но дайте, если можно, адрес Михаила Аркадьевича. Не могу спать спокойно. Он ко мне сразу как к человеку отнесся. И перед ребятами в бараке стыдно. Невезуха есть невезуха. Но я ее поборю. Сломаю, как ветку, куда она денется. Я к выводам пришел. А значит, мне сейчас жить надо. Среди людей».

Монголов долго сидел у стола. Снаружи невнятно бормотал что-то Бог Огня. Трещал костер.

— Купчишки,— устало сказал Монголов.— Они самородки швыряли. Сукины дети! Это ваше ли золото? Это золото государства, преступники...

— Готов понести наказание,— сказал Малыш.

— Под суд тебя отдать? Жизнь поломать по глупости? — Монголов вяло махнул рукой.— У тебя, Салахов, дело прошлое. Адрес Катинского дам. Поступай, как прикажет совесть. Про Малыша мы знаем двое и Седой.

— Седой — могила,— сказал Салахов.

— Не надо соучастия, Владимир Михайлович,— сказал Малыш.— Это ведь получается соучастие в преступлении.

— Вон! — приказал Монголов.— Искупишь работой. И ты, Салахов, искупишь.

— Искуплю,— истово сказал Малыш.

Салахов промолчал.

8

Снегопад в июле утвердил поколебленный жарой тезис: «Территория есть Территория». Журналисты, прибывшие освещать навигацию, теперь уверенно щеголяли по улицам в импортных сапогах и куртках, предусматривавших чрезвычайные случаи жизни. Территория есть Территория. Тундровые пожары затихли. Установилась нормальная погода из холодного солнца, дождей и ветров.

Чинков вернулся из командировки в партию Монголова помрачневший и как бы углубленный в себя. На столе его ждали две радиограммы. Начальник Дальней рекогносцировочной партии Семен Копков сообщал, что наткнулся на месторождение киновари необычайного масштаба. Месторождение просто лежит на поверхности. Принято решение провести предварительную разведку.

Начальник партии с реки Лосиной Жора Апрятин сообщал, что на склоне хребта Пырканай, в распадке с координатами такими и такими-то, им найден скелет человека, судя по вещам геолога. Требовал указаний.

Чинков звонком вызвал Лидию Макаровну и, не отрывая глаз от стола, продиктовал радиограмму Копкову: «Поздравляю точка базу партии перенесите к месторождению точка подготовьте вывозке количество руды достаточно промышленного анализа Чинков и. о. главного геолога».

Лидия Макаровна, стоя у двери, быстро набросала текст в блокноте, но осталась стоять. Чинков хмуро глянул на

нес и добавил: «Потребное снаряжение, продукты, горючее могут быть сброшены с самолета. Радируйте».

Чинков еще посидел, потом тяжко пересек кабинет, не глядя на Лидию Макаровну, вышел и, скрипя половицами, направился в правый конец коридора, где был кабинет начальника управления Фурдецкого. Секретарша Фурдецкого Люда, за броскую красоту прозванная Людой Голливуд, читала роман.

— Спросите, не примет ли меня Генрих Иванович? — глухо сказал Чинков.

Люда Голливуд мелькнула в кабинет начальника. Неслыханное дело: Чинков! Просит приема! У Фурдецкого! Через секунду она распахнула дверь и встала у косяка, пропуская Чинкова — секретарша с картинки. Чинков прошел и сам закрыл за собой дверь. В кабинете Чинков опустился на стул и какое-то время в упор смотрел на Фурдецкого, пока тот не смешался. Генрих Фурдецкий, по прозвищу Фурдодуй, золотозубый человек с лицом и голосом праздничного оратора, был назначен сюда за год до Чинкова. Всему «Северстрою», в том числе и Фурдецкому, было известно, что сейчас он не более как «человек при Будде». В управление он перешел из небольшой спецэкспедиции. Экспедиция подчинялась Москве, потому что искала чрезвычайно важный оборонный металл. Год тому назад ее прикрыли, но Фурдецкий, перешедший в руководство из техников, по обычаю «Северстроя» уже не мог вернуться обратно в техники. Видимо, в верхах «Северстроя» считали, что если Фурдецкий ничтожество, то при Чинкове управление Поселка все же не захиреет. Если он личность, то полезно его иметь в качестве противовеса Чинкову. Все это Фурдецкий знал. Чуть дрогнувшим голосом он нарушил молчание:

— Слушаю вас, Илья Николаевич.

— Я остаюсь,— просто и весело сообщил Чинков.

— Не понимаю...

— Остаюсь в управлении, и, значит, нам вместе работать.

— Я всегда рад... — начал было Фурдецкий и даже улыбнулся множеством золотых зубов.

— Если вы будете мне мешать,— так же просто и весело перебил Чинков,— я вас уничтожу. В «Северстрое» вам не найдется места разнорабочего. В ваших интересах перейти в мою команду.

— Что вы хотите? — Теперь Фурдецкий не улыбался.

— Очень немного. Не играть за моей спиной. Все сообщения в Город — только по взаимной договоренности.

Прямое выполнение ваших обязанностей: жилье, снаряжение, вся хозяйственная часть. Обещаю в ваши распоряжения не вмешиваться. Мне — выполнение производственных задач управления, вам — их обеспечение. Все в точности по уставу. Советую не думать, а согласиться.— Чинков встал и неожиданно быстро вышел из кабинета.

Фурдецкий помедлил лишь мгновение, выгреб из стола папку скоросшивателей и пошел к Чинкову.

— Не помешаю ли я Илье Николаевичу? — громко спросил он Лидию Макаровну.

— Ну что вы! По-моему, он вас ждет,— с чуть заметной усмешкой сказала Лидия Макаровна. Она посмотрела Фурдецкому прямо в глаза и вдруг чуть заметно дружески подмигнула.

Фурдецкий вошел и, не садясь, сказал:

— Первый раунд в мою пользу, Илья Николаевич. Вот документы. Все склады спецэкспедиции с новым снаряжением мною списаны на семьдесят процентов, а остальное переведено на баланс управления. Палатки, лодки, спальные мешки — все высшего качества по спецразнарядке. Вот накладные на два сборных дома. Заказан еще прошлой зимой. На выгрузке три новеньких вездехода. Украл у топографов. И вот распоряжение райисполкома о передаче нам старой конюшни. К осени там будет шикарное общежитие. Работы уже ведутся. Вы запоздали со своей декларацией, товарищ Чинков.

Чинков лишь благодушно развел руками.

— Я знал, что мы сработаемся,— тонким голосом сказал он.

После ухода Фурдецкого Чинков вышел к Лидии Макаровне.

— Запишите приказ,— напряженно и весело продиктовал он.— «Исполняющий обязанности главного геолога товарищ Чинков И. Н. направляется в инспекционную поездку в пределы Западной съемочной партии на реке Лосиной. Подпись — начальник управления Фурдецкий».

9

Начальник Дальней рекогносцировочной партии Семен Копков действительно чисто случайно открыл месторождение киновари. Его партия делала предварительное обследование «ничейных» земель в центральной части Кетунга. Проект партии составил главный геолог Отто Янович Калдинь,

один из старожилов и основателей Поселка. Отто Янович мечтал составить глубокий многолетний прогноз на олово. «Представьте, приходит вдруг телеграмма Госплана: «в состоянии ли вы обеспечить такую-то и такую-то сырьевую базу на олово?» Берем прогнозную карту и отвечаем как умные приличные люди...»

Семен Копков шел обычным маршрутом и вдруг за поворотом долины увидел сопку ярко-красного цвета. Он опустил глаза, поднял их снова, но видение не исчезало. Перед ним — реальность среди реального мира — стояла сопка ярко-красного цвета. На первый взгляд она целиком состояла из киновари. Поняв это, Копков сразу подумал об Отто Яновиче. Как бы обрадовался старик. Никто на Территории не думал о киновари и не ждал ее. И вот, пожалуйста. Как умным приличным людям подарок. Но Калдинь задержался в отпуске. Лежал в рижской больнице.

Копков вышел к сопке один. На другой день к нему присоединился коллектор, шедший самостоятельным параллельным маршрутом. Пятеро суток они лазали по сопке. Когда кончились продукты, Копков из пистолета ухитрился застрелить маленького тундрового медведя — линялого зверя с голым животом. Сам Копков остался с запасом медвежатины на сопке, а коллектор пошел на базу, чтобы дать радиограмму и получить ответ. Ответ пришел как раз, когда Копков медведя доел и питался непугаными евражками, которых так же стрелял из пистолета. Вообще Копкову с его репутацией чудака везло на необычайные ситуации в жизни, и анекдоты о нем добирались до Города. Сейчас он сам и его хмурые «кадры» челночным способом переносили базу на новое место. Одна ходка составляла сто сорок километров, и потому Копков разделил все на два рейса: продукты, спальные мешки и рация. Все остальное пришлось бросить, как и посадочную полосу, приготовленную с таким трудом. Руда для промышленного анализа весила около тонны. Разумеется, на аэродром ее не перенесешь. Ручьи и сопки в этом районе Кетунга не имели названий, и Копков назвал месторождение — «Огненное». В вечерние часы сопка казалась сгустком овеществленного пламени.

10

— Только плебеи считают за счастье лежать вверх задницей и ничего не делать,— сказал Жора Апрятин. Как всегда по утрам, он вел воспитательный диалог с завхозом Васькой по кличке Феникс.

— А разве я не плебей? Плебей и есть,— смиренно ответил тот.

— Ты работаешь в Арктике. В Арктике нет плебеев.

— А шурфы, по-вашему, кто долбает? Князи, что ли, на канавах корячатся?

— Это люди... повышенной активности, Феникс. Им тесно среди плебейства, и они попали сюда. Плебеи, Феникс, живут в городах.

— На завтрак жрут бифштексы и ездют на такси,— радостно подхватил Васька.— А кто же тогда на заводах? Которые в городах?

— На заводах класс-гегемон! — Жора глянул на Ваську. Тот понял, почесал бороденку и уже другим тоном спросил:

— Тушенку, спички, курево. Еще что?

Но Жора Апрятин ничего ему не ответил. Он протирал масляной тряпочкой револьвер. Всегда по утрам Жора чистил оружие, как будто собирался в некий хунхузский набег. «Оружие должно быть в порядке»,— туманно объяснял он.

Васька со вздохом пошел на склад. Канавщики на гряде Пырканай уже неделю сидели на одной манной каше. Для остроты вкуса они ели ее с диким луком. Но за продуктами на базу никто идти не хотел: канавщики выбивали рубль сдельщиной, а через скорое время должна поплыть мерзлота. В этом году из-за жары раньше, чем обычно. Когда плывет мерзлота, какая к чертям прогрессивка? Апрятин обещал, что пришлет с продуктами Феникса. Канавщики кровожадно развеселились. Васька изменил клану ломика и взрывчатки, смылся на легкую должность завхоза.

На всю Территорию Васька Феникс был знаменит тем, что каждую осень он растворялся. Исчезал на глазах. Получив деньги за лето, Васька как бы просто таял в воздухе. Никто не видел, чтобы он садился на самолет или пароход. Его не встречали на касситеритовом прииске, не сталкивались с ним в Городе, не замечали и среди бродящих без дела бичей. Каждый раз ходили туманные слухи, что Васька замерз по пьяному делу, провалился под лед на зимнем лове в каком-то колхозе, что его пришили уголовники и кинули в море в железной бочке с камнями. Но каждую весну он возникал в геологическом управлении с жидкой своей бороденкой и ухмылкой виноватого человека. Так и прозвали Феникс. Возникает из ничего.

«Таков печальный итог»,— думал Жора, оставшись один. Слова эти привязались к нему два дня назад, когда

он наткнулся на останки человека в узкой горной долинке. Истлевший брезент пророс уже травой и полярной березкой. На поясе лежал наган — кобуру съели мыши. Мыши же съели и полевую сумку. Бумаги превратились в замазку. Только геологический молоток на длинной ручке выглядел как новенький. Жора забрал наган, молоток, остатки полевой сумки. Остальное оставил как есть. «Таков печальный итог».

Васька Феникс вернулся со склада и со вздохом поставил у входа в палатку рюкзак, набитый банками аргентинской тушенки, отечественным сгущенным молоком и пачками папирос «Норд». С тем же вздохом Васька вытащил из-под койки ржавую тулку, левый курок которой был умело выгнут из гвоздя; перепоясался брезентовым патронташем.

— Пошлепал,— выжидательно объявил Васька, но остался на месте.

— Чтобы как шлюха с танцев, не позднее утра обратно,— грубо сказал Жора. «Таков печальный итог».

Васька вздохнул, понял неотвратимость, взвалил рюкзак и направился к синеющей на горизонте гряде гор Пырканай.

Жора пошел к реке на свое излюбленное место, где кусты образовывали выемку над сухим веселым обрывчиком. Вода под обрывчиком кружилась в зеленоватых водоворотах. Было видно, как всплывают вверх и медленно погружаются рыбьи спины. Удочка с блесной лежала тут же, но завтракать еще было рано. Лосиная считалась самой благодатной рекой Территории. В среднем течении ее рос даже тополевый лес, сюда забредали с юга лоси, в верховьях бегали стада снежных баранов и вода кишела рыбой: голец, чир, муксун и даже встречалась нельма.

«Таков печальный итог». Жора сгорбился и сразу стал похож на сутулого длинноволосого мальчика. На людях он старался сохранять созданный воображением идеальный образ — немногословный, всегда с оружием, готовый к выпивке, действию. Жора Апрятин — полярный волк. Природа действительно начала Жору по образцу викинга: голубые глаза, светлые волосы. Но природа где-то на полдороге отвлеклась, и остальное завершил дед — известный географ, исследователь Центральной Азии. Он учил внука читать по путешествиям Николая Михайловича Пржевальского, мучил холодной водой по утрам, самовластно направил в Горный и самовластно распределил работать на Север. «Только там осталось место для приличных открытий».

«Таков печальный итог». Жора неплохо тянул фамильную лямку. Самолюбие не позволяло работать плохо. Но найденные два дня назад останки как-то по-иному все поворачивали. И вещи погибшего геолога и кости его не принадлежали к миру людей. В узкой долине посвистывал ветер, росла трава, и все там принадлежало миру земли, миру горных пород. Ни испуга, ни брезгливости не вызвал в Жоре найденный труп. Лишь печаль. «Из глины вышли, в глину попадем». Но что тогда самолюбие, что фамилия деда на карте Памира и надежда, что ты оставишь эту фамилию на какой-либо другой карте? Зачем? К чему стремился парень, свалившийся лет десять — двадцать тому назад среди черной щебенки в пустынном краю?.. Отрешенность. Вот именно такая атмосфера была в долинке. Не кладбищенская суета, где каждый памятник чем-то хочет выделиться, напомнить, обратить на себя внимание: «я был». Погибший геолог врос в метлицу, полярную березку, камни. «Оставьте меня в покое, я нашел конечную цель». «Таков печальный итог». Жора Апрятин даже вздрогнул от сознания собственных несовершенств. Он искал спасения в возне с оружием и виртуозном владении грубой речью работяги. Пижонство. Надо продолжать учить латынь, купаться в холодной воде каждое утро, крутить гантели, бегать легко и свободно. Но и это не выход из ограды несовершенств. «Соблюдай посты, это полезно и мудро. Следи за культурой тела и веруй в исследование природы. Тогда жизнь будет для тебя наполнена смыслом»,— писал в последнем письме дед. А дальше, как всегда, цитировал путешественников от халдейских времен до Нансена. Дед прожил интересную жизнь. «Думать до конца никогда нельзя»,— решил Жора Апрятин. «Надо где-то быть ограниченным человеком. Веруй в свою работу. Дальше не думай. Вот успех полноценной личности». «Таков печальный итог».

Жора знал, что засыпанная черным щебнем долинка, тихий шум ветра и завернутые в истлевший брезент останки истлевшего человека навсегда останутся с ним. Напоминание о смысле и цели. Нетленные ценности. Лишь железо осталось нетленным. Вещи остаются, мы исчезаем. «Таков печальный итог». Но человек, вросший в траву и горные минералы — исчез ли?

Рано утром вёрнулся съемщик Гурин. Выглядел он так, как должен был выглядеть в любых условиях средний интеллигент. Тщательно выбрит, даже запах одеколона, пуховка чиста, японские оранжевые сапоги аккуратно подвернуты, и очки поблескивают остро и усмешливо.

Гурин зашел в палатку, поставил у стола свой польский рюкзак и сел на дощатые нары. Жора с тоской ожидал, что он сейчас выкинет. Ему всегда было трудно с Гуриным.

— Што, хозяин, образов-то али не держишь? Перекреститься с дороги не на што,— сказал Гурин.

Жора Апрятин молчал. Он курил трубку, и суетные слова пролетали мимо него.

— Притомился,— вздохнул Гурин.— Ноженьки притомились. А не принять ли мне ванну? Пожалуй, принять. Ничто так не освежает, как ванна, глоток кофе и сигарета. Хорошо бы еще узнать, с кем спит в данный момент Анна Бозе и что слышно о летающих блюдечках. Как считаешь, Георгий? И как насчет кубка вина?

— Она спит с простым марсельским докером по имени Жан. Ей осточертели саксофонисты, киноактеры, продюссеры и миллионеры,— с тоской включаясь в игру, сказал Жора.

— Неужели? Георгий, не опошляй новости. Я приму ванну, и ты все расскажешь подробно. Ах, ах! — Гурин взял полотенце, тренировочный костюм, кеды и пошел к реке.

— ...Все-таки вторая экспедиция «Союззолота»,— сказал Гурин, вернувшись.— Больше некому. Люди гибнут за металл. А, Георгий?

— Как думаешь, милиция прилетит?

— Непременно. Мертвые покоя не имут. Я бы на твоем месте сам справил обряд. Могила неизвестного страдальца. Загадка тундры.

— Обязан был сообщить. Долг.

— Долг выше сострадания. Сострадание выше...— Гурин отвернулся от Жоры и стал распаковывать принесенные с собой образцы. Всегда было приятно смотреть, как Гурин обращается с образцами. Он возился с ними как с ручными любимыми мышками. Гурин подавлял Жору превосходством. Он был высоким профессионалом в петрографии, самой мутной из геологических дисциплин. Знал французский язык, знал английский. И в завершение, по его словам, в юные времена был мотогонщиком, потом баловался горными лыжами. В Поселке он появился без приглашений и договоров. Предъявил хорошие бумаги и сразу заявил, что прилетел временно. Независимый человек. Эдакий геологический ландскнехт, наемник от петрографии. Прилетает, подписывает контракт, работает сколько нравится и улетает. Больше всего Жору злило то, что Гу-

рин, по всем внешним данным законченный явный пижон, в рубрику пижона не влазил. Он действительно знал петрографию, он действительно свободно владел французским и английским. И ходил в маршруты с четкостью хорошего автомата.

...Вечером над палатками прогрохотал самолет АН-2. Посадочная полоса находилась на речной косе метрах в четырехстах от базы. У самолета Жора увидел знакомого милицейского майора в кожаном желтом пальто и Чинкова.

— Докладывайте, Апрятин,— сказал Чинков.

— Труп найден мною шестнадцатого июля на склоне...—начал Жора.

— Это вы доложите майору,— поморщился Чинков.— Докладывайте о результатах.

— Все идет как положено,— пожал плечами Жора.— Карты на базе.

— Самолет сможет там сесть? — спросил майор.

— Исключено.

— Пешком?

— Двое суток.— Жора глянул на оплывшую фигуру майора.

Чинков тяжко и медленно шел по косе у воды, разглядывал отмель. Лениво вполоборота махнул, чтобы Апрятин и майор шли на базу. Майор пожал плечами и строго сказал Жоре:

— Ведите на базу, товарищ начальник партии.

...В палатке Будда тяжко уселся на стул. Гурин при виде вошедших встал, коротко кивнул и снова улегся с излюбленным французским романом: на обложке — матадор и девица. Жора за ствол подал майору наган с позеленевшими патронами в барабане и завернутую в полотенце полевую сумку, вернее, ее остатки. Но майор все косился на Гурина. На обложке девица была вовсе без ничего и блеск ее ягодиц на глянцевом картоне кощунственно освещал палатку. И сам Гурин в свежем тренировочном костюме, в кедах с белой непачкающейся подошвой выглядел кощунственно. Не палатка геологов, а приют иностранных туристов.

— С какой целью вы ведете канавные работы, Апрятин? — тихо спросил Чинков.

— При заброске партии с самолета были замечены развалы кварца. Решил проверить канавами.

— И что показал ваш кварц?

— Жилы пустые,— сказал Жора.— Низкотемпературный молочный кварц и... более ничего.

Майор все косился на Гурина, закрывшегося обложкой, как будто происходящее его не касалось.

— Кто это у вас валяется на койке, Апрятин? — скрипуче спросил Будда.

— Андрей! — окликнул Жора.

Гурин сел.

— Как ваша фамилия?

— А ваша?

— Я Чинков. Главный инженер управления, где вы работаете, — монотонно сказал Будда.

— Андрей Игнатьевич Гурин. Инженер-геолог.

— Если вы действительно инженер-геолог, будьте добры к столу. — Чинков отвернулся от Гурина.

Майор засунул наган в полевую сумку. Сверток с бумагами придвинул к себе.

— Вы приняли решение? — спросил Будда у майора.

— Пусть захоронят. Составят акт,— вздохнул майор.— Дело ясное.

— Проверьте, прошу вас, как с техникой безопасности на базе Апрятина.

Майор вышел.

— Почему пусты канавы, Апрятин?

— Думаю, что наш лист находится в переходной зоне от золотоносных областей Реки к оловоносной провинции Территории,— единым дыханием выговорил Жора.

— Что вы скажете о золотоносности вашего района?— быстро спросил Будда.

Жора только пожал плечами.

— Мы ведем геологическую съемку. Отто Янович предполагал, что наш район будет чем-то вроде печки, от которой начнут танцевать...

— Меня не интересует, что замышлял Отто Янович.— Чинков встал, и лицо его налилось тяжкой кровью.— Здесь не полигон для научных изысков. Слушайте приказ, Апрятин: к осени вы дадите мне полный отчет именно о золотоносности вашего района.

— У партии существует утвержденный проект, — тихо сказал Жора.

— Мне наплевать на проект. Я его отменяю,— яростно ответил Чинков.

Гурин выдвинулся вперед, локтем задвинул Жору за свою спину и весело сказал:

— О чем, собственно, спорить? Мы ведем работу в основном в горной части. Надо спуститься в тундру. Прошлиховать верховья основных водотоков. Шлихи мыть быстро.

Лишь на тяжелую фракцию. Канавные работы прекратить. Канавщиков перевести на шурфовку. Две-три обзорные линии в устьях главных ручьев. Не о чем спорить!

— Разумно! — по-человечески вздохнул Чинков. Он благосклонно глянул на Гурина и медленно двинулся из палатки.

— Статуя командора,— пробормотал Гурин.— Мыслящая статуя командора.

Это было невероятно, но Чинков услышал его. Он медленно, всем корпусом развернулся к Гурину, разлепил губы на чугунном лице и вдруг белозубо улыбнулся.

— Спасибо, что хоть мыслящая, Гурин, — медленно сказал он.

— Доктор. Моя здешняя кличка Доктор,— улыбнулся в ответ тот.

Чинков благосклонно кивнул.

В это время Жора Апрятин возник за спиной Гурина. Дергающейся напружиненной походкой он подошел вплотную к Чинкову. Все еще улыбаясь, Чинков смотрел сверху вниз на темя Апрятина, а Жора смотрел в землю.

— Прошу вас,— с бешеной официальностью произнес Жора,— никогда не кричать на меня. Во-вторых, прошу дать точные указания о поисках золота.

— Раз вы инженер, то должны знать это.— Чинков, казалось, забавлялся.

— В-третьих, прошу дать письменное указание об отмене проекта. Без этого я не могу изменить план работ.

Чинков молчал. Гурин с нескрываемым любопытством поблескивал очками, переводил взгляд с Чинкова на Апрятина, с Апрятина на Чинкова.

— Скажите,— вдруг благодушно спросил Чинков.— А на черепе у того товарища не сохранилось волос?

— Нет,— растерянно сказал Жора.— По-моему, нет.

— Если светлые волосы, значит, Гагин. Мой однокашник.

— Я не понимаю, какое отношение...

— А тут нечего понимать, Апрятин. Инженер-геолог не просто инженер. У него есть кодекс чести. Ваши коллеги погибли именно во время поисков золота. Результаты работ неизвестны. И для того, чтобы выполнить элементарный товарищеский долг, вы требуете бумажку. Вам не стыдно, Апрятин?

— Демагогия...— с трудом начал Жора.

— Демагогией занимаетесь вы. Приказ вам известен. Как его выполнить, вам расскажет Гурин. Вашему деду стыдно должно быть за вас, Апрятин.

Чинков развернулся и тяжким монументом поплыл прочь от базы. Жора так и стоял с опущенной головой.

— Вот это босс! — с восхищением сказал Гурин.— Ах, как красиво он тебя обыграл, Георгий. Умница! Монстр!

— Он плохой человек,— сказал Жора.

— Тебя высекли. Прими это как мужчина, Георгий. Ты с ним знаком?

— Второй раз вижу.

— Значит, и он тебя видит второй раз. Но как он тебя угадал! Личного дела для этого мало. Результат: приказ его ты обязан выполнить. Иначе он тебя высечет еще раз. Если же ты завалишь проект — никаких бумажек он тебе не оставил. Тебя высекут другие.

— Я не буду заваливать проект Отто Яновича.

— Этого он и хотел. С одной мышки две шкурки.

— У меня есть свидетель. Ты.

— Ни черта ты в людях не понимаешь, Георгий. Неужели ты видишь во мне жлоба-свидетеля? Клянусь говорить правду и только правду. Это для меня унизительно.

— Значит, ты за него?

— Я единичный философ. Следовательно, во всех случаях я за себя. Но мы с тобой в одной партии. Из классовой солидарности беру на себя всю работу по проекту. Ты выполняй задание Чинкова.

— Может быть, поменяемся?

— Не делай из меня холуя. Тебе дан приказ. Он великий, Георгий. Я это сразу понял.

— В чем ты видишь его величие? В хамстве?

— Есть цель. Есть ум. И абсолютно нет предрассудков, именуемых этикой.

— У меня другие понятия о величии.

— Величие столь же разнообразно, как и порок. Кстати, тебе великим не быть. Нет в тебе нити. Посему исполняй приказы.

— А тебе быть?

— Я в этом не нуждаюсь. Отмаялся величием в юности. Кстати: страдальца того я схороню. Чин-чинариком все исполню с помощью раба Феникса. Крест или столбик прикажешь поставить?

— Решай сам.

— Ты более велик, чем я. Я исполняю твои приказы. Я более велик, чем раб Феникс. И буду приказывать ему. Видишь, как уютно все получается?

— Циник ты, Андрей. Противно.

— Я не циник. Я единичный философ. Мне не противно, а просто смешно.

11

Баклаков очнулся, будто вышел из темной заброшенной комнаты. Обнаружил, что одет в пыжиковые штаны и рубашку. Под ним была шкура, и над головой и по сторонам все тот же олений мех. Чувство уюта сливалось с благостным чувством выздоровления. Баклаков сел. Передний край полога был подвернут. Снаружи доносились мягкие шлепки. Он высунул голову из полога и увидел в дверь тундру, залитую желтым светом. Справа от входа на корточках сидела девушка. Она была в тренировочных брюсках, но без рубашки. Баклаков видел смуглое плечо и острую грудь с маленьким темным соском, край темной от румянца щеки и ухо, полускрытое прядью длинных прямых волос.

Девушка месила тесто. Скатывала его в тугой клубок, отрывала часть, расшлепывала и пальцем выдавливала углубления в лепешке. Она почувствовала взгляд Баклакова и медленно повернулась. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу. Девушка разжала темные, как бы запекшиеся губы, улыбнулась и, повернувшись к Баклакову спиной, подняла валявшуюся рядом рубашку. С каким-то расслабленным изумлением он смотрел на тонкую спину, непостижимо расширяющуюся к бедрам, и выступы позвонков под кожей, и беззащитный затылок. Баклаков опомнился и исчез в пологе.

...Кьяе долго переводил глаза с Тамары на Баклакова и снова смотрел на Тамару. Глаза старика походили на два темных сучка, спрятанных в старом выветрившемся дереве. Тамара варила лепешки в нерпичьем жиру. Жир кипел в котле, распространяя запах подгоревшей рыбы. Лепешки лежали друг на друге золотистой грудой. Кьяе вытащил из угла кожаный мешок, вынул из него кипу полуспрессованных стеблей табака и принялся крошить табак на дощечке. Набив трубку, Кьяе выкурил ее до конца, затем из того же мешка вытащил пачку махорки и сделал себе самокрутку. Выкурив самокрутку, Кьяе все из того же мешка вытащил начатую пачку «Беломора» и бережно размял пальцами папироску. Баклаков не выдержал и рассмеялся.

— Если сразу папиросу курить, то потом невкусно,— пояснил Кьяе.

Булькал нерпичный жир в медном котле, копилась груда лепешек, бесшумно и быстро двигалась Тамара. В раскрытую дверь яранги виднелся кусочек тундры.

— Сейчас зарежу оленя,— сам себе сказал Кьяе.— Буду тебя кормить. Утром ешь, днем ешь, вечером, ночью ешь. Как силу почувствуешь, так иди.

— Да,— сказал Баклаков.— Конечно. Надо идти.

Кьяе сам варил мясо по стародавнему, кочевому рецепту. Нарезанное тонкими полосами оно клалось в несоленую холодную воду и вынималось сразу, как только вода закипит.

Баклаков сел. Он вгрызался в оленьи ребра, сдирал с них мясо, проглатывал, почти не жуя, тонкие длинные полоски. По подбородку и рукам тек сок, внутренность яранги была заполнена паром от запаха бульона, мяса, костного мозга.

Когда Кьяе пошел к стаду, Тамара ушла вместе с ним. Баклаков сидел у тлеющего костра, слушал шум ветра над ярангой, ел оленину и пил чай. Он засыпал на короткое время, точно проваливался в темную яму. Просыпался от голода и снова ел. Он пил бульон через край котла, и лицо, борода и руки его покрылись черной сажей. У стенки неторопливо и деликатно грызла кости Умичка — крохотная оленегонная лайка. Каждый раз, просыпаясь, Баклаков встречал ее по-человечьи смышленый взгляд. Глаза у собаки были разноцветные: один коричневый, второй голубой.

...Многие годы спустя, Баклаков пришел к выводу, что он стал взрослым мужчиной именно тогда, в яранге старика Кьяе. Жизнь до болезни походила на школьную подготовку, на незамысловатое сочинение, изложенное на тетрадке в косую линейку. И смутные мечты на песке у речки, текущей возле их лесного разъезда, и хитрая дурашливость институтских лет, и пот тренировок, и вера в то, что геология есть единственная достойная профессия на земле. Даже встреча с Чинковым и это глупое геройство при переправе через реку Ватап— Серая вода. Все это было в одной плоскости и черно-белом изображении. Баклаков часто вспоминал изрезанное морщинами лицо Кьяе, обнаженную девичью спину, глубокий взгляд из-за плеча и связанное со всем этим благостное чувство выздоровления. Жизнь приобретала объем, запах, цвет и теряла однозначность твердых решений. Баклаков навсегда запомнил запах шкур и рыбьего жира и навсегда потерял своего болотного бога — старик-лесовик больше не возвращался к нему...

Кьяе подарил ему кухлянку из оленьей шкуры и пару чижей — меховых чулок. Он показал ему место переправы через Ватап — сразу по выходе реки из Кетунга.

В коротко подпоясанной кухлянке, отощавший после болезни, Баклаков удалился в Кетунг. Работа будет сделана. Вот так-то, товарищ Чинков. Болезнь как бы лишила его тела. Баклаков казался себе невесомым — захочется, будет шагать по водам. Почему-то он все время вспоминал высказывание Семена Копкова, корифея дальних маршрутов. «Мы не викинги и нечего выпячивать челюсть. Мы — азиаты и тут живем. Высшая добродетель в тундре — терпение и осторожность. Высшая дурость — лезть напролом. Огибай, выжидай, терпи. Только тогда ты тундровик».

12

Вездеход, нелепое, как корыто на колесах, сооружение фирмы «Студебеккер», дошел до перевала, за которым начиналась река Эльгай. Дальше вездеход не мог идти из-за крупноглыбовых развалов камня. Можно было сделать крюк через отрог соседнего хребта, но вездеходчик не хотел гробить шины, второго комплекта которых в стране не имелось.

— Давай тренируйся пешком,— сказал он.

Саня Седлов и Куценко выгрузились. Дальше каждому предстоял свой маршрут. Вездеход развернулся и радостно загрохотал вниз. Саня Седлов, тощий, прокуренный до мозга костей парень, первым взвалил на спину рюкзак.

— До свиданьица! — сказал он и пошел на северо-запад. Приказано доставить исправную рацию на базу Монголова и вернуться. Он привычно шагал под грузом, насвистывал и радовался жизни. Отпуск провел нормально. Все было. Начиналась нормальная жизнь на ближайших два с половиной года. Нормально. Осенью будет что рассказать парням. Он отмочил удачную шутку. Будучи в Гагре, он отправил в управление звуковое письмо, адресовав кратко — «Руководству управления». Сиплым своим голосом Саня Седлов излагал на пластинке: «Уважаемые товарищи начальники! Отдых мой проходит нормально. Здесь тепло и имеется синее море...»

А вторым планом наигрывал бодрый джаз, сладострастно пиликала скрипка, и не знающий печалей голос напевал про море, пальмы, про любовь. По усмешкам снабженцев и кадровиков Саня Седлов понял, что пластинка получена, шутка оценена, принята и внесена в летопись. Нормально.

Над перевалом висело легкое облачко. Засыпанные уже снегом вершины говорили про близкую зиму.

Куценко выгрузил из вездехода три двухметровые доски, объемистый рюкзак с прикрепленным сверху лотком и лопату с короткой ручкой. Ему требовалось пойти на север, чтобы попасть в самые верховья Правого Эльгая. Вездеход рокотал где-то в лощине. Попутчик ушел на базу Монголова. Куценко остался один. Он прикрепил доски к рюкзаку куском веревки и вдруг сделал шаг, невероятно удививший бы Чинкова. Он вынул из нагрудного кармана пачку папирос «Казбек» и закурил, хотя всей Реке, где Куценко прославился как виртуоз промывальщик, было известно, что он не курит. Куценко курил, сидя на рюкзаке, и пытался определить погоду. Это была примерно четвертая папироса в его жизни. Три он выкурил во время открытия уникального месторождения на Реке, прославившего экспедицию Чинкова. Сейчас он курил, потому что в него вошла лихорадка Будды, родившаяся в пустом фюзеляже грузового самолета ЛИ-2. К концу папиросы Куценко уверовал, что лето, прерванное полосой снегопада, установилось, и он может рассчитывать дней на двадцать хорошей сухой погоды. После чего необходимо станет спасаться. Выходить на базу Монголова. Помалкивать. Он докурил и кинул окурок в камни. Куценко взвалил рюкзак, радуясь тому, что с грузом ему не придется идти по тайге меж деревьев, и перевалистым шагом направился на запад и вверх. Этим маршрутом он проходил с Буддой, но сейчас и Будда был забыт. В памяти Куценко крутились отмели, песчаные, галечные косы, торфяные обрывы, перекаты и заводи...

Поздним вечером он дошел до среднего течения речки, где долина образовывала как бы котел, расширение средь сжимавших ее сопок. Сюда и стремился Куценко. Он не знал почему, но стремился сюда. Ему здесь нравилось. Он не стал ставить палатку, просто расстелил ее на земле, поверх бросил олений спальный мешок, разделся догола, хлопнул себя по объемному животу и забрался в мех. Через несколько минут он уже спал, так как сильно устал.

Утром Куценко прежде всего осмотрел окрестности своей ночевки. В километре от места, где он провел ночь, он долго осматривал маленький ручей, стекавший со склона сопки в реку. Он вернулся за грузом, перенес его к устью ручья и под сухим обрывом натянул палатку. Он натянул ее по всем правилам и даже провел вокруг водоотводную канавку. Затем вынул из рюкзака небольшой топор, на лезвие которого была насажена пятка галоши, потрогал острие и принялся за доски. Через час у Куценко

было готово как бы корыто без торцовых стенок. На днище корыта он через десять сантиметров наколотил узкие поперечные планки. Все это сооружение он отнес к устью ручья. Выбрав участок с хорошей травой, Куценко принялся нарезать дерн. Он резал его квадратными кусками и складывал в стопку. Потом приспособил кусок доски в качестве импровизированной спинной подставки и перенес дерн к ручью. Он прокопал водоотводную канавку так, чтобы она попадала на край обрыва, где стояла палатка, и запрудил дерном ручей. Вода потекла по канаве и точно с обрыва падала на «проходнушку» — так на старательском языке называется простейший промывочный прибор, который он смастерил утром. Осмотрев сооружение, Куценко немного ослабил напор воды, для чего слегка приоткрыл запруду.

На небе висело красноватое в дымке солнце. Дважды над долиной пролетали гусиные стаи. Куценко задумчиво провожал их взглядом, пока не утихал тревожный гусиный крик. Закончив работу, он сходил к реке, разулся и долго сидел, опустив в воду пухлые, очень белые ступни. К ногам его подплыл и ткнулся в них носом небольшой хариус. Куценко с кошачьей ловкостью нагнулся, двинул рукой — и хариус заплясал на гальке. Выжимая мокрый рукав телогрейки, Куценко засмеялся очень довольный. Он вернулся к палатке и разжег маленький примус. Поставил на примус чайник и, поднявшись на обрывчик, осмотрелся кругом. Наметив невдалеке зеленый островок, обтекаемый протоками, он, как был босиком, но в телогрейке и шапке, пошел туда. Куценко не ошибся: остров густо зарос диким луком. Лук был еще сочным, потому что рос на влажном острове, посреди воды. Куценко набрал его целую охапку. Он вскрыл банку тушенки, вывалил ее на сковородку, посыпал муки из мешочка и накрошил луку. Все это поставил на примус, предварительно заварив чайник. Он съел со сковородки все, зачистив дно галетой. И наконец переоделся в белую брезентовую куртку из толстого полотна, какие дают пожарникам. Поверх куртки он натянул старенький рваный плащ. Надев рюкзак, Куценко осмотрел палатку, лагерь, как бы запоминая приметы, взял лопатку и пошел вверх по реке. Первую партию песка он набрал в рюкзак с косы, напротив островка, где брал лук. Он отнес его к деревянному корыту, высыпал и, не останавливаясь, как механизм, пошел за новой порцией. Эту работу он продолжал до темноты. Уже ночью он скинул промокший рюкзак,

снял клеенку, грязный плащ и куртку, которая на спине почернела, выпил прямо из носика чайника холодного чаю и залез в мешок. Уже в мешке он вынул из рюкзака огарок свечи, поставил его на колышек, вколоченный в землю. Потом он вытащил сверток. В свертке был короткий разобранный винчестер. Он быстро собрал его с помощью отвертки от перочинного ножа, набил магазин патронами, передернул скобу и поставил винчестер рядом с палаточной стойкой. Туда же он положил маленький фанерный ящик, обмотанный сыромятным ремешком. Задул свечу и заснул.

Следующий день Куценко был занят тем, что лопатой швырял в проходнушку принесенный им грунт. Вода подхватывала его и уносила в реку. Ему дважды пришлось отгребать намытую у конца проходнушки груду. Когда песок кончился, он отвел воду и обычной ложкой собрал темно-серый остаток, накопившийся у деревянных планок. Он осторожно промыл остаток в лотке. То, что сохранилось на дне лотка, его не обрадовало. Среди темной массы магнетита кое-где просвечивали отдельные блестки золота и еще была мелкая, почти пылевидная масса — граммов пятнадцать, так определил он на вид.

В конце дня он снова носил грунт, но уже не брал его на косе. Он брал его с бортов долины и дважды заходил в реку, выискивая сланцевые щетки, которые сами по себе действовали, как неплохой промывочный агрегат.

...Так длилось день за днем. Куценко все дальше уходил от своей палатки. Ел он по-прежнему один раз в день.

Куценко не знал, что в одну из его отлучек к нему в палатку заходил Седой. Седой долго лежал за кустом, который был выворочен весенним паводком. Шурфовка кончилась, потому что мерзлота ожила, и Седой просто бродил по долине, чтобы побыть одному в грустном и тревожном воздухе осени. Когда темная от грязи спина Куценко исчезла за поворотом берега, Седой подошел к его палатке. Потрогал винчестер и затем внимательно осмотрел тяжелый фанерный ящик. Седой развязал ремешок, хотя мог бы и не делать этого. В ящике хранился, как он ожидал, золотой песок. Довольно много золотого песка. Седой знал, что Куценко, этот толстый рыболов-циркач,— личный адъютант Будды и его личный промывальщик.

Жизненный опыт учил Седого не лезть в непонятные дела начальства. Особенно если это начальство «Северного строительства», живущее по особым, писанным лишь для «Северстроя» законам. Все же он долго держал в руках тяжелый ящичек и наконец, усмехнувшись, завязал сыро-

мятный ремешок точно тем же узлом. Выйдя из палатки, он заровнял следы.

Кефиру Седой ничего не сказал, ибо тот по безалаберности мог развести болтовню, сунуть по жизненной глупости нос в дела, в которые не следовало его совать.

13

После ухода Баклакова Кьяе продолжал в одиночку пасти стадо. Давно уже следовало вернуться сутулому великану Канту, который отправился на мыс Баннерса за продуктами. Давно следовало вернуться двум молодым пастухам, убежавшим искать «откол» — отбитую волками часть стада. Канту, наверное, застрял в поселке, как застревают в нем те, кто любит спирт. А молодые пастухи наверняка давно нашли откол, но не спешат вернуться, гоняют снежных баранов. Кьяе не сердился на них. Стадо ему помогала пасти Умичка, умная, как человек, и даже умнее. Кроме того, ему нравилось быть одному. Никто не мешает думать и вспоминать. Память Кьяе хранила запахи трав, льда, весеннего снега, полет заиндевевшего от мороза ворона и его хриплый крик над снегами, падение сбитого выстрелом волка, вкус оленьего мяса, крови и вкус молодых оленьих рогов. Еще память Кьяе ежедневно и ежечасно хранила грустное признание неизбежной смены снегов, дождей и человеческих жизней. Больше всего Кьяе поражала именно неотвратимость замены. Остановить ее невозможно, как невозможно ладонями задержать горный обвал. За долгие годы жизни мимо Кьяе прошло много людей. Ему нравилось думать о них, о сказанных ими словах. От одних людей пахло потом. Даже мысли их, так Кьяе казалось, пахли работой. Он уважал их. От других пахло деньгами. Их Кьяе жалел. Он сердился, когда о жизни говорили «хорошая» или «плохая». Жизнь не может быть хорошей или плохой. Просто она бывает разной. Она всегда просто жизнь. Смешно думать, что деньги могут улучшить ее. У самого Кьяе было очень много денег. Зарплата пастухов откладывалась на книжку, и ему некуда было их тратить. Он мог тратить их на Тамару. Но летом она жила, как положено жить дочери пастуха из племени настоящих людей, зимой ее содержало государство. Самому Кьяе ничего не требовалось, кроме табака, чая, сахара и иногда спирта. Когда он приезжал в поселок на мыс Баннерса, он покупал все, что взбредет в голову: часы, радиоприемник, пальто с каракулевым воротником. Потом он дарил покуп-

ленное — это приносило ему радость. Он знал, что молодые будут жить иначе. Это так. Кьяе не осуждал и не одобрял их, просто воспринимал вещи так, как они есть. Жизнь в непрерывном беге по тундре высушила не только тело, но и суету в мыслях. Но почему все-таки люди и травы обязательно должны умирать? Среди тысяч оленей вдруг родится совершенно белый олень без единого темного пятнышка. Неужели за все течение Времени не мог родиться человек, который не умирает? Кьяе очень хотелось бы, чтобы такой человек был. Тогда остальные люди могли бы надеяться, что им тоже, может быть, повезло и они бессмертны. И жизнь не была бы ниткой, протянутой из темноты в темноту, а походила бы на большую реку Ватап, которая все время течет, но вода все равно не кончается. «Только не надо,— думал Кьяе,— чтобы бессмертный человек был отмечен каким-то клеймом, допустим, родимым пятном на спине или животе. Это было бы плохо для остальных».

Баклаков в эти дни с просветленной яростью картировал гранитные массивы. Они уходили цепочкой на север, сглаженные, изгрызенные ветрами, морозами и водой до трухи. Граниты были как граниты, ничем они не отличались от тех, что Баклаков видел раньше. В кварцевых жилах, контактных зонах Баклаков не находил ни касситерита, ни рудного золота. Баклаков поправлял их контуры на карте, брал образцы и недоумевал: не за этим же его посылал Чинков. «Когда не знаешь, что делать, делай то, что приказано»,— резюмировал Баклаков.

Группа Салахова завершала маршрут в низовьях Эльгая. Река разбегалась в широком тундровом устье. На горизонте зыбко маячили белесые отблески океана. Над тундрой висел журавлиный крик, и в ночные часы шли к югу гусиные стаи. Осенний, залитый жиром голец валом подымался вверх по реке.

Бог Огня по ночам стонал от ломоты в костях. Он утешал себя тем, что это последние шлихи сезона. Впрочем, мучило его и несовершенство собственной жизни. Не знал Салахов, что не было у Бога Огня сына Мишки и дочери Тоськи и женат Бог Огня никогда не был. Но мечта о жизни, как у всех нормальных людей, была столь большой, что он путал ее с действительностью. Ради этой мечты он бросил пить три года назад. Он снова хотел войти в мир людей. Иногда Бог Огня встанывал столь жалостно, что Салахов толкал его в бок: «Не скули. Работу мы сделали, как учили. И даже больше».

ВСЕСТОРОННЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТА

«На севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его добывают, я также не могу определенно сказать. Согласно сказанию, его похищают у грифов одноглазые люди — аримаспы...»

Геродот. История

«Грифы сражаются за золото с аримаспами... Золото, которое стерегут грифы, производит земля».

Аристей из Проконнеса

«Первый высокий металл есть золото, которое через свой изрядный желтый цвет и блещущуюся светлость от прочих металлов отлично. Непреодолимое сильным огнем постоянство подает ему между всеми другими металлами первенство».

М. В. Ломоносов. О металлах и с ними в земле находящихся других минералах

«...Князь Великий велел тобе говорити, чтобы еси от нас молвил нашему брату Матиошу Королю, чтобы нам дружбу свою учинил, прислал бы к нам мастеров... которой руду знает, золотую и серебреную...»

Иван III. Запись в поручении послу к венгерскому королю Матвею Корвину

«Кто бы, какого чина и достоинства ни был и сыщет за Тобольским и в Иркутской и Енисейской провинциях, в городах и уездах, в своих собственных или свободных землях, руды золотые... тем — самому или с кем компаниею соглаеится — заводы строить...»

Правительственный указ от 26 сентября 1727 года

«...просили, чтоб заявленные и сысканные ими в разных местах золотосодержащие прииски в казну принять, а их за их труды... наградить».

Из просьбы рудоискателя Третьякова, 1769 год

«Чрез старание мое и отца моего ж Ивана Шадрина отыскана нами золотосодержащая руда, едучи от деревни Пышма по дороге к озеру Балтыму».

Донесение Василия Шадрина, крестьянина деревни Пышма, 1799 год

«В 1844 году известный английский геолог сэр Родерик Импей Мурчисон, по сходству геологического строения Уральского хребта с цепью гор, простирающихся от севера к югу по северо-восточному берегу Австралии, сделал заключение, что и в горах Австралии должно находиться золото».

«О золотопромышленности Австралии». «Горный журнал», 1853 год

«...наиболее богатые россыпи: Аляска, Калифорния, Трансвааль, Австралия...»

Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. СПб., 1910 год

«...устроена мною так называемая промывальная машина, которая должна заменить существующие при золотых промыслах вашгерты. Машина сия находится в действии на одном из золотых приисков и показала, что она есть полезнейшее устройство для золотых промыслов и тем оправдала труды прожектера».

Донесение строителя первых русских паровозов Е. А. Черепанова заводчику Н. Н. Демидову, 13 апреля 1828 года

«Но кому известны в подробности способы промывки, тот легко согласится, что употребляемые в России далеко превосходят все прочие способы, известные в других странах. Действительно, различные золотопромывальныя устройства, изобретенныя разными лицами в России, дают возможность производить промывку песков гораздо совершеннее, нежели это делается помощию грубых снарядов, употребляемых, например: в Трансильвании, в разных золотоносных областях Америки, и проч.».

«Горный журнал», 1837 год

«...по прибытии в управляемые вами заводы египетских инженеров Али-Могаммеда и Дашури оказывать им всевозможное содействие к успешному изучению золотого производства, в особенности сообщением потребных сведений и чертежей».

Из предписания горному начальнику Екатеринбургских заводов, 1845 год

«Мне, между прочим, предписано было ознакомиться и с самими местами добычи золота, если обстоятельства позволят этот осмотр. 3—15 января мы были уже в заливе Сан-Франциско, 4—16 февраля 1849 года я отправился вверх по реке Сакраменто».

Отчет горного инженера Дорошина. «Горный журнал», 1850 год

«...розыскания золотых россыпей... заставили меня проникнуть далеко в глубину Африки, куда еще никогда не проникали не только европейские путешественники, но даже солдаты Магмет-Али... Мы шли по высохшему руслу Тумата, не имея другого вожатого, кроме этой реки и компаса».

Е. П. Ковалевский. Нильский бассейн и золотосодержащие области внутренней Африки. «Горный журнал», 1849 год

ОСЕНЬ, ЗИМА

14

В Поселок зима приходила внезапно, в один день. В ночь перед этим мало кто спал. В пять-шесть утра, по обычаю давних времен, все собирались на полосе гальки у моря. Было темно, ветрено. Океан перекатывал тяжелые валы, будто отлитые из шинной резины. Люди на берегу говорили мало. Поднятые воротники меховых курток, помятые невыспавшиеся лица, пущенная по кругу бутылка со спиртом.

На рейде раздавался сиплый рев ледокола. К нему присоединялись высокие голоса океанских дизель-электроходов. Уходил последний караван судов. Корабли прощались с Поселком. На берегу слабо тукали выстрелы, взлетали ракеты, шапки, летели в море недопитые бутылки.

Так начиналась зима. Все в мире становилось очень далеким. В горах Территории в это время уже ложился снег. Замерзали ручьи, и рыбьи стаи успокаивались в глубоких речных ямах под торфяными обрывами.

...Раньше всего снег застал партию Копкова. Но именно там считали, что до зимы далеко, потому что для экспедиционного работяги начало зимы — это когда тебя вывозят из тундры. Копков не мог ожидать скорой вывозки. К ним дважды прилетал самолет ЛИ-2. Первый раз он

сбросил бочки с соляркой и керосином. Бочки, как мячики, прыгали по узкой щебнистой долине. Больше половины из них разбилось. Во второй рейс на грузовом парашюте спустили взрывчатку и мешки с продовольствием. Разведочные работы на киноварной сопке предлагалось продолжать до твердого санного пути.

...Люди Жоры Апрятина, оставив для охраны базы завхоза Ваську Феникса, плыли вниз по Лосиной на двух резиновых лодках. В устье их должен был забрать морской катер. Вдоль реки дул острый ветер. Вода была черной и неуютной. У берегов и на заводях рождалась тонкая морщинистая пленка льда. Канавщики замотанно матерились. Они начали материться месяц назад и все еще не отошли от обиды. Бить! Шурфы! Осенью! После жаркого лета! Для шурфов существует другое время. Начальство бы сунуть в эту глину и воду, подержать бы денек в раскисшей дыре. Они вяло клялись, что ноги их больше не будет в тундре.

Жора Апрятин, сгорбившись, сидел на носу передней лодки. Его мучили простуда и сознание, что работа сделана плохо. Образцовой съемки, красивого планшета, о котором мечтал Отто Янович, не получилось. Идиотский приказ Чинкова выполнен. Но ничего не обнаружено, кроме «знаков». А «знаки» прут по всей Территории. Жора знал, что «Северстрой» не признает объективных трудностей. Следовательно, ему отвечать за прорехи на карте, за перерасход средств на шурфовку. Проект партии практически сорван, и нет ничего взамен, когда победителей не судят.

Вдобавок он поссорился с Гуриным. Пока вся партия занималась шурфовкой, Гурин ходил в маршруты. В своей персональной альпинистской пуховке, с персональной облегченной палаткой типа «гималайка». Гурин был чист, свеж. Все остальные бродили с головы до пяток вымазанные в желтой глине.

— Когда партия горит, то, черт возьми, надо быть всем одинаковыми. И работягам и инженерам,— сказал Жора.

— Стадный инстинкт у меня ослаблен,— ответил Гурин.

Конечно, Жора понимал, что залезь Гурин в брезентуху, окунись в глину — ничем это не поможет. Но в паршивой ситуации всем надо быть вместе. В это верил Жора Апрятин.

...На середине пути лодки попали в лед. Лосиная расширялась в котловине, и течения здесь почти не было. Пленка льда протянулась от берега к берегу. Всю ночь они колотили лед веслами, осторожно проталкивали лодки. Края льда были острыми, у всех кровоточили руки, и все

каждую минуту ждали, что сейчас зашипит воздух и... Жора Апрятин думал о том, что, если тяжелые ящики с образцами пойдут на дно, ему останется лишь застрелиться. А впрочем, не понадобится... До любого берега триста метров воды и тонкого льда, никто не уцелеет.

К утру они выбрались на узкую полоску незамерзшей воды. И теперь уж приходилось плыть до конца, так как к берегу не пристать.

...Васька Феникс, сухой, жидкобородый, с прищуром всезнающих глаз, остался один средь синего снега, черных кустов и длинных ночей. Он сделал изобретение, потому что ему надоело рубить тальник. Ему вообще не хотелось выходить из большой, служившей жильем и складом палатки. Феникс взял самый большой кукуль, распорол его сбоку и вшил туда еще широкую полосу оленьего меха. Внутрь этого, вовсе уж большого спального мешка, он вставил две треугольных рамы. Получился домик из оленьего меха, где он и поселился. В «доме» этом было жарко даже от свечки. Свечек имелся ящик. Примус работал исправно. Васька Феникс читал толстый том нечестивого Лукиана, который оставил ему Апрятин. Шевеля губами, Васька Феникс читал «О философах, состоящих на жаловании».

«Мне кажется, я поступил бы хорошо, если бы подвергнул предварительному обследованию те причины, которые приводят к обсуждаемому нами образу жизни...» Смысл слов древнего классика ускользал от Васьки Феникса, и он засыпал. Просыпался, выходил по нужде, зажигал свечку и снова читал. Феникс с каждым часом зарастал грязью, диким волосом, окутывался оленьей шерстью из мешка, который безбожно линял. Но он ждал терпеливо, так как знал, что самолеты спецрейсом никогда в назначенный срок не прилетают, а прилетают гораздо позднее и всегда неожиданно, когда уже перестанешь ждать.

В устье реки заберег не было, и люди Апрятина высадились на илистую черную отмель. Лодки так и остались у воды, распластанные, как грибы из-под автомобильного колеса.

— А кто сказал, что мы не могем? Ей-богу, могем! — крикнул Северному Ледовитому океану шурфовщик.— Могем, а, начальник?

— Могем,— утвердил Жора Апрятин.

Катер пришел утром и встал на хмурой воде в километре от берега. Ближе он не мог подойти из-за отмели устья. Пришлось кое-как лейкопластырем залепить лодки. На резиновые заплаты не имелось времени и терпения.

— Вперед, питомцы Юпитера,— сказал Жора Апрятин, последним садясь в лодку. И поправил на поясе пистолет.

Один человек сидел на корме и насосом-лягушкой беспрерывно подкачивал лодку, двое гребли по-индейски, остальные лежали на дне.

Три морячка с катера в линялых бушлатах серьезно, без усмешки смотрели им навстречу. Трап они уже заготовили.

— Благозаконие и благолепие,— сказал Жора Апрятин, когда последний тяжелый ящик был поднят на борт. Лишь после этого он разрешил подняться людям.

Катер дрогнул от заработавшего дизеля и пошел резать воду. Жора Апрятин запустил руку в полевую сумку и вынул бутылку спирта, хранившуюся весь сезон для этого случая.

— В веру и душу,— сказал Жора Апрятин,— обмоем конец сезона.

— Начальник! — проникновенно вздохнул один из шурфовщиков.— Мы за тебя хоть в воду. Хочешь брошусь за борт, начальник?

Железные зубы шурфовщика сверкали в темноте кубрика. Все выпили, лишь Гурин не притронулся к кружке.

— С твоего позволения, Георгий, я потом. В одиночестве,— сказал он.

Хмель мгновенно и сильно подействовал на Жору Апрятина.

— Выпей с нами, Доктор. Я понимаю, ты сильная личность. И Чинков твой сильная личность. Но куда вы годитесь без работяг и образованных телят вроде меня?

— Скушно излагаешь, Георгий. Тебе бы белокурой бестией стать. Комплекс у тебя подходящий.— Гурин взял кружку и вышел на палубу.

Катерные морячки сразу отметили, что Гурин тут вроде отдельно. И бородка побрита, и одежда другая, и твердый взгляд. Гурин сидел на носу катера, зажав кружку с разведенным спиртом в коленях. Он смотрел на море, на тяжелые темные валы, на низкие рваные облака, на усатые морды нерп по курсу. Старшина подошел к нему, тронул плечо.

— Иди отдыхай. Место найдем. Отдыхай, а, геолог?

Гурин лишь отвлеченно и пусто ему улыбнулся.

— Чудной ты,— добродушно сказал старшина.— Вроде постарше всех, а чудной. А, геолог?

— Когда я работал в Средней Азии, я трое суток шел на один перевал,— ответил Гурин.— Кызыл-Арт. Ледовый перевал, почти недоступный. Карабкался трое суток. Что-

бы выпить пятьдесят граммов коньяка, посмотреть сверху на мир и подумать о бренности бытия. Потом вниз. Зачем я это делал, старшина? Как считаешь?

Но старшина по привычке морских людей, не любящих терять лицо в непонятном, уже вроде не слушал. Лишь скользнул по Гурину глазами, белыми на черном изрезанном ветром лице, и, ничего не сказав, повернулся широкой спиной.

— Ответ прост как кочка. Заблуждение веков. Желание во что бы то ни стало доказать свою самобытность. Я-де отдельный, оригинальный, я не такой, как все. Между тем, старшина, все такие, как все.

— Погибнешь,— сказал старшина. Он повернулся к Гурину. Светлые глаза на черном лице.— Погибнешь.

— О чем это ты, старшина?

— Так. Печать на лице.

— Ерунда, старшина. Самое главное — держать дистанцию. Соблюдай правила судоходства в оживленных местах. Сигнальные огни и умение лавировать. В этом секрет безопасности.

15

Машина остановилась при въезде в Поселок. Шофер высунулся и сиплым от бессонной ночи голосом спросил:

— Тебе, парень, куда?

— А черт его знает,—сказал Баклаков.—Сойду здесь.— Он скинул рюкзак и выпрыгнул из кузова. Машина тут же тронулась, видно, шофер спешил в гараж, спешил к сковородке с консервами и каменному сну до следующей ездки.

Баклаков втянул ноздрями дымный, пахнущий морем, железом и каменным углем воздух. Отсюда Поселок виднелся весь: грязно-розовые, грязно-белые и желтые дома, обшарпанные ветрами и дождями стены, между домами «короба». Трубы теплоцентрали здесь нельзя было спрятать в землю, и их прокладывали сверху, засыпали опилками, обшивали тесом. Получались «короба» — как поднятые над землей дощатые тротуары.

Баклаков вышел на морской берег. На гальке лежали высохшие ленты морской капусты. Пролетела измазанная в мазуте чайка. В порту визжал металл, что-то ухало. Были слышны отрывистые сигналы буксиров.

Два мужика, один в полушубке и морской фуражке, второй в пиджачке и пыжиковой шапке, скрывшись от ветра за мертвой баржой, возились с бутылкой. Пыжиковая шапка приглашающе помахала Баклакову. Знакомое что-то лицо.

— Да что вы, ребята! — сказал Баклаков.

Идти ему, в сущности, было некуда. Вещи — дерматиновый чемодан молодого специалиста — лежат в кладовке у завхоза управления Рубинчика, невеселого человека, состоявшего из носа, ушей и печали. В управление сейчас все равно не пустят — регламент охраны соблюдался в «Северстрое» неукоснительно. Баклаков шел к «бараку-на-косе», хотя знал, что барак наверняка занят. Но свободная койка может найтись.

Он шел по «коробу», чувствуя, как прогибаются доски, и вдруг тундра, и лето, и все, что было связано с ними, отодвинулись, и Сергею Баклакову захотелось хорошего костюма, бритвы, бани, выпивки, еды, громкой музыки, душевного и шумного разговора. Он втянул ноздрями воздух Поселка и быстрее зашагал к бараку, который нелепо и длинно маячил в тумане.

Баклаков обогнул барак и дернул дверь на себя. Дверь сильно ударила по рюкзаку, и он вылетел на середину, чуть не врезавшись в железную печь. Забыл, что сам же привинчивал автомобильную рессору.

У печки на табуретке сидел скуластый парняга в телогрейке, наброшенной на голое тело. Баклаков огляделся и тихо присвистнул. Койки стояли без проходов, вплотную одна к другой. Под байковыми одеялами храпели, стонали и вздыхали во сне мужчины.

— Ангелы ночи,— сказал парняга.— А ты зачем впорхнул?

— Жил здесь зимой. Хотел до утра перебиться.

— Возляг на мою. Я сегодня дежурный. Аббревиатура!

— Что-что?

— Слово красивое.— Парень обнажил в улыбке десяток нескладных, залезающих друг на друга зубов.

— Сергей! — Баклаков протянул руку.

— Валентин! Садись.— Парень придвинул Баклакову табуретку, а сам сел на корточки возле печки.

— Ну ее к лешему. Еще насижусь за зиму.— Баклаков тоже пристроился на корточках. Они помолчали.

— Не могу вспомнить, какой день,— сказал Баклаков.— В баню бы неплохо сходить.

— Хойте вир хабен зоннтаг,— сказал Валентин.— Баня, как ей положено быть, на ремонте. «Сахалин» на разгрузке. Последняя из коробок. Сходи в душ.

— Пропуска в порт нет.

— Скажи, для гигиены личности. Сообщи, что Валентин Григорьевич Карзубин разрешил. Это я.

— Порядок,— согласился Сергей.— В магазин заглянуть?

— Загляни. Все равно до утра дежурить. Вулкан — повелитель жара.

— А там что-нибудь есть?

— Радость Вакха! Сухой закон в этом году отменен.

— Пойду.

— Перемещайся. Я тут соображу. Тушенка есть, лук есть, сковородку имеем. Кардинально!

— Иди ты к..! — вдруг заорал кто-то на дальней койке.

— Во дает! — усмехнулся Валька.— Часов тридцать вкалывали. Спят, как трупы. Монтаньяры!

— А ты?

Тот молча высвободил из-под телогрейки замотанную бинтом левую руку.

— Полпальца в море выбросил. Из-за незнакомства с системой тросов. Я с прииска командированный на разгрузку. Как и все в этом бараке. Удел!

Баклаков нашел в рюкзаке шерстяной тренировочный костюм, кеды, тельняшку, чистое полотенце, свернул в клубок.

— Возьми в головах полушубок,— сказал от печки Валентин.— Тут хоть и южный берег, но другого моря.

...Затянутый ремнем охранник вышагнул навстречу Баклакову из проходной.

— На «Сахалин», помыться. Валентин Григорьевич мне разрешил,— сказал Баклаков.

— Проходи,— помедлив, мотнул головой охранник. Видимо, соображал, кто же такой Валентин Григорьевич.

В порту было затишье. По железному трапу он взбежал на борт «Сахалина». Палубу заливал свет прожектора. Несколько человек в белых брезентовых робах возились с сеткой, спущенной со стрелы. Прислонившись к надстройке, стоял морячок в кожаной курточке на меху и фуражке с крабом.

— Где душ? — спросил Баклаков.

Морячок оглядел его и неопределенно кивнул лакированным козырьком.

— Чудеса! Бичи гигиену блюдут,— насмешливо сказал он.

Сергей вошел в низкую дверь и по металлическим переходам добрался до душа.

Сапоги, брезентовку и драные брюки он выбросил за борт. Не чувствуя тела, летящим шагом он направился к магазину. Прекрасно, когда ты торчишь в своей точке планеты, свой среди своих.

Продавщица Вера Андреевна узнала его.

— С возвращением, Сережа. Какой ты красивый, когда с бородой.

Он взял три бутылки «Двина» и только тут вспомнил, что деньги в брезентухе, которую он выкинул за борт.

— Завтра принесешь, Сережа. Отдыхай.

...Они открыли консервные банки, вывалили на раскаленную сковородку, засыпали грудой лука.

— Из снабженцев? — помешивая на сковородке, спросил Валентин.

— Похож?

— Не похож. Но говоришь, что коньяк получил в кредит.

— Из геологического управления.

— Техник?

— Инженер.

— Престижно! Тогда сейчас выпьем по капле, и я тебя подстригу. Не похож ты на инженера. А бороду сбрей. На бича ты похож.

— Точно,— разливая по кружкам коньяк, согласился Баклаков.— А ты кто?

— Пролетарий. Происхождением из хулиганского предместья столицы — Малаховки.— Валька показал в улыбке нескладные зубы.

Они выпили, и Карзубин ловко подстриг его одной рукой. Потом они еще выпили, и Баклаков побрился. В обломок зеркала на него смотрел двухцветный человек: темная от загара верхняя часть лица и светлая нижняя.

— Теперь можно и говорить,— снова наполняя кружки, сказал Валентин.— Не люблю, когда за растительностью прячутся. Начинаю подозревать. Лорелея! Если ты инженер, то почему тут зиму торчал?

— Не знаю,— сказал Баклаков.

Коньяк янтарно отсвечивал в грязных кружках. «А иди ты...» — кричал свою фразу беспокойный малый в углу. На Сергея нахлынули воспоминания. Вон там у окна, которое он самолично заколотил оленьей шкурой, была его койка. Рядом койка Жоры Апрятина, ковбойского человека, клавшего пистолет под подушку. На этой стенке висели японские красотки Доктора Гурина. А та сплошь избита дробью и пулями, потому что пробовать оружие, купленное или полученное в спецчасти, было принято прямо в бараке. Весной стоял грохот и висели клубы порохового дыма.

— Я вообще-то электросварщик. И газорезчик тоже. Ремеслуха. Думаю после навигации здесь остаться. На при-

иске мне работы нет. У меня отношение к огню и металлу. Либо работать, либо вовсе его не видать. А на прииске не так и не эдак. Относительно!

— Правильно,— согласился Сергей.— Всегда надо так или эдак.

Баклаков долго спал и просыпался тоже долго, не единым вскидыванием души и тела, как это происходило в тундре. Когда он открыл глаза, он прежде всего увидел наглого кота Федосея, известного также как Комендант порта. Федосей сидел на соседней койке и презрительно разглядывал Баклакова суженными глазами. «Однако... вчера»,— подумал Баклаков.

В бараке стоял густой запах резиновых сапог, пота, шлака, невыспавшегося человеческого тела, табака, спирта, консервов — всего, чем пахли утром бараки «Северстроя», где жил народ грубого, физического труда.

Сергей надел на голое тело полушубок и вышел на улицу. Свет сильно ударил в глаза. Пахло морем, соляркой и каменным углем. Он прикрыл на мгновенье глаза, и вдруг ему послышался другой, травяной и лесной запах его разъезда, и как утром он шел босиком по знобящей росе, вкус молока на губах и невнятная тоска по дальним местам, которая не оставляла его никогда.

Баклаков прошел к морю, скинул полушубок, снял трусы и голышом бросился в воду. Вода обожгла. Он доплыл до ближайшей льдины, оттолкнулся от скользкого бока и бешено замахал на берег. Накинув полушубок, он пробежал к бараку и возле стены растерся полотенцем. Все! Жизнь нормальна и, как всегда, удивительна. Ледяные ванны сдвигают психику в нужную сторону. Жизнь меня не колышет. Слаба.

В бараке Валентин сидел у остывшей печки, качал руку.

— Балуешься водными процедурами? Блюдешь? В инженере все должно быть прекрасно. Душа, одежда и тело,— усмехнулся он.

— Какие планы на жизнь? — спросил Баклаков.

— В мехмастерские устроюсь после разгрузки. По металлу я все могу.

— Не желаешь весной в партию?

— Доживем до весны. Свидимся.

— Если будешь в Поселке, то свидимся.

— Ночлег не найдешь, приходи. Хронометрия!

— Договорились!

Все в том же тренировочном костюме, кедах — больше ничего не осталось — Баклаков пошел в управление. В ут-

рейней пустоте Поселка навстречу ему по коробу шел милиционер Сайфуллин, похожий на согбенную мачту. Кличкой Сайфуллина было «Жакон есть жакон». Он прославился справедливостью и еще тем, что посадил на пятнадцать суток собственную жену. «Жакон есть жакон». Сайфуллин подозрительно вгляделся в Баклакова, узнал и скупо улыбнулся.

Дверь Рубинчика от входа направо, еще до вахты. Он толкнул ее. В клубах табачного дыма здесь сидели вдоль стен на корточках упитанные мужики в неизменных кожаных пальто, сапогах на молниях и пыжиковых шапках. Снабженцы, свои и чужие, в неизменной снабженческой униформе. Сам Рубинчик, как всегда, сидел за дощатым столом и был печален не более и не менее, чем всегда.

— Привет, курцы,— сказал Баклаков.

Снабженцы не обратили на него внимания. Они лучше всех знали иерархию «Северстроя». Для них Баклаков был никем. Ни бывшим, ни будущим. Они внимали реальности — рассказу коллеги.

— Здравствуй,— печально ответил Рубинчик.— Садись. Ты что, с тренировки? Готовишься к олимпиаде?

— А я ему, гаду, объясняю так: ты мне две машины, я тебе — бортовую для ДТ-54. И коньяк при этом твой. А он, гад, мне отвечает...— излагал налитый пурпурной кровью снабженец.

— Только и дела? — ответил Баклаков.— Давай чемодан. Поселяй где-либо.

— А где ж, ты думаешь, я тебя поселю? Я лишь знаю, где поселю тебя через неделю.

— Через неделю что?

— Двадцать пятый барак знаешь?

— Который на берегу? За энергостанцией?

— Ну! — печально согласился Рубинчик.

— Там же конюшня.

— Конюшня там была раньше. Весной жили... элементы. В каждый вечер драка. В каждое воскресенье — труп или два. Летом мы его у элементов забрали и превратили в жилье. Еще не совсем готово.

— А что не готово?

— Цемент с пола не убран. Стекла не вымыты. Мы комнаты на двоих и четверых там нарезали. Перегородки из фанеры под масляной краской. Фанера двойная, краска салатного цвета. Для радости глаз. Личное указание Фурдецкого по культуре быта.

— Давай направление.

— Не имею права. Объект не принят начальством.

— А на улицу его гнать имеешь право? — мимоходом вмешался пурпурный снабженец.— Поехали ко мне на прииск, инженер. Жилье дам. Оклад дам. Бабу выпишешь. Небось голые снятся?

Сергей топал через Поселок с пружинной кроватью на спине. Рюкзак, чемодан и матрац ему положили сверху. Рядом, с подушкой и бельем под мышкой, прихрамывал Рубинчик.

— И что мы имеем за все эти хлопоты? За эти хлопоты мы имеем приличный быт неженатых работников. В комнате на двоих можно думать, а в бараке на семьдесят коек, где по углам снег, в средине бутылки, думать нельзя. Я правильно говорю?

— Правильно,— согласился Сергей, подкидывая на спине койку.— Машину не мог достать?

— Вы, Сережа, сегодня родились на свет. Вы не знаете, что в навигацию машин не бывает.

Коридор барака был усыпан цементом и залит известкой, завален обрезками досок. Рубинчик открыл крайнюю от входа комнату. Краска высохла, на полу толстым слоем лежала известка. Сергей нашел лопату с обломанной ручкой и выскреб главную грязь. Потом подобрал на свалке ведро, джутовый мешок и вымыл морской водой пол. Море было в пятнадцати метрах, и это ему нравилось. Можно будет купаться по утрам, а зимой поддерживать прорубь. Будет нормальная психика, когда жизнь не колышет.

Он прополоскал тряпку и положил на пол у входа. Собрал кровать, застелил. С рюкзаком сбегал в Поселок, купил электроплитку, банку консервированных персиков, чай, сахар, алюминиевую сковородку и большой кусок оленины. У него есть дом.

Баклаков финкой открыл банку, стараясь, чтобы края были ровными. Сок выпил, а персики выбросил у крыльца — они осточертели за лето, и ему требовалась банка — привычка заваривать чай только так, чтобы припахивало железом. Когда он вытряхивал компот, из-за угла вышла девушка и направилась к крыльцу. Она шла, засунув руки в карманы кожаной куртки, походка была непоселковая. В Поселке ходили тяжко и прямо, так как ноги привыкали к громоздкой обуви. Она шла легче и неувереннее. Желтого цвета «конский хвост» падал на черную кожу куртки, очень худое лицо, очень яркие губы и в пугающей мертвенно-синей краске веки. Он нагнул голову, соображал: «кто, к кому, зачем в этот дом?» — и принялся тщательно очищать банку. Девушка прошла в дом и где-то исчезла, мо-

жет, у строителей, может, вышла в другой выход в конце коридора.

Баклаков заварил чай, выпил кружку и переоделся. Чувствуя себя красивым и легким, снова направился в управление. Отмечаться, представляться, рапортовать. В отделе кадров правил Борода, или Богода, как все говорили, потому что отдел кадров картавил. Топограф, их сверстник, два года назад потерял ноги в зимней экспедиции и вот сел за стол канцелярии. Богоду все любили за твердую положительность жизни

— Могда с тгяпок,— весело произнес он любимое ругательство

— Клизма без механизма,— прочувствованно ответил Баклаков и пожал крепкие пальцы Богоды.

— С возвращением, Сережа.

— Отметь прибытие. Рапортую.

— Когда?

— Вчера ночью.

— Запишу сегодня. Значит, будет завтра, послезавтра и еще после.

— Идет!

По неписаному закону «Северстроя» геологу, вернувшемуся с поля, полагалось три вольных дня «на баню». По тому же неписаному закону на четвертый день полагалось прийти в управление ровно в девять утра побритым, прилично одетым и совершенно трезвым.

Он пожал еще раз сильные пальцы Богоды и вышел в коридор. Предстояло три пустых дня, так как никто еще не приехал. Монголов зачем-то застрял на «Западном». Впрочем, Монголов и нашел ту россыпь касситерита, где сейчас «Западный».

Выйдя из управления, Баклаков остановился у черепа быка-примигениуса. Его всегда тянуло к нему. Череп был найден на равнинном острове Ай, нафаршированном костями мамонтов и прочих крупных зверей. Позапрошлый год Семен Копков, делавший рекогносцировочную съемку острова по заказу армии, нашел в свежеобвалившемся береговом обрыве целый, заросший шерстью бок мамонта. Волосы у мамонта были длинные, рыжие, под ними эдакий пух. Копкову пришла идея — связать единственный в мире свитер из мамонтовой шерсти. Два дня ножом и ногтями он драл ее, надрал, наверное, пуд и отмыл в морской воде. Рации Копков не имел, и Академия наук про того мамонта не узнала, потому что осенние штормы начисто слизнули торфяной обрыв.

...В бараке Сергей стянул рубашку, галстук, надел при-

вычный полевой свитерок. Выйдя в коридор, он вдруг увидел под дверью в противоположном конце барака полоску света. Барак был захламлен, необжит, темен и длинен, тени бессмысленных жизней еще мотались в нем. Полоска света озадачила Баклакова. Он постучал в дверь.

— Да! — резко сказал женский голос.

Он открыл дверь и увидал жилую комнату. На кровати сидела та, в кожаной курточке, с «конским хвостом». Она сидела, поджав ноги, забившись в угол кровати. В комнате было очень жарко — горели две плитки. И очень накурено.

— В чем дело, что нужно? — все так же резко спросила она. Чрезмерная раскраска лица при свете стоваттной лампочки выглядела страшновато.

— Ну... так как мы единственные жильцы этого дома...

— Это вы утром компот выбрасывали?

— Я.

— Идиотизм какой. Я весь день компота хочу.

— Магазин-то еще открыт.

— Не хочу я принимать компот от всякого.

— Я как лучше хочу. Нет, так не надо.

— Вы кто?

— Геолог. Коренной житель этого дома с сего дня. Вчера вот только вернулся.

— Ко мне каждый вечер ломятся с коньяком какие-то типы. Я дверь не заперла, потому что рано еще им ломиться.

— Сегодня ломиться не будут. Оборонимся.

Девушка улыбнулась.

— Ладно. Дуйте за компотом. Я здесь случайно. Мою комнату ремонтируют. Я из Ленинграда. Корреспондент окружной газеты. Собкор.

— Журналистка? Или журналист? Как правильно?

— Никак не правильно. Как дура, итальянский долбила. Мечтала, что в Рим попаду. Вот какой Рим оказался... — Она вздохнула.

— Рим никуда не денется. Вечный город,— осторожно сказал Сергей.

— А магазин, правда, работает? Есть хочу, как бездомная кошка. Или собака. Как бездомная кошко-собака.— Она вздохнула еще тяжелее и засунула ноги под толстое оранжевое одеяло.

— Сейчас все будет. Зовут-то вас как?

— Зовут-то!— передразнила она.— Вятский ли, костромской ли?

— Вы что, совсем ничего не ели?

— У вас тут кафе, столовые, рестораны на каждом углу. Коньяком, что ли, одним люди живут? Хорошо, что мама одеяло прислала. Его у нас дома «Сахарой» звали. Только им и жива.

— Здесь вообще можно жить,— все еще переминаясь у входа, сказал Сергей.— Конечно, не Рим...

— У меня интеллекта хватает понять, что это не Рим. Многоуважаемая товарищ Сергушова, вот кто такая я.— Она снова вздохнула.

— Сергей Баклаков. Можно просто Сергей. И именно вятский. Сейчас я вернусь.

В магазине была очередь, как всегда бывает перед закрытием. В дверь пулей влетали запыхавшиеся мужчины, спешили к Вере Андреевне.

— Опять за коньяком, Сережа? — сказала она.— Сегодня последний день. Завтра лучше не приходи, не дам.

— Я же с поля.

— Все знаю. И чем это кончается, знаю.

— Со мной ничего не будет. Потому что не может быть. Меня жизнь не колышет. Правда!

Вера Андреевна посмотрела на него, поставила на прилавок две бутылки шампанского.

— Компота бы какого хорошего. Там девушка с голоду умирает.

— За компотом приходи хоть десять раз в день,— рассмеялась Вера Андреевна, сходила в кладовку и принесла болгарские банки с земляникой и малиной.

...Он мелко накрошил оленину и шлепнул ее на сковородку. Жарить надо без масла, ни в коем случае не закрывать крышкой и снимать сразу, как оленина побелеет. Сергушова наблюдала за ним, сидя на одеяле «Сахара».

— Ловко как все у вас получается,— сказала она.— А я ничего не умею.

Сергей заметил, что пока он бегал в магазин, она сняла помаду, краску с глаз и распустила «конский хвост». Ему было легко, свободно, как почти никогда не бывало с женщинами.

— Красочку-то с лица зачем сняли, товарищ Сергушова? — спросил он.— Или...

— А я знаю, когда мне надо быть в красочке, когда без.

— Вот,— склонившись к сковороде, сказал Сергей.— Это называется пастеризованная оленина. У нас профессия кухонная. В управлении женатиков тридцать человек. В двадцати восьми семьях готовит муж.

— Расскажите лучше про героическое. Случалось ли вам стоять возле кочки или речки и вдохновенно мечтать: здесь будет город!

— Император я, что ли? — рассмеялся Баклаков.— Наш брат в лучшем случае может мечтать: здесь поставят разведку. Три буровых станка, десять палаток. Полсотни ребят.

Баклакову нравилось смотреть, как она с жадностью ест оленину. «Изголодалась,— думал он.— Поселок-то у нас действительно...» Без пугающей краски журналистка выглядела вовсе простой девчонкой. Нос курносый, кожа на лице серая, пористая. На воздухе мало бывает. «Во-он, в чем тут дело,— думал Баклаков.— Боится птичка серенькой показаться. Оттого и красочка».

— Уставились-то вы на меня что? — спросила она.— Ну есть хочу. Неудобно разглядывать, когда человек ест.

— Первый раз себя в роли кормильца вижу,— сказал Баклаков.— Приятно так. Когда по-простому, я с людьми себя хорошо чувствую.

...Утром Баклакова разбудил стук в дверь. Поскрипывая протезами, постукивая палочкой, вошел Богода. Простецкое лицо Богоды, истинного тундровика, было неприступно официальным.

— Ты-ы,— развеселился Баклаков.— Ты что такой напруженный? Орден принес? Или постановление в двадцать четыре часа? Ты-ы!

Богода молча сел на койку.

— Ну-у! — резвился Баклаков.— Не надо меня в двадцать четыре часа. У меня анкета хорошая. Ты знаешь, какой я полезный...

— Могда с тгяпок! — перебил его Богода.— Не буду тянуть кота за хвост. Держи!

Он протянул телеграмму: «Отец больнице очень плохо наверно скоро умрет Яковлев».

Баклаков долго соображал, кто такой Яковлев, и почему он умрет. Потом понял, что Яковлев — это дядя Коля, дежурный по разъезду, как и отец, что умирает не Яковлев, а отец.

— Полетишь? — спросил Богода.

— Да-да. Ты-ы! Что ты!

— Тогда я пошел. Попробую все быстро оформить. Разрешение на вылет, отпуск и все остальное. Учти, лететь будешь дней пять. Такое время.

— Да-да, учту,— сказал Баклаков. Что-то треснуло, возникла какая-то щель. Он думал не о себе — об отце, как он

сейчас лежит в маленькой сельской больнице и никого нет, друзей у отца не было, и вообще сейчас никого не было, кроме него, Сергея Баклакова, сына Александра Баклакова.

Богода как-то незаметно ушел. И тотчас постучала Сергушова.

— Здравствуй. По-моему, я до сих пор пьяная. Похмелиться не желаете, сударь?

— Нет! Спасибо. Здравствуй,— сказал Баклаков.— Ты-ы!

— Что случилось?

— Ничего!

Она была очень бледна, видно, с нездорового сна, с вчерашних сигарет. Но губы и веки уже накрашены, на голове платочек, и из-за этого платочка, что ли, или из-за впалых щек глаза казались совсем страшными. Она увидела телеграмму и прочла ее. Закурила, женским жестом поправила волосы под платком и сказала:

— Я сейчас пойду в здешнюю редакцию, сяду на телефон. Узнаю все про самолеты на сегодня и завтра. Добуду тебе машину на аэродром. Что еще надо?

— Узнай, пожалуйста, про самолеты. А машину где ты достанешь? Если вдруг самолет? Навигация. И вообще. Ты-ы!

— Я хоть и не в Риме, но все-таки журналист.

Сергушова раздобыла ему бесплатное место в внерейсовом ИЛ-14. Редакционный «газик» привез их прямо к самолету. Моторы были уже расчехлены, вместо трапа железная лесенка.

— Спасибо. Ты хороший товарищ,— сказал Баклаков.

— Ходит слух, что «Северстрой» скоро отменят,— тихо ответила она.

Лишь в самолете Баклаков задумался над тем, что будет, если «Северстрой» действительно отменят. «Северное строительство» казалось таким же вечным, как Территория. Был первозданный хаос, из глыбей морских поднялись первые камни Территории, и на них уже существовал «Северстрой».

Баклакову пришла мысль, что он опоздал. Времена героических маршрутов прошли. Он напрасно шесть лет готовился к каким-то полярным подвигам. Его нынешняя переправа через Ватап была упражнением туриста, который сам выбирает трудности и сам их преодолевает. Коэффициент полезного действия мал. Два дня он переправлялся, десять дней валялся в яранге Кьяе и десять был в рабочем маршруте. Больше половины времени ушло на бессмысленную героику. Как ни крути, но это по меньшей мере нерациональное использование времени инженера-геолога. И

еще глупее то, что их профессия прославлена именно за эту нерациональность: костры, переходы, палатки, бороды, песенки разные. А суть-то профессии вовсе в другом. Не в последней спичке или патроне, а в том, чтобы взглядом проникнуть в глубины земли.

До Москвы они летели четверо суток.

... Баклаков сошел на станции перед разъездом. Скорые поезда на разъезде не останавливались. Со станции можно было или пройти по шпалам восемнадцать километров, или доехать на товарном. Он вышел на пути и посмотрел на ряд товарных составов. Без дежурки не обойтись. В дежурке на станции Баклакова знали по тем временам, когда он приезжал из Москвы в форме геологоразведочного института. В отличной форме с бронзовыми погончиками и буквами МГРИ на них.

Дежурный сидел у селектора спиной к нему. Справа разноцветными лампочками горела схема автоблокировки.

— Диспет-чер! Дай бабу на веч-чер! — сказал дежурный. Шутка была стара, как паровоз Ползунова.— Принимаю семьсот тридцать первый на девятый путь. Одна тыща полсотни десятому отправление готово...

— С какого пути пойдет? — спросил Баклаков.

— А тебе-то, милок, каково дело? — повернулся к нему дежурный.

— На разъезд надо. Я сын Баклакова.

— Оквадрател ты чой-то, парень. И не узнать. Беги на третий. Даю отправление.

Сергей быстро пошел.

— Не прыгай,— крикнул вслед дежурный,— перед разъездом дам ему желтый свет. Небось маленько-то сбавит.

От вятской речи дежурного у Сергея потеплело на душе.

На площадке товарного вагона он смотрел на знакомый лес, избеганный вдоль и поперек с ружьем или грибной корзинкой. Вот переезд и желтая песчаная дорога в село, куда он бегал в школу. Поезд сбавил ход, и Баклаков спрыгнул в мягкий песок откоса. Прыгать с поезда он умел. Обучился в те времена, когда на восток, на заводы Урала везли битую военную технику, и он поселялся в каком-нибудь танке или у исковерканной пушки, чтобы открутить понравившуюся железку. У него имелся целый арсенал, вплоть до ручного пулемета Дегтярева, пока отец не побросал все это в реку.

У стрелочной будки маячила знакомая фигура — Алексей Гаврилыч, старый хрен и бабник. Стрелочник перевел

стрелку, посмотрел на него и ушел в будку — не узнал. Баклаков зашел вслед за ним. Пахнуло чаем, самосадом, закрученным в газету, и вагонной смазкой. Стрелочник протянул ему крестьянскую руку и сказал:

— Что долго ехал-то, Сергей Александрович? Два дня как похоронили...

...Он долго сидел в маленькой комнате, в которой прожил пятнадцать лет. Комната была грязной, давно не беленной. На столе запыленные пузырьки с лекарствами. Видно, отец давно болел. Огромная печь занимала половину комнаты, остальную часть занимали комод и кровать. Он забыл, что они жили в такой бедности. Запаянный таз под рукомойником, баранье одеяло на кровати. В комоде, в нижнем ящике, лежали его железки, открученные от военного имущества, лески, порох и дробь.

Он нашел альбом с фотографиями: отец — бравый телеграфист, мать — учительница в длинном белом платье, какие-то чеховские времена, давно все это было, даже не верится, что это его родители.

Когда-то Баклаков размышлял на тему: крестьянский он сын или сын служащих. Отец самоучкой из деревни пробился в телеграфисты. Был в армии Брусилова, погибал в Мазурских болотах и первым в армии принял телеграмму об отречении царя. Но когда отца избрали председателем солдатского комитета, он использовал служебное положение, чтобы приложить полковую печать к удостоверениям об увольнении всем, кто хотел, в том числе и себе. И вернулся в деревню крестьянствовать. Из деревни его извлекла мобилизация на восстановление разрушенных железных дорог. Одно время ему предложили заведовать губернской радиостанцией. Отец отказался «из-за болезни», так с усмешкой объяснял он. И прожил жизнь дежурным по станции. При огороде, корове, поросенке, картофельном и ячменном поле. Мать умерла сразу после войны. Та, чеховская гимназистка, была только на фотографии. Сколько Баклаков помнил, мать была неотличима от крестьянской женщины. Загорелое морщинистое лицо, раздутые работой и ревматизмом руки, кирзовые сапоги, платок, телогрейка. Она ходила по глухим лесным деревням, ликвидируя безграмотность. В зимние волчьи ночи мать брала с собой «вильцы», двухзубые небольшие вилы, которыми разбрасывала на полях навоз. В военные годы казалось, что волки всего мира собрались в вятских лесах. Преподавала в начальных классах, вела приусадебное хозяйство: на зарплату семью было не прокормить. Баклаков вдруг подумал об

их полярной гордости, их суперменстве и уверенности, что они соль земли. А ты ходил по лесным деревням в зимние ночи, из ночи в ночь, когда волчьи стаи нагоняли ужас на всю округу? «Боже мой, бог мой,— с отчаянием думал Баклаков.— Почему я не понимал этого раньше?»

Пришла тетя Ариша, жена стрелочника Алексея Гаврилыча.

— Очужел ты чтой-то, Сергей Александрович,— сказала она.

— Нет, тетя Ариша. Я все такой же,— ответил Баклаков.

— Времена-то пошли. Отцы без сыновей умирают.— Тетя Ариша всхлипнула, вытерла глаз углом платка и вышла.— Молоко у меня на плите.

Баклаков лесом, чтобы никого не встречать, пошел на кладбище. Оно находилось у села, куда он ходил в школу. Это было кладбище древнего и богатого торгового села с множеством каменных памятников. На могиле отца стоял деревянный столбик со звездочкой. Такой же столбик — у матери. Кто-то заодно выкрасил и его.

Лес стоял осенний, желтый и прекрасный. Печаль Баклакова была глухой и глубокой. У него было чувство должника, которому никогда не расплатиться.

...Андрей Макарович, учитель математики, встретил его со старческой хлопотливостью: загремел чайником, начал накачивать примус. Андрей Макарович постарел очень сильно. В нем укрепилась уютная стариковская согбенность, которой не имел никто в Поселке. И примус здесь шумел по-иному, и иной вкус чая, без горечи и острого железного привкуса. Баклаков видел в окне березу, с которой покорно падали листья.

— Ты, Сережа, сейчас героически работаешь в Арктике, летаешь на самолетах и открываешь месторождения. Не тянет домой? Я помню, ты же был страстный охотник. В леса не тянет? Твоя родина здесь. Или сейчас у вас везде родина?

— Зря вы насчет героики. Это не героика, а несправедливость. Работа наша легче работы любого колхозника. Денег мы получаем в несколько раз больше. Я за месяц получаю столько, сколько мать получала за полгода. Справедливо? Еще вдобавок про нас песни поют, книжки пишут, по радио говорят. А насчет родины, так вы поставьте меня какой-нибудь латиноамериканской страной заведовать — я все равно вятским останусь. От этого не уйти.

— А зачем уходить-то, Сережа? Стыдиться тебе нечего. Москва и то на вятской земле стоит. Только я не понял:

ты профессией своей не гордишься? Я школьникам объясняю: вот за этой партой сидел Баклаков Сережа, ныне полярный геолог. Покоритель льдов, так сказать.

— Этого я и стыжусь. Незаслуженной чести. Я ни черта не сделал еще. Но уже «полярный геолог». Звучит?

— Ты об этом не думай. Ты лучше помни, что я говорил и буду говорить ученикам про полярного геолога Баклакова. Родители твои были незаметные люди. Как все. Таким, как они и я, памятники не ставят. Вот ты и будешь нам живым памятником.

— А если не получится памятник?

— Живи честно. Получится из твоих детей. Это великая, главная линия в жизни, Сережа. Не нравится мне, как ты говоришь о работе. Гордыня в тебе появилась. Или ошибаюсь?

— Мы все там гордыней живем. Такая обстановка. Мы там все исключительные.

— Если почувствуешь, что тебе плохо, возвращайся, Сережа. Здесь вашу фамилию помнят, упасть не дадут. И избави бог начать пить. От гордыни многие пьют.

— Для возвращения нет причин, Андрей Макарович. Я ведь вятский, а значит, упрямый.

...Когда он вернулся домой, через вечерний шуршащий осенний лес, все в комнате оказалось прибрано, печь истоплена, на столе стояло молоко, тарелка с огурцами. Пришла тетя Ариша, принесла горшок с вареной картошкой. Она снова всхлипнула, вспомнив, видно, про отцов, которые умирают без сыновей, выправилась и сказала:

— Чего-то с вами города делают, не пойму. Будто не русские вы становитесь. Летось гостила у Николая Светка, двоюродная племянница. Прямо присохла ко мне. Говорю — удивляется. Корову дою — удивляется. Поросенок морду в корыто сунет — ей смешно. Иконы у меня увидала, я от бога-то, ты знаешь, не отказалась, какая, говорит, прелесть. Пре-е-е-лесть! — ехидно протянула тетя Ариша.— Будто монголка или немка какая. Про иконы-то! Пре-е-е-лесть...

— Ерунда это все, тетя Ариша. Это она так. Несерьезно,— сказал Баклаков.

Пришел Алексей Гаврилыч, принес бутылку водки.

— Давай, Александрыч, обмоем усопшего,— торжественно сказал он.

Тетя Ариша ушла.

— Не могу,— сказал Баклаков.— Меня отец от выпивки очень сильно оберегал.

— А я выпью.— Алексей Гаврилыч налил полный ста-

кан.— Царство небесное Александру Михалычу. Земля пухом. Мужик был серьезный.

Выпив, Алексей Гаврилыч сразу же закричал:

— Ты думаешь, мы, вятские, што? Из лыка выплетены, как лапти? Не-ет! Из вятских сколько известных людей вышло? Сергей Миронович Киров, то будет раз... Счас насчитаю, погодь. Ты там в своих северных стратосферах гордо себя веди.

— Я гордо себя веду,— кротко сказал Баклаков.

...Ночью он не мог заснуть. Мать — гимназистка в белом платье, отец — бравый унтер-офицер с закрученными усами и штыком на поясе, в результате получается полярный геолог Сергей Баклаков. Забравшись под баранье одеяло, он вдруг с неопровержимой ясностью понял, что отныне на содержании и в заботах Сергея Баклакова остался один Сергей Баклаков. И единственное, что у него есть — это комната на берегу Ледовитого океана, дерматиновый чемодан молодого специалиста и трудовая книжка с тремя благодарностями по числу полевых сезонов. Сергей Баклаков встал, умылся, завернул в старую газету семейный альбом с фотографиями и пошел будить тетю Аришу. Он сказал ей, чтобы взяли из вещей, что понадобится. Остальное сожгли. Пешком он отправился на станцию, где останавливались пассажирские поезда. Он шел длинной сельской дорогой через лес и поля. Баклаков знал, что вряд ли вернется сюда, но эти молчаливые ночные сосны, облетевшие березняки, сумрак сжатых полей всегда останутся с ним, и где бы он ни был, чем бы ни занимался он в жизни, за спиной его всегда есть вятская земля и могилы предков на ней.

16

Куценко мыл грунт до тех пор, пока не иссякла вода в ручье. После этого он сжег «проходнушку», чтобы не оставалось следов, и перешел на лоток. Стояли холодные дни. Все окрестные сопки и верховья реки уже засыпал снег. Вода в заводях замерзла. Он мыл лотком до тех пор, пока лоток не начал леденеть. Обледеневший лоток не держал грунт, и Куценко перенес к реке примус. Он прекратил работу лишь тогда, когда и примус перестал помогать.

Куценко впервые в жизни выполнял не приказ, а личную просьбу Чинкова. Поэтому себя не жалел. С Чинковым судьба свела его в послевоенные годы. На фронте Куценко не был: он служил в охране морского порта «Се-

верстроя». После демобилизации он остался, чтобы подзаработать на шурфах перед возвращением на разоренную войной Украину. Неизвестно, за что выбрал его Чинков. Может быть, за взгляд, горевший дисциплинированной преданностью, может, за неиспорченную анкету охранника. Чинков дал ему в руки лоток, и к лотку Куценко отнесся с истовой положительностью, как относился к службе.

Его звезда взошла, когда он делал контрольный маршрут по ручью Надежда. Ручей этот другие промывальщики объявили пустым, но Чинков исповедовал принцип «доверяя, проверяй многократно». Куценко провозился на ручье вдвое больше положенного и намыл золото: он знал, что, по убеждению Чинкова, золото здесь есть. С того времени он стал Климом Алексеевичем. И как раз тогда же оборвались нити, связывавшие Куценко с «материком». Он получил письмо, что жена его ведет себя «неправильно». Куценко осмелился и рассказал обо всем Чинкову. Впрочем, в этом был и хитрый мужицкий расчет: начальнику все как на духу. Чинков лично добыл ему пропуск и дал денег. Село на Полтавщине уцелело, цел был и дом Куценко, но он еще дорогой смутно понял, что судьба его в «Северстрое», где он был именно Клим Алексеевич. Куценко избил жену, устроил загул на все село, обозвал всех дальних и близких родственников бендеровцами. Почтение односельчан к деньгам и вольному, «сильному» поведению лишь больше разжигало Куценко. Он вернулся на неделю раньше назначенного Чинковым срока. Три года Чинков беспощадно тренировал его: заставлял еще до промывки угадывать, есть или нет золота в данном месте. Но Куценко и сам вошел во вкус игры, сросся с лотком, и снились ему отвалы, косы, отмели и сланцевые щетки. С хохлацкой хитростью Куценко решил для себя: судьба его зависит от судьбы Чинкова. Став знаменитым промывальщиком, Куценко никогда не возражал, не дерзил начальству, не спорил даже с замурзанным техником. Но выполнял он только приказы Чинкова. Он и сам не заметил, как превратился в экспедиционного кадра, который умеет все: сготовить обед из ничего, подстрелить и разделать лося, натянуть искусно палатку, ходить по двадцать часов в день, разжигать костер в любую погоду, терпеть холод и комаров. Но главное — Куценко *чувствовал* речную долину. Он хранил, берег и таил в себе этот дар. В полусонных мечтах он видел себя в должности инженера. А почему нет? Илья Николаевич Чинков все может.

...Закончив промывку, Куценко с опустевшим рюкзаком

пошел к базе Монголова. На базе, как заверил его Чинков, его будут ждать двое рабочих. Мелкий снег падал на мертвую долину Правого Эльгая. До базы Монголова было около сорока километров, но Куценко не волновался. Если Илья Николаевич сказал, что будут ждать двое — значит, его ждут там двое. И еще несколько раз Куценко останавливался, сбрасывал легкий рюкзак и быстро мыл шлих: грубая работа, рассчитанная на самородок. И дважды заледеневшими пальцами вынимал из лотка обкатанные пластинки грамма по полтора. Куценко снова влезал в лямки рюкзака, вешал на шею винчестер и шел дальше. Но темная работа мозга продолжалась, и он автоматически отмечал заброшенные паводком куски торфа, крупный и мелкий галечник, перекаты, обнажившиеся из-за зимнего иссякания воды.

17

Чинкова видели ночью, когда он ходил по заснеженному берегу моря. Вода была тяжелой, как загустевшая нефть. Вдоль медлительных вод медленно прогуливался Чинков в темном пальто с каракулевым воротником, в каракулевой полковничьей папахе. Дорожка, по которой ходил Чинков, называлась «тропа бичей», и здесь пролегала именно ночная тропа, на которой безмолвно выясняли отношения, мелькали туда-сюда быстрые ночные фигуры. Но так как истинный ночной человек издали чувствует величие, то Чинкову здесь никто не мешал. Лишь однажды в освещенном портовыми прожекторами пространстве на него набежал безвестный малый в телогрейке и кепке, натянутой на уши. Малый глянул на массивную фигуру Будды, зачем-то обежал кругом.

— Вот ведь человек! Встретишь такого и жить хочется,—сказал он из-за спины.

Чинков медленно развернулся, в упор посмотрел на бича и улыбнулся. Но тот, отмахнувшись с комическим ужасом, уже убегал на легких ногах неимущего человека.

На другой день, после того как вернулась партия Жоры Апрятина, его вызвал Чинков. Жора в длинном свитере с широким воротом, в узких брюках более чем всегда походил на школьника.

— Доложите о выполнении моего задания.— Чинков монументально сидел в своем тронном кресле и не смотрел на Апрятина.

— Доклад очень короток. Ни черта нет, кроме знаков.

— Это не ответ инженера, Апрятин. Составьте мне

предварительный отчет на нескольких страницах. Приложите карту шлихового опробования и расположение шурфов. Вы свободны, Апрятин. Срок — неделя.

Сразу же после Апрятина Чинков вызвал начальника отдела кадров. Богода проскрипел протезами через кабинет и остановился у стола.

— Садитесь,— предложил Чинков.— Кто лучший тракторист в управлении?

— Дядя Костя,— сразу же ответил Богода.— Простите: Васильчиков Константин Сергеевич.

— Предупредите Васильчикова, чтобы готовил трактор. Через несколько дней проведете его к партии Копкова. Весь рейс под вашу ответственность.

— Я инвалид,— смущенно сказал Богода.— Но я, разумеется...

— Вы топограф, следовательно, маршрут по карте проложите и не заблудитесь. Вы инвалид, следовательно, обязаны предусмотреть все случайности. Иначе сорвете вывозку партии и погибнете сами. Вы начальник отдела кадров, следовательно, вам полезно знать, в каких условиях трудятся наши люди. Возражения?

— Нет возражений,— сказал Богода.

— Васильчиков может водить вездеход?

— Дядя Костя все может.

Васильчиков Константин Сергеевич был человек с прошлым и без зубов. На вид ему было больше шестидесяти, и мало кто знал, что ему всего сорок пять. Богода это знал. Дядя Костя был когда-то испытателем танков. Ошибка его жизни состояла в том, что на третий год войны он попал в плен, хотя в плен ему попадать было нельзя. Он прошел допросы и концентрационные лагеря. По земле он ходил неуверенной виноватой походкой и, лишь сев за рычаги, приобретал неутомимость и крепость металла.

Вечером того же дня на вездеходе Чинков выехал на базу Монголова. Вездеход вел дядя Костя. Они двигались вначале по участку дороги, соединявшей Поселок с прииском Западный, затем скрылись за сопки и пошли прихотливым зигзагообразным маршрутом по заваленным снегом долинам, сквозь струи поземки на перевалах, по тонкому льду на промерзших реках. За дорогу Будда ни разу не взглянул на карту, видно, что он уже выучил этот маршрут наизусть.

Дядя Костя молча двигал рычаги и даже не смотрел на Чинкова. Если бы он вез какого-нибудь техника или работягу, он был бы, может, веселее и разговорчивее. Но он вез

начальство, и гордость не позволяла ему вести разговор, чтобы, не дай бог, не возник некий оттенок подхалимства. На вторые сутки на перевале Столбчатом они попали в пургу. Косо идущий снег закрывал все впереди, и Чинков приказал остановиться. Они стояли всю ночь, Чинков дремал, а дядя Костя каменно смотрел перед собой. Он не спал, так как не верил мотору непривычного ему вездехода. Утром он все-таки задремал на минуту, а очнувшись, увидел внимательный взгляд Будды. Глаза у дяди Кости были почти ярко-красными. Он пролез в кузов вездехода, разжег примус и сварил чифир.

— Будете, начальник? — спросил он.

— Не откажусь,— сказал Будда с усмешкой. Выпил полкружки чифира и спросил:

— Что будем делать?

— Что прикажут.

— Попытаемся. Сейчас чуть правее, вниз, к реке. Далее по долине.

Через пять минут вездеход невесомо и бесконечно провалился в белую мглу. Последовал удар, и все стихло. В кабине стало темно.

— Васильчиков, жив? — спросил Чинков.

— А какого хрена мне будет? — тихо и спокойно ответил тот, и тут же зажужжал стартер. Мотор, как ни странно, завелся.

— Газ выхлопной,— сказал Чинков.— Двигай, а то задохнемся.

Вездеход забуксовал, но потом толчками все же пошел вперед, и вдруг они очутились среди яркого света. Дядя Костя остановил вездеход, и они вышли. Позади лежал снежно-белый рыхлый откос с темным отверстием вверху, куда провалился вездеход, и такой же пещерой, откуда вездеход вышел. Вдоль реки дул ветер, и на их глазах снег замуровывал пробитые машиной дыры в сугробе.

— Везет,— весело сказал Чинков.

— Везет,— спокойно согласился дядя Костя.

Ночью они добрались до базы. Чтобы не глушить мотор, посадили дежурить Седого. Дядя Костя залез в его еще теплый мешок и заснул мертвым сном. Утром у палатки увидели два лыжных следа: Чинков и Куценко ушли вверх по реке. Вернулись они к вечеру, оба оживленные. Чинков вынул бутылку спирта, отдал ее Седому, чтобы тот на глаз разделил всем, и, взяв кружку, вдруг блеснул удивительно ясной улыбкой: «Ну, товарищи, за удачу!»

И все: «завязавший» уголовник Седой, дядя Костя «с прошлым», шурфовщик Кефир, вдруг покосились на сиявшего отраженной улыбкой Куценко и поняли, почему он за глаза и в любой обстановке предан главному инженеру. Каждый из них по-разному, но вообще-то одинаково сформулировал про себя мысль о том, что главного инженера подводить не стоит. Кефир, отхлебнув полкружки чистого спирта, пожевал снег и вдруг брякнул:

— Жестко стелешь, начальник. Но жить с тобой можно.

Через неделю после возвращения с Эльгая Чинков вызвал к себе Монголова. Тот появился в оранжевом свитерке под пиджаком, сухой, стройный, со спины просто мальчик. Чинков сидел в кресле и вежливо приподнялся, как только Монголов зашел в кабинет:

— У меня есть для вас предложение, Владимир Михайлович,— сказал он.

— У меня также,— с какой-то даже легкостью ответил Монголов.

— Слушаю вас.

— Вот. Просто рапорт.— Монголов вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

— Рапорт, вероятно, адресован начальнику управления Фурдецкому,— поморщился Чинков.— Если не затруднит, расскажите на словах.

— Прошу через месяц разрешить отпуск. Я болен. После отпуска прошу откомандировать меня в распоряжение прииска. С прииском вопрос согласован. Личное обоснование: я оловянщик и должен заниматься касситеритом.

— Этого не будет, Владимир Михайлович. Ни отпуска, ни прииска,— тихо сказал Чинков.— Вы нужны здесь.

— Зачем?

— Я предлагаю вам возглавить разведку на россыпное золото в долине реки Эльгай.

— Это несерьезно, Илья Николаевич,— возразил Монголов.— Люди, деньги. В конце концов само золото. Я не буду участвовать в авантюре.

— А если приказ?

— Впервые в жизни отвечу на приказ медицинской справкой. Не заставляйте меня это делать.

— Днями я улетаю в Москву. Прошу не подавать рапорта до моего возвращения.

— Что это изменит?

— Сердце что-то,— не отвечая, продолжил Чинков.— Вот слетаю, схожу к врачам.

Под окном управления взревел трактор, по коридору раздался топот многих сапог.

— По-моему, вернулась партия Копкова,— сказал Чинков.— Пойдемте глянем на киноварь.

Они спустились вниз. У входа в управление стоял обсыпанный снегом трактор. К нему были прицеплены перекособоченные, затянутые брезентом сани.

Из кабины выскочил Копков в прожженной меховой куртке, без шапки. Он огляделся и запустил руку в черную с проседью шевелюру. Потом помог вылезть Богоде, который из-за протезов не мог спускаться по гусеницам. Вместе с Богодой они обошли затянутые брезентом сани. Копков отвязал веревку и открыл брезент. Из саней неторопливо полезли его кадры, истощенные, с черными от мороза и грязи лицами.

— Счас будем разгружать или после?— спросил Копкова рабочий.

— Разгрузят без нас,— ответил Копков.

Дядя Костя повел трактор к управленческой лаборатории. Все любопытные потянулись туда, всем хотелось посмотреть на копковскую киноварь.

— Ребята,— сказал Копков.— Тут ее меньше тонны. Перетаскайте ее в коридор. Саня, организуй.

— Все сделаю, Сеня,— сказал Саня Седлов сквозь сигарету и крикнул:— А ну, тунеядцы! Поможем полевикам. Отъелись тут в управлении...

Дядя Костя ходил вокруг трактора, вслушивался в подрагивающий рокот мотора, трогал ослабевшие траки.

— Ничего, доехали. Я тебе говорил, что доедем. Я боялся, что ты клапана порвешь. Ты ничего, удержался,— говорил трактору дядя Костя.

Копковские кадры цепочкой, точно дисциплинированные привидения, вошли вслед за начальником в управление. Так же вместе они вышли обратно. Правилом Копкова было проводить отгульные дни вместе с рабочими, хотя Копков совершенно не пил.

Ящики с рудой рдели на снегу, как цветы. Чинков быстро выхватил несколько крупных кусков киновари. Монголов наблюдал за ним. Чинков рассматривал киноварь и улыбался. Кончики губ загнулись вверх, и на темных щеках обозначились даже ямочки.

— Я подожду вашего возвращения,— неожиданно для себя сказал Монголов.

На другой день Чинков вылетел в Москву. Официальным обоснованием поездки было направление на обследование

сердца, выданное поселковой поликлиникой. Лётел Чинков за свой счет. Предложение Фурдецкого оформить через Город командировку он отклонил. Чинков действительно выглядел плохо. К обычной тяжеловесной замкнутости его прибавилась какая-то угрюмость. Он похудел так, что под глазами повисли мешки и одрябли темные щеки. «Как ржавый амбарный замок»,— пустил кто-то по управленческим коридорам.

Генрих Фурдецкий и на минуту не допускал, что Чинков вылетел из-за болезни. Шла неизвестная и большая игра. Фурдецкого обижало, что Чинков не посвящает его в свои планы. Разве он не доказал свою преданность управлению? Разве не Фурдецкий добыл снаряжение для будущих полевых партий, разве не он прикрыл «барак-на-косе», не он добыл вездеход? И это только начало.

Как назло, через день после отлета Чинкова по радиосвязи его вызвал Робыкин.

— Куда запропастился Чинков? — спросил Робыкин.— Вторые сутки не могу его вызвать на связь. Прием.

Фурдецкий понял, что в Город все же кто-то «стучит». Он решил валять ванечку.

— Полученные вездеходы полностью зарекомендовали себя в условиях полярного бездорожья,— с натренированной бодростью прокричал Фурдецкий.— Полевики говорят вам «спасибо», товарищ Робыкин.

— Где Чинков? Прием.

— Вылетел в больницу из-за плохого состояния сердца. Все полевые партии благополучно вернулись, товарищ Робыкин.

— Вы что же, Фурдецкий, автономию там развели? Отвечайте. Прием.— Сейчас Фурдецкий слышал даже дыхание Робыкина.

— Какая может быть автономия, товарищ Робыкин? Предварительный отчет высылаем через неделю лично вам,— прокричал Фурдецкий.

— Желаю коллективу управления успехов. Отбой.— Видно, Робыкин понял, что ничего от Фурдецкого не добьется.

Фурдецкий отер пот и теперь уже знал, что все пути к отступлению отрезаны. Он впрягся в упряжку Будды. В том, что Чинкову все донесут, он не сомневался. Пусть знает. Фурдецкий обошел все кабинеты полевых партий. Все-таки это его, Фурдецкого, управление. Полевики настороженно приветствовали Фурдодуя. Ничего. И они поймут. Надо устроить хороший вечер. Отметить. Произнести речь.

И Робыкин и Фурдецкий изумились бы, если бы увидели во Внукове выходящего из самолета Чинкова. Каторжный воздушный путь эпохи, когда о ТУ-104 еще не знали, не умотал его, а омолодил минимум на десяток лет. Он шел весело и настороженно, как, допустим, может идти по следу раненого медведя верующий в удачу охотник. В руках Чинков нес лишь небольшой портфель. На стоянке такси была очередь. Но Будда каким-то неуловимым жестом дал знак шоферу и прошел дальше к облетевшим березкам. Таксист подкатил. Будда мгновенно шлепнулся на сиденье, положив портфель рядом, и они помчались через березовые леса Внуковского шоссе в Москву.

«Северстрой» имел в Москве собственную гостиницу, как и свое представительство — вроде иностранного государства. Но Чинков остановился в «Национале» и в представительство не пошел. В номере он сходил в душ, переоделся и позвонил. Такси ждало его внизу, и Чинков поехал на Красную Пресню. Легкая улыбка не сходила с его помолодевшего лица, и с той же улыбкой он направился к Сидорчуку, в прошлом кадровому северстроевцу, ныне заместителю министра.

Сидорчук был старше Чинкова. В свое время он с любопытством и симпатией наблюдал, как этот юный и тяжеловесный нахал, точно каменный столб в бамбуковой роще, возник и утвердился в рядах «Северстроя». Именно Сидорчук подал мысль о выдвижении Будды на соискание государственной премии, и он санкционировал его переход в Поселок, так как не верил ни одной из причин, которыми в самом «Северстрое» объясняли переход Чинкова. Сейчас он чувствовал, что внезапный звонок и просьба о встрече так или иначе связаны с Территорией.

Чинков вошел в кабинет Сидорчука, сияя неподражаемой белозубой улыбкой. Они поздоровались дружески, так как настороженная симпатия их была взаимной. Будда, посмеиваясь, оглядел кабинет, как будто никогда не бывал здесь раньше, а Сидорчук подумал о том, что в главном инженере Поселка пропадает крупный актер. На него уже действовало наэлектризованное состояние Чинкова.

— Удивляешься визиту? — вежливо осведомился Чинков.

— Нет. Робыкин уже дважды звонил. Интересовался.

— А ты что ответил?

— Я же не знал, что ты ко мне прилетаешь. Что я должен был отвечать?

— Да, сердце пошаливает,— казалось, Чинкова безмерно радует и это сердце, и звонки Робыкина.— Попроси секретаршу, Ваня, чтобы никого не пускала.

Сидорчук выполнил просьбу и уставился на Чинкова с улыбкой, как будто ждал фокуса.

Чинков вынул из школьного портфеля газетку и разостлал ее на столе. На газетку он выложил несколько кусков почти чистой киновари. Киноварь — минерал древних художников и алхимиков — рдела на столе. Сидорчук, в прошлом отличный минералог, забылся на время и долго рассматривал образцы.

— Чудесная киноварь,— сказал он.

— Копков утверждает, что там месторождение мирового значения.

Чинков отодвинул занавеску, закрывавшую карту Территории «Северстроя», и ткнул пальцем.

— Ты там был? — спросил Сидорчук.

— Нет. Вот фотографии месторождения. Жаль, не цветные. Копков утверждает, что сопка почти целиком состоит из киновари. Он ее тонну привез. Просто прошелся, поднял и привез. Представляешь: сопка — и целиком из киновари.

— Так уж и целиком?

— Не хочешь, не надо,— сказал Чинков и безразлично отодвинул киноварь в сторону. Он вытащил из портфеля мешочек, развязал его на коленях и вдруг высыпал на газету груду золотого песка, перемешанного с самородками.

«Килограммов около трех, — машинально отметил Сидорчук.— Лотком, что ли, намыто, крупная фракция».

— Это что? — спросил Сидорчук.

— Это золото, которого нет.

Им не надо было объясняться между собой. Сидорчук молча взял маленький пластинчатый самородочек, бросил его в кучу.

— Что тебе надо, Илья? — спросил он.

— Деньги. Большие. И еще раз деньги. Там ныряющая россыпь. Без крупной разведки ее не найдешь. С деньгами мы дадим уникальное месторождение.

— Ты из-за этого прилетел?

— Рискую,— вздохнул Чинков.— А ты уже все? Уже не хочешь рискнуть?

— Ты сам веришь? Подо что тебе нужны деньги? Почему не обычным порядком?

Чинков пожал плечами. Не имело смысла отвечать на этот вопрос.

— Ты тайно приехал?

— Да! И золото добыл тайно. Они там закопались с Рекой. Через них я бы к тебе не попал. У них вся перспекти-

ва до конца века уткнулась в Реку. Она их прославила и взрастила. Не оторваться им от Реки.

Сидорчук посмотрел на Чинкова. Тот уже снова сидел отяжелевший, серьезный, со спрятанными глазами, и на Сидорчука, видавшего жизнь и людей, пахнуло чертовщиной, таинственной силой, напугавшей когда-то Монголова.

— Дай подумать,— сказал он.

— Думай до вечера. Вечером мы с тобой ужинаем. Пожалуйста, без жены. Вообрази, Иван, что тебе сейчас тридцать и у тебя все впереди.

— Ты знаешь, что у министерства сложные отношения с «Северстроем»?

— Я все знаю. Но я нашел россыпь. Доказательства перед тобой. На Территории есть золото. Чтобы доказать всем, нужны деньги. Тут не азбука, не как на Реке. Без денег сто лет не докажешь. И если ты не поможешь, никто не поможет.

— Ужинать мы с тобой не будем. Ты докладную составил?

Чинков вынул из портфеля папку.

— Все,— сказал Сидорчук.— Сегодня вечером я ее изучаю. Завтра или иду, или не иду к министру.

— Надо идти,— сказал Будда.

— Еще одного лауреата хочешь?

— Нет. Все это суета и тлен. Просто приближается возраст инфарктов. А когда инфаркты, разве в драку полезешь? Разве кто примет тебя всерьез, если у тебя рот перекошен и аптека в кармане? А пока ты принимай меня очень всерьез. Записки у меня две: на киноварь и на золото. Но все деньги, почти все, не буду скрывать от тебя, я пущу на разведку золота. Киноварь еще не созрела. Это случайное открытие. Деньги и техника — вот что мне надо. Хоть в Совет Министров иди, но добудь. Вот мой телефон. Буду в номере постоянно.

...На другой день, во второй половине, ему позвонил Сидорчук. Они встретились в гостинице, в номере Чинкова. Чинков предложил коньяку.

— Давай,—махнул рукой Сидорчук.—Давай, авантюрист, выпьем.

Они молча чокнулись и выпили.

— Вот что,— сказал Сидорчук.— Докладная у тебя убедительная. Еще убедительнее эти три тысячи четыреста двадцать один грамм золота. Вот тебе расписка в получении. Чтобы на тебя уголовное дело не завели. Золото в лаборатории института минералогии. Деньги тебе можно и должно

дать. Это государственный, оправданный риск. Но ты знаешь, где твое слабое место?

— Знаю,— сказал Чинков и налил еще коньяку.— В неточных будущих перспективах. Мы откроем хорошее месторождение. Но откроем ли мы новую золотоносную провинцию?

— Так! — кивнул Сидорчук.— Но начинать-то надо?

— Надо,— сказал Чинков.— Помимо интуиции, знаешь, во что я верю?

— В себя ты веришь. Неудачи предыдущих поисков происходили потому, что ими занимался не ты.

— Так! — усмехнулся Чинков.

— Лети обратно. Присылай технический проект. Официально через «Северстрой». Деньги они получат целевым назначением.

— А отдадут? Они же все помешаны на Реке. Они ее создали и не хотят с ней расставаться. Они, кстати, тоже правы.

— Я все-таки на что-нибудь годен,— устало вздохнул Сидорчук.

— Я знаю Реку,— напряженно сказал Чинков. Он весь налился тяжелой кровью, еще более потемнел.— Я знаю Реку, Иван, и не верю в разговорчики, что она кончилась. В Реку надо вкладывать деньги, и она ответит хорошим золотом. Но рано или поздно оно кончится. Срок этот обозрим. Что дальше? Необходима новая золотоносная провинция. Государство обязано рискнуть десятком-другим миллионов.

— Оно рискнет. Инфаркт у меня уже был, но я еще не склеротик. Но ты рискуешь всем. В случае неудачи государство потеряет десяток миллионов. Ты потеряешь все. Тебя не будет.

— Не пугай. Одно месторождение я все равно дам. Я должен дать их много, провинцию, золотоносный узел. Вот где начинается риск. Правда, я присмотрелся к кадрам. С ними можно рискнуть.

— Где? Как? — спросил Сидорчук.— Все-таки многие шлялись с лотком. Как ты добыл эти три килограмма? Они ведь все решили вверху. Я их тоже с шиком на стол высыпал. «Вот золото, которого нет». Как ты добыл их?

— Не я их добыл. Есть у меня промывальщик. С виду — ничто. Но гений. На отмели в сто метров он берет одну лопату грунта, но именно ту, где лежит единственный на отмели самородок.

За окном шумел город. Настольная лампа давала при-

глушенный свет, и каждый из двух пожилых мужчин в номере думал о силе, которая заставляет их рисковать, тревожиться, лезть на рожон. Их давно не интересовали деньги, и даже честолюбие с возрастом как-то прошло. Силой этой называлась работа. Но что такое работа? Кто может дать этому краткое и всеобъемлющее определение? Страсть? Способ самоутверждения? Необходимость? Способность выжить? Игра? Твоя функция в обществе? И так далее, до бесконечности.

— Когда меня хватит третий инфаркт,— сказал Чинков,— я хочу в этот миг перед смертью знать, что выполнил почти все, к чему был предназначен. На этом точка. И знаешь: огради меня на первых порах от Города. Всегда ведь найдется пяток людей, которые будут ставить палки в колеса, чтобы в случае провала заявить: «Я предупреждал, что средства уйдут на ветер». Но они будут ставить их умело, чтобы в случае удачи заявить: «Я всегда верил в Территорию и помогал, чем мог». Ты знаешь это лучше меня. У тебя уже есть канцелярский опыт.

— Я все-таки на что-нибудь годен,— повторил Сидорчук.

Чинков глянул на этого седоволосого, уже по-министерски мягкого, уже с животиком и руками, сложенными на животике, на этого человека с умным, но уже совсем городским лицом, вспомнил, как видел его опухшего от комаров, в драной штормовке и с цепкими движениями лесовика и, вздрогнув от предчувствия, подумал, что ему не дожить до городского состояния, не суждено.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что, если россыпь, если золотоносный узел там есть, его все равно найдут? Через пять, через семь, через десять лет. Его неизбежно найдут в ходе планомерной съемки.

— А зачем я тогда? Зачем тогда кадры, которые выучены и могут работать больше, чем лошади? Им тесно на олове. Мне тесно в твоей грядущей методике. Эти кадры скоро выйдут в тираж. И я скоро выйду в тираж. Простит ли тебе государство, что ты не использовал нас до конца? Через семь лет... А если это золото потребуется... сегодня вечером?

— Ты к тому же и демагог. Но я на твоей стороне. Знаешь, о чем я мечтаю? Поступить куда-нибудь «тыбиком».

— Что это за должность?

— Ну, есть такая хорошая работенка. «Ты бы сбегал». Сокращенно «тыбик».

— Именно,— усмехнулся Чинков.— Там, в Городе, давно хотят из меня тыбика сделать. Но я сам из них сделаю...

— Не хвастайся до. Хвастайся после... С Городом ты справишься. Ты справься с природой.

— Прилетай к нам. Поживешь на разведке. За куропатками сходишь. И, может быть, дашь совет. Ты ж золотарь... Или уже нет?..

— Уже нет. Для экспедиций я кончился. Для них я вышел в тираж. Но и здесь, как видишь, работенки хватает.

— «Познай, где свет — поймешь, где тьма. Пускай же все пройдет неспешно, что в мире свято, что в нем грешно, сквозь жар души и хлад ума»,— с улыбкой процитировал Будда.

— Что это?

— Блок. Уж извини, что образованность демонстрирую.

— Лети обратно, Илья. В клинику не забудь зайти. Не заставляй меня ссориться с «Северстроем».

— Черт! Ах черт! — Чинков постучал себя по коленке.— Все обдумал, рассчитал все ходы, все варианты. Но не думал, что так легко охмурю тебя. Не предвидел этого. Удивил ты меня, Иван.

— Самовлюбленный ты человек, товарищ Чинков. Пуп земли.

— Я пуп Территории. В этом и есть моя сила,— серьезно ответил Чинков.— Меня отец так воспитал. Всегда стремиться на мостик, если ты даже трюмный матрос. Но стремиться за счет своей силы. Гордый был у меня старик. Военно-морская школа.

— Знаю я все про твоего отца,— сказал Сидорчук.— Изучал в свое время анкетные данные. Я про тебя много знаю. Поэтому даю совет: побывай у Калдиня в Риге. Без поддержки коллектива твоя затея ничего не стоит. Мнение Калдиня значит очень много. Его уважают. Он, можно сказать, кариатидой в Поселке работает.

Чинков с сопением вытащил из внутреннего кармана пиджака картонный квадратик.

— Билет до Риги. Вчера еще взял.

— Странный ты человек, Илья,— сказал Сидорчук.— Тебя в темноте испугаться можно. С нечистой силой ты, по-моему, дружбу водишь.

Властная манера Чинкова держать себя отстраненно от обстоятельств неизменно помогала ему. Рижского адреса Калдиня он не знал. Поэтому на вокзале он дал шоферу такси денег и попросил «выяснить, где находится данный товарищ. Вот тут все записано. Буду ждать вас в вокзаль-

ном ресторане». В полдень они уже ехали в загородную клинику.

Калдинь лежал в отдельной палате. Чинков видел его несколько раз на северстроевских совещаниях, они были даже слегка знакомы. Сейчас, так как Чинков был непосредственно заинтересован, он замечал все. Его поразило, что под одеялом Калдинь казался еще длиннее и еще костистее. Казалось, зеленое больничное одеяло прикрывает мощный, тяжко и прочно сделанный скелет.

— Насколько я знаю вас, мое мнение ничего изменить не может,— сказал Калдинь. Седые волосы его отсвечивали на подушке. Лицо было очень свежим и загорелым.— Я думаю, что, если я предам ваши идеи анафеме, вы скажете, что я вас поддержал.

— Ну зачем же такое злодейство? — усмехнулся Чинков.

— Для пользы дела. Разве не оправдание? Но, знаете, я вас поддержу. Взамен...

— Что взамен? — быстро спросил Чинков.

— Не пугайтесь. Взамен вы выведете на дорогу мальчиков... Жору Апрятина и Сережу Баклакова. Я не успел. Они уже инженеры, но я хотел сделать из них геологов.

— Я сделал бы это без вашей просьбы,— не скрывая облегчения, вздохнул Чинков.— Знаете, я верю в «метод большого болота». Подводят человека к большому и коварному болоту и дают задание сходить на ту сторону и вернуться. Болото, знаете, опасное. Трава обманчивая, трясина, окна, всякие подгнившие веточки. Если вернется, значит, будет ходить.

— А если завязнет?

— Вытащить, обмыть и отправить в сухие места.

— Похоже на вас. Это ваш почерк.

— Вы верите в золото Территории?

— Странный вопрос, Илья Николаевич. Верить или не верить можно в идеи. Золото — материальная вещь. Можно знать или не знать о его наличии. Я не знаю, есть ли на Территории золото. Мы думали это сделать иначе. Держаться за олово, чтобы оправдать существование управления. И вести планомерную методическую съемку. Чтобы потом искать в комплексе. Золото, вольфрам, ртуть. И так далее.

— Это слишком затяжной метод,—пробормотал Чинков.

— Смешно! Я в больнице, из которой, вероятно, не выйду, уговариваю вас не спешить.

— Вы еще вернетесь в управление.

— Бросьте, Чинков. Я мало вас знаю, но думаю, что вы

неплохой актер. Только роль утешителя вам не подходит.

— Я буду рад работать с вами.— Чинков встал.

— Это не страшно, Чинков.— Калдинь приподнялся на локте, и костистое стариковское тело еще резче обрисовалось под одеялом.— Вы знаете, не страшно. Большую и лучшую часть жизни я занимался изучением горных пород. Смерть — лишь переход из мира биологического в мир минералов. Таково преимущество нашей профессии: смерть не отъединяет, а объединяет нас с ней.

— Я верю, что...— упрямо пробубнил Чинков и осекся, услышав смех.

Калдинь смеялся.

— Вы лучший посетитель из всех. Ко мне много приходит друзей. Но вы единственный из всех, кто даже не спросил, чем я болен. Не надо извинений, Чинков. Все правильно. Теперь я спокоен за управление. Вы бросите на пол свой собственный труп и сами через него перешагнете, но управление достигнет цели. Я искренне рад.

— И я все-таки верю,— глухо сказал Чинков.— Я верю в золото Территории.

Он повернулся и вышел из палаты.

— Не забудьте о мальчиках,— крикнул вслед Калдинь.

18

Гурин и Сергушова познакомились вскоре после отлета Баклакова. Она все еще продолжала жить в бараке, который постепенно заполнялся бородатыми мужчинами, грохотом радиоприемников, выставленными у дверей резиновыми сапогами, чайниками, круглые сутки кипевшими на кухонной плите, пальбой по подброшенным в воздух пустым бутылкам из пистолетов — нечто среднее между студенческим общежитием и приключенческим фильмом. Комната Баклакова была ближней к выходу, и однажды она увидела в ней свет. Она постучалась и столкнулась на пороге с очкастым и веселым человеком.

— Бог мой! Заходите,— приятным баритоном сказал он и прикрыл ладонью дырку на свитере. Другой рукой он церемонно указывал на койку Баклакова, приглашая садиться.

— Живот болит? — насмешливо спросила Сергушова.

— Не будем таить честную бедность.— Гурин отнял руку от дырки.

Она засмеялась. Ей почудилось какое-то злодейское очарование в этом лысеющем, с короткой стрижкой, лобастом мужчине. Меж тем Гурин извлек ящик из-под кровати, на ящик постелил газету «Юманите», на газету поставил вынутую из чемодана бутылку коньяку «Наполеон» и две позолоченные стопки.

— Коньяк требует позолоченной посуды,— сказал он.— Только тогда он дает цвет.

— Вы здесь будете жить?

— Постараюсь здесь. Вы сидите на койке моего коллеги Баклакова. Он не успел поставить мебель, потому что отбыл в деревню, в родовое поместье Баклаковых.

Неизвестно почему она промолчала, что знает Сергея.

— Он ваш друг?

— Друзей у меня нет. Есть приятели, как у всех в наше время. С Баклаковым же я поселился потому, что удобнее. Простая душа. Занят мускулатурой и геологией. О прекрасном не говорит. Про женщин тоже. Я терпеть не могу разговоров «о прекрасном».

— Наверное, он очень хороший?

— Очаровательный. Наш простой советский фанатик.

— А вы?

— Я предпоследний авантюрист.

— Почему предпоследний?

— Обидно, если я буду последним.

— А откуда такой коньяк?

— Знакомые. Шлют книги, напитки и сигареты. Заботятся, чтобы я не отстал от века. Вместо сигарет теперь шлют пластинки. Бросил курить. Хочу дожить до восьмидесяти. Посмотреть, чем все это кончится.

— Что именно? Уж простите, что похоже на интервью.

— Вторая техническая революция. Всеобщее забалдение. Квартиры, финская мебель, итальянские кофточки, мечта жизни — машина. Приобретатели всерьез собрались захватить мир. И ну его к черту! Предлагаю выпить за вашу карьеру. Хотите, как Бендер, составлю матрицу для любой корреспонденции на местную тему? Торбаза, пурга, энтузиазм, снежные просторы, молодой задор, старый кочевник.

— Не хамите. Это моя работа.

— Уважаю. Работу я уважаю. И мой сосед и коллега Сергей Баклаков ее уважает. Мы все уважаем работу.

— Экий вы...

— Я не экий. Я отдельный. Странник — вот кто я.

— Как же вам удается странником быть?

— Я знаю профессию на уровне хорошего кандидата или среднего доктора. Это без хвастовства. Кроме того, я знаю два языка. С таким багажом я везде желаннейший гость. В любом геологическом управлении страны. В Барнауле, Ленинграде, Чите. Или на Территории. Когда мне надоест здесь, я выберу точку на карте и двину туда. Переезды помогают мне не иметь вещей. Так проще.

— И не пусто вам?

— А что делать? Мне грустно от ошибок истории. Раньше мир захватывали чингисханы, тамерланы, македонские или орды, допустим, гуннов. Атилла захватил мир. Теперь его плотно и неумолимо захватывают покупатели. Всюду. От озера Титикака до Можайска. Самое неумолимое и беспощадное завоевание. Я обожаю авантюристов. Покупатели поставили их вне закона. Вот я и приспосабливаюсь. Я не воитель. Я приспособленец. Пытаюсь отстоять свое «я» среди всеобщего забалдения. Ничего не хочу иметь, кроме себя.

— Потрясающий парень,— с иронией сказала она.

— Потрясающие парни сидят в кафе, тянут через соломинку портвейн с водой под названием «коктейль». Изображают прожигателей жизни. Или слабыми лапками пытаются ниспровергнуть. Что именно — они не знают. И не знают, что они, как гусеница против асфальтного катка истории. Нет, я все-таки предпоследний авантюрист. С чувством собственного достоинства. Я работаю не хуже всех этих суперменов полярных, баклаковых, всех этих копковых и прочее. Хотя Копков — это Иисус. Иисус от арктической геологии. Хотите на него посмотреть? С чувством собственного достоинства.

— Хочу.

— Ну, еще бы! Журналистский клад: вечер полевиков, герои тундры за бутылкой вина, непосвященные не допускаются.

— Что ж зло-то так?

— Я не зло. Я с чувством собственного достоинства. Верьте не верьте, но здесь одно из немногих мест, куда не долезло мещанство, и геология — одна из немногих профессий, куда ему трудно пробраться. По проберется.

— Вы что же, меня приглашаете?

— Ага.— Гурин широко улыбнулся.— Я человек сложный, но доступный. С чувством собственного достоинства.

— Не такой уж вы сложный, мне кажется.

— Каждый человек как консервная банка. Но ключ от банки спрятан внутри,— с комической серьезностью вздохнул Гурин.

— Ножиком можно открыть.

— Правильно. Взрезать ножиком, вынуть консервный ключ и с другого конца открывать нормально. Примета эпохи — носки надевать через уши.

— Эпоха-то в чем виновата?

— В том, что она существует сейчас. Все эпохи были в этом виновны.

...Когда комнату Сергушовой отремонтировали, Гурин помог обставить ее исходя из опыта мест, где мебель не продается. Для этого требовалось метров двадцать какой-нибудь дерюжки и десять ящиков из-под картошки. Картошку в Поселок привозили, как яблоки, в ящиках. Гурин сам сбегал в промтоварный магазин и купил драпировочную ткань темно-красного цвета. По дороге, потолковав с Рубинчиком, он прихватил в кладовой управления матрац. Из шести ящиков соорудил низкое ложе, положил на него матрац, прикрыл все это дерюжкой, и получилась низкая широкая тахта. Из четырех ящиков он соорудил стол, положил сверху чертежную доску. Доску он тоже взял в управлении, выкинул в окно, пока Рубинчик искал матрац. Стол, прикрытый этой дерюжкой, получился очень хорошим. Остаток ткани он употребил на занавеску.

— Стул и пишущую машинку тебе обязана дать редакция, — улыбаясь, сказал он. — Торшер я тебе принесу. Сейчас не хватает только хорошей картины на стенке.

Он убежал в управление и через полчаса вернулся с картиной, вставленной в рамку. Сергушова могла поклясться, что рамку он тоже спер, выдрав из нее чей-либо портрет. Картина называлась «Взятие в плен Жанны д'Арк». На залитом красной тушью ватмане были приклеены обрезки журнальных картинок: руки, ноги, головы, туловища. Они симметрично располагались в виде атомного гриба. В центре же картины были прикреплены две старые байковые портянки, протертые во многих местах.

— А портянки-то зачем? — задыхаясь от смеха, спросила она.

— Тема народа. Жанна д'Арк была честолюбива. А известен ли в истории хоть один честолюбец, который не утверждал бы, что он живет только ради народа?

19

Традиционный «вечер полевиков» служил вехой, отделявшей один экспедиционный сезон от другого. На вечер приглашались только те, кто провел лето в тундре. Каждый

приглашенный мог привести с собой не более одного человека: жену, девушку или закадычного друга.

Обычно вечер проводился в поселковой столовой, квадратном грязноватом зале с деревянными колоннами. Сюда забегали «выпить граммушку», съесть плов с олениной и оставить на колонне надпись: «Коля, я умотал на Средний Катык бригаду Гайзуллина». Чинков, вернувшись из Москвы, твердо предложил провести «вечер полевиков» в управлении.

В длинном коридоре второго этажа поставили встык столы, собранные со всех кабинетов. Под командой Люды Голливуд техники превратили обшарпанный, вытертый полушубками и телогрейками коридор в банкетный зал, где сверкали под абажурами лампочки, с абажуров свисали какие-то новогодние бумажные ленточки, а наиболее темные места стен были залеплены листами ватмана с цветными картинками на тему тундрового быта.

Улицы Поселка присыпало свежим снегом. Было тепло, и на безоблачном небе просвечивали мелкие звезды. Стояла тихая нормальная полярная ночь. У геологов Поселка для торжественных случаев выработалась особая мода: очень дорогой и очень модный костюм, модные туфли и вместо пальто — грязный полевой полушубок. Был еще особый шик в том, чтобы из заднего кармана торчала ручка пистолета, не забранного по халатности начальства в спецчасть. Но сегодня все пришли безоружными — управление не общага и вечер в нем — не обычный «междусобойчик», чтобы послушать пластинки и потолковать о мирах. Стало известно, что сам Будда придет, а Фурдодуя, напротив, не будет по причине болезни. (Полгода назад после пожара в одном из геологических управлений «Северстрой» издал строжайший приказ, запрещающий выпивку в служебных помещениях под каким бы то ни было предлогом.) Но, видимо, Чинков, в отличае от Фурдодуя, плевал на приказы далекого Города. Это всем нравилось.

Раздевались все в комнатушке Рубинчика. Первой сенсацией явилось платье Люды Голливуд с невиданно широкой юбкой. В кабинет Рубинчика она вошла, но выйти уже не могла — смятая под пальто юбка расправилась и не выпускала. Ей помогали Семен Копков и Жора Апрятин.

Наверху мексиканское трио плакало под гитару экзотическими голосами неизвестно о чем: шутки снабжения, которое завалило в этом году Поселок мексиканскими, аргентинскими, парагвайскими и бразильскими голосами.

Одним из последних появился Гурин в неподражаемо сшитом костюме, модном галстуке, массивных новых очках. Пижон, гуманитарщик, кабинетный философ из молодых, но никак не геолог. Он пришел с Сергушовой, облегающее платье которой, синие тени на впалых щеках, яркая помада и вздыбленная прическа затмили Люду Голливуд сразу и на весь вечер.

— Жора, пожалуйста, не открывай сегодня пальбы. Я с дамой, — сказал Гурин Жоре Апрятину, и Жора даже затосковал слегка, наблюдая, как уверенно тот снял пальто с журналистки и так же уверенно повел ее наверх. Доктор Гурин в ипостаси светского человека.

По полярному обычаю каждый должен был наливать себе сам, что хотел: спирт, шампанское, коньяк или портвейн. Каждый сам отмерял себе дозу, сам следил за собой и сам должен был убираться домой, если чувствовал, что пьянеет. Во главе стола сидел Чинков, улыбчивый и добродушный. Еще один вариант: патриарх в окружении многочисленных домочадцев.

Чинков знаком предложил наполнить рюмки и встал.

— Уважаемые коллеги! — сказал он высоким голосом.— Прежде всего позвольте поблагодарить за честь. Я впервые присутствую на празднике прославленного геологического управления не как гость, а как свой человек. На правах новичка позвольте нарушить традицию. Не будем говорить о минувшем сезоне. Поговорим лучше о будущем. Что такое открытие месторождения? Это смесь случайности и логики. Но всякое истинное месторождение открывается только тогда, когда созрела потребность в нем. Стране требовалось олово, и оно было открыто на Территории. Честь и хвала. Вы знаете роль здешних месторождений в годы войны. В минувшем сезоне было открыто, по-видимому, весьма серьезное месторождение киновари. Не будем умалять его значения, но это открытие явилось случайным. Каждому ясно, что мы не можем на случайностях строить планы. Открытие должно созреть. Сейчас созрела необходимость в золоте Территории. Следовательно, мы обязаны его обнаружить. Именно с будущего сезона управление переходит на поиски золота. Для этого требуются деньги, кадры и ваши усилия. Деньги мы с вами получим сейчас. Часть кадров весной. Но основные кадры к нам прибудут позднее. Вывод: вам было тяжело в минувшем сезоне, в будущем будет тяжелее вдвое. Придется вынести двойную тяжесть работ. Все, кто захочет уйти заранее, могут уйти. Обещаю приличную характеристику. Но с остав-

шихся буду спрашивать беспощадно. Предлагаю тост за удачу и за тех, кто следующим летом будет в тундре.

Чинков выпил стоя — так получилось, что все встали. Был минутный шум, стук посуды. Требовалось ответить, произнести, уточнить. Но что и кому?

— Разрешите мне,— вдруг раздался сухой голос Монголова.

Наступила мгновенная тишина. Никто не мог припомнить, чтобы Монголов выступал кроме как на техсоветах. Но и там его выступления были сугубо краткими: «пункт первый, пункт второй...»

Монголов встал на противоположном конце стола, все в том же оранжевом свитерочке, лицо обтянуто.

— Я не готовился к выступлению. Буду говорить экспромтом. Товарищ Чинков сказал далеко не все. Мы все вместе работали многие годы. Бывают ситуации, когда коллектив должен знать все. Так я считаю. Мы многие годы просили деньги и кадры, вы это знаете. Мы не добыли их. Но товарищ Чинков, как мы сейчас услышали, достал деньги и кадры. Легко и быстро. Вы все помните Мишу Катинского. Он сгорел, потому что заговорил о золоте Территории. Товарищ Чинков добыл деньги и кадры именно на золото Территории. У начальника управления лежит мой рапорт об уходе на прииск. Но мне же предложено возглавить разведку на золото в долине реки Эльгай. Сегодня утром я получил письмо от Робыкина из центрального управления. Вот оно. Письмо частное, я не буду его читать. Но в нем мне предложено возглавить расширенную поисковую партию на касситерит. Партия эта будет вместо нашего управления. Какой вывод? За нашей спиной идет кабинетная борьба. Без нас прикрывают управление, без нас меняют направление работ, без нас добывают для нас деньги и кадры. У нас была простая и ясная жизнь. Мы неплохо работали. Сейчас все запуталось. Запутанные узлы надо рубить сразу. Давайте перестанем шептаться о золоте Территории. Выясним все до конца. Иначе эта глупая желтая тень будет преследовать нас долгие годы. Со своей стороны я беру свой рапорт обратно и беру разведку на реке Эльгай. Я не верю в то золото, но использую, чтобы его найти, весь свой опыт горного инженера. Это как нарыв. Либо вскрыть, либо мучиться дальше. Я кончил.

— Спасибо, Владимир Михайлович,— громко сказал Чинков.

Снова все сидели неподвижно перед столами, заставленными бутылками и едой. Хрипатый голос Сани Седлова врезался в тишину:

— Всюду, где собирается больше трех геологов, надо вешать лозунг «К чертям разговоры о работе». У нас техсовет или вечер отдохновения? Предлагаю налить и выпить за Монголова. Он наш человек. Сохраняет наше достоинство.

Саня Седлов разрядил обстановку. Зазвякала посуда, возник легкий шумок, говор, кое-где смех.

В стену управления что-то стукнуло, раздался как бы расширенный вздох, и тотчас задребезжали, запели стекла в торце коридора.

— Господи благослови! — сказал кто-то.— Первый зимний!

— Что это? — тихо спросила Сергушова у Гурина.

— «Южак». Первый за эту зиму. Придется сбегать отсюда.

Каждый журналист, каждый заезжий литератор и вообще любой, побывавший в Поселке и взявшийся за перо, обязательно писал и будет писать о «южаке». Это все равно что побывать в Техасе и не написать слова «ковбой» или, будучи в Сахаре, не упомянуть верблюда. «Южак» был чисто поселковым явлением, сходным со знаменитой новороссийской «борой». В теплые дни за склоном хребта скапливался воздух и затем с ураганной силой сваливался в котловину Поселка. Во время «южака» всегда бывало тепло и небо безоблачно, но этот теплый, даже ласковый ветер сшибал человека с ног, перекатывал его до ближайшего закутка и посыпал его сверху снежной пылью, шлаком, песком, небольшими камнями. В «южак» лучше всего годились ботинки на триконях и защитные очки горнолыжника. В «южак» не работали магазины, были закрыты учреждения. В «южак» сдвигались крыши и в крохотную дырку, в которую не пролезет иголка, за ночь набивались кубометры снега.

— Всем женщинам и всем семейным предлагаю разойтись по домам,— четко сказал Будда.— Молодежь может оставаться. Завтра день нерабочий. Старшим остается Копков. За группу из двадцать пятого барака отвечает... Салахов.

Первой в сопровождении Копкова ушла Люда Голливуд. Ушел Чинков. Ушли Гурин с Сергушовой.

Лампочки потускнели, стекла уже дребезжали непрерывно, и за стеной слышались все учащающиеся вздохи гигантских легких, по временам где-то било металлом о металл.

Они сидели, сгрудившись за одним столом. Лампочка помигала и погасла — или повредило проводку, или элек-

тростанция меняла режим работы. На лестнице послышалось бормотание. Это Копков проводил Люду Голливуд и вернулся. Он принес с собой свечки.

«Южак» глухо ломился в двери управления, набирал силу. Свечное пламя колебалось, тени прыгали по стенам. Разноцветно светились бутылки. Копков отодвинул от Жоры Апрятина стакан с коньяком и пошел вдоль столов, разыскивая свою кружку. На любой вечеринке Копков наливал себе в экспедиционную эмалированную кружку шампанского и больше не пил ничего. «Предпочитаю гробить здоровье в маршрутах». Копков разыскал свою кружку, сгорбился на стуле. Все молча собрались вокруг него. Рыжеволосый заика Копков с его славой чудака, первопроходца дальних маршрутов, с его свитером из шерсти мамонта, различными историями, которые то ли случались с ним, то ли нет, в сорок лет уже был легендой. Даже работяги с ним каждый год ходили одни и те же, похожие на начальника, смурные, кособокие, молчаливые и все умевшие тундровики.

— Какого черта сидим и молчим? — сказал Жора Апрятин.— Знаете, кто мы? Мы — наследники. Нашими предками были купцы, авантюристы, охотники за сокровищами. Одиссей был нашим предком, аргонавты имеют к нам такое же отношение, как наши деды. Там, где купец останавливался на ночлег,— выросли торговые города древности. По нашим следам также растут города. Мы — основоположники городов, ребята, и сегодня Будда сказал, что нам лично предстоит вмешаться в международную торговлю, нам предстоит влиять на биржевые курсы проклятых капиталистов, наше золото будет загружать пароходы. Из этих стен, из этой тундры мы будем гнать корабли через океаны, железнодорожные составы через материки и границы. Но отдаете ли вы отчет, что своими руками мы готовим гибель нашей профессии? Когда здесь проложат шоссе, тундру зальют соляркой, реки превратятся в отвалы перемытых пород, я брошу геологию и поступлю ночным сторожем, чтобы смотреть на звезды. Круги мироздания снова сомкнутся. Древний пастух считал звезды и слушал, не ползет ли лев к его отарам. Геолог Апрятин будет считать звезды и слушать, не ломает ли кто замок у продуктовой палатки номер шестнадцать. Предлагаю выпить за Будду и перспективы.

— За начальство пусть пьют чиновники на банкетах,— сказал Салахов.

Тост Жоры Апрятина никто не поддержал. Здесь был «Северстрой», страна самостоятельных личностей, и ни одна

самостоятельная личность не будет пить за здоровье начальства, даже если уважает его.

— Такое получается дело,— как всегда неожиданно забубнил Копков. Он обежал всех шалым взглядом пророка и ясновидца, обхватил ладонями кружку, сгорбился.— Лежим мы нынче в палатке. Угля нет, солярка на исходе, погода дует. И все такое прочее. Кукули за лето слиплись от пота, не шерсть, а стружки. Пуржит, палатка ходуном ходит, ну и разное, всем известное. Лежу, думаю: ну как начальство подкачает с транспортом, куда я буду девать вверенных мне людей. Пешком не выйдешь. Мороз, перевалы, обуви нет. Ищу выход. Но я не о том. Мысли такие: зачем и за что? За что работяги мои постанывают в мешках, матерятся и прочее? Деньгами сие не измерить. Что получается? Живем, потом умираем. Все! И я в том числе. Обидно, конечно. Но зачем, думаю, в мире от древних времен так устроено, что мы сами смерть ближнего и свою ускоряем? Войны, эпидемии, неустройство систем. Значит, есть в мире зло. Объективное зло в силах и стихиях природы, и субъективное от несовершенства наших мозгов. Значит, общая задача людей и твоя, Копков, в частности, это зло устранять. Общая задача для предков, тебя и твоих потомков. Во время войны ясно — бери секиру или автомат. А в мирное время? Прихожу к выводу, что в мирное время работа есть устранение всеобщего зла. В этом есть высший смысл, не измеряемый деньгами и должностью. Во имя этого высшего смысла стонут во сне мои работяги, и сам я скриплю зубами, потому что по глупости подморозил палец. В этом есть высший смысл, в этом общее и конкретное предназначение.

Копков еще раз вскинул глаза, точно с изумлением разглядывал неизвестных ему людей и так же неожиданно смолк, отвернулся.

Внизу хлопнула дверь, послышались шаги на лестнице, топот, кто-то отряхивал обувь. Весь закутанный снегом, который, как прессом был вдавлен в ткань пальто, появился Сергей Баклаков.

— Ханыги! Тунеядцы,— счастливо сказал он,— привет!

— Садись. Замажь стопку,— сказал Салахов.— Я пока выгребу снег из твоих карманов.

Сергей Баклаков, похудевший и загорелый, сел за стол. Ему пододвинули бутылку. Он внимательно прочел этикетку «спирт питьевой» и отодвинул в сторону.

— Захожу в барак — пусто. Комната заперта. Ломлюсь в одну, в другую — мертвая тишина. «Южак» погромыхи-

вает. Раз «южак», значит, кино нет. Где народ может быть? Только в управлении.

— Ты в секту вступил, Серега. Утверждаю честью,— сказал Жора Апрятин.— Ты отст-т-тавил бутылку в сторону и глаз у тебя нехороший. Ты сектант, Серега.

Только сейчас все заметили, что Жора Апрятин все-таки превысил норму и что глаз у Баклакова действительно тревожный и «нехороший». Но спрашивать о таких вещах было не принято.

— Ты-ы! — с коротким смешком сказал Баклаков.— Не городи ерунды, Жора. Пей пиво, Вася, да учись хорошенько. Ты-ы!

Разглядывая наутро после «вечера полевиков» желтый баклаковский портфель, Гурин сказал:

— Шикарный портфель. Предвижу: сейчас ты извлечешь из него нетленные славянские ценности: иконы и лапти.

— Зачем? Ты богомольный, что ли? — удивился Баклаков.— А лапти?

— Неужели ты не в курсе, сокоешник? Лучшее украшение жилища. Особенно если в экспортном исполнении. Лапти в экспортном исполнении! Неужели ты не понимаешь, что это шикарно!

— Брось,— сказал Баклаков.— Не крути мозги.

— Отстал ты от века, сокоешник. Пишут мне, что интеллигенция спохватилась. Утеряли-де национальную самобытность. Вспомнили про прялки, иконки и народную речь. Про траву, грибы вспомнили. Утеряли-де в суете простоту ощущений.

— Себя они потеряли,— сказал Баклаков, вспомнив бабку Аришу.

— Это ты прав, сокоешник. Но это же старая беда. Теперь в моде народные корни. Лапоть — это разве тебе не исток?

— Не знаю, кто тебе пишет,— сказал Баклаков.— Передай им от меня: пусть идут к черту. Или по-народному выразиться? От бороны, так сказать.

— Это не требуется,— сказал Гурин.— Я передам простыми словами.

— Скажи, что насчет лаптей у Баклакова полный порядок. Насчет связи с корнями тоже бессонницей не страдает. Пойду поздороваюсь с теми, кого не видал.

Когда вернулся в комнату, он увидел над койкой Гурина свою, видно, заранее припасенную Гуриным фотографию. На фотографии Баклаков был очень могучий, с расстегну-

той на груди рубашкой, с победной ухмылкой. Вкось фотографии шла надпись: «Сокоешнику от основоположника. С. Баклаков». Над своей кроватью он увидел точно такого же размера портрет Гурина. И дарственная надпись: «Основоположнику от сокоешника. А. Гурин».

— Почему ты меня в основоположники произвел? — смеясь, спросил Баклаков. Он понял, что уживется с Гуриным.

— А ты обязан им быть. Есть в тебе нечто. В тебе есть упрямство забивающей сваю чугунной бабы. Такие всегда становятся основоположниками.

— Чего?

— А чего-нибудь,— хохотнул Гурин.— Важно им быть.

— А ты будешь?

— Я для этого слишком умен,— серьезно сказал Гурин.— Ум у меня уж очень лукавый. Можно сказать, развратный. Из таких, как я, получаются блестящие неудачники. Сила основоположников в их моральной убежденности. Здесь и есть мое слабое место. Веры в себя маловато. Толпе я не верю. Сильным мира сего не верю. Но и себе тоже не верю.

...Баклакову нравилось умение Гурина облечь любую минуту жизни в яркую словесную оболочку, так что эта минута начинала сверкать, как заводь в реке времени. «Питерские приятели» присылали Гурину не только коньяк и новые веяния моды. Они присылали ему пачки английских, американских, немецких геологических журналов. Гурин ненавязчиво подсовывал Баклакову перевод или реферат статьи: «Почитай старика Рамберга. Тебе это интересно». В отношениях с Сергушовой у них установился тон шутовского соперничества.

Они ходили к ней вместе.

— А не навестить ли нам нашу приятельницу? — говорил Гурин. Они натягивали полушубки и шли через Поселок к домику невдалеке от бухты и издали смотрели, светится или не светится окно. Окно, как правило, светилось, Сергушова предпочитала сидеть дома на оранжевом одеяле «Сахара». Сведения для корреспонденций ей дружески поставляла местная редакция. Собственные командировки она отложила до весны. «То, что в полярную ночь ничего не видно, я отлично вижу здесь».

Иногда Сергей заходил один.

— Давай помолчим,— предлагала она.— Недавно был Гурин и выдал словесный запас на неделю.

Баклаков ставил на плитку чайник, заваривал чай в кон-

сервной банке. Тихо потрескивала спираль на плитке, за окном шуршал снег, и струи его при порыве ветра беззвучно скользили по стеклам.

— Ты был прав,— говорила она.— Иногда и здесь можно жить. Интересно, что было здесь, когда не было ничего?

— Вначале был Марк Пугин. Потом оловянщики. Потом Поселок,— сказал Баклаков.— Все это знают.

Марк Пугин. История

Возникновение Поселка на пустынном морском берегу в простоте своей уподоблялось зарождению городов древности.

В 1930 году, в первых числах августа, пароход «Ставрополь» благополучно обогнул Туманный мыс и вошел в морскую губу. Туманный мыс был издавна знаменит в истории полярного мореплавания. Его прославили не поддающиеся логике потоки течений, стихийно возникавшие ветры и круглогодичные туманы.

Многолетний стаж в шальных северных водах научил капитана «Ставрополя» Ведякина чувству служебного долга и пессимизму. Приказ был строг и подписан высшей морской инстанцией: «Высадить пассажиров в том месте Территории, которое они выберут». Для этого Ведякин и вел пароход на юг, в туманные неизученные дебри губы, хотя ему следовало идти прямо на запад, ибо главный груз «Ставрополя» предназначался в устье Реки: патроны, мука, спички, ситец, дробь, соль, сети.

С южной стороны Туманного мыса с незапамятных времен жило несколько семей морских охотников. Они погнались было за пароходом на кожаных лодках, скорее всего, в надежде что-либо купить-сменять. Но «Ставрополь» не остановился, и лодки после часовой гонки отстали.

Лишь один человек из всех, бывших на судне, заинтересованно наблюдал гонку кожаных лодок, брызги воды от весел, горбатые первобытные силуэты охотников. Ему очень хотелось остановиться, даже требовалось остановиться, но он знал, что капитан не выполнит просьбы, потому что спешит во всю силу изношенных машин и капитанского нетерпения. Лето уходит, а до устья Реки еще далеко.

Звали этого человека Марк Иванович Пугин. Он сильно напоминал бородатого простодушного гнома, надевшего с веселой целью шинель. Гонку лодок Пугин переживал с непод-

дельным азартом, хлопал себя по бедру и говорил: «Ах, черти!» Большая, жуткой черноты бородища не шла к шинели и малому росту Пугина, но отрастить бороду его заставили прямые служебные обязанности. Он считался специалистом по национальному вопросу, работал в Средней Азии, где борода, несомненно, способствовала авторитету.

На Территорию Пугина перебросили прямо из высокогорного памирского кишлака Кала-и-Хумб. Лишь на несколько дней он успел заскочить в деревню под Орлом, забрать отца и заехать в Москву за инструкциями. Теперь Пугин единолично олицетворял советскую, партийную и прочую власть на севере Территории. Но главным заданием Пугина по-прежнему оставался именно национальный вопрос. Скорейшее и немедленное приобщение пастухов и морских охотников к европейской культуре и общему ритму страны. Он взял с собой беременную жену и старика отца — все, чем дорожил в жизни, помимо главной идеи.

Место высадки Пугин выбрал, руководствуясь тремя соображениями: оно должно находиться в центре доверенной области, сюда смогут заходить крупные корабли, и здесь может быть выстроен порт, который (чем черт не шутит) скоро понадобится. В те годы легко намечали новые города. Все прочие соображения Пугин считал несущественными.

По описанию побережья, составленному двести лет назад гидрографом-самоучкой Шалаевым, нужное Пугину место находилось именно в этой губе, под защитой маленького островка. Берег здесь, если верить Шалаеву, образовывал впадину, окаймленную сопками, в глубине впадины имелось пресноводное озеро.

Окрестная тундра считалась древнейшим центром оленеводства на Территории, заповедником древних обычаев, сейфом каменного века. Пугин считал, что прежде всего надо браться именно за оленеводов. В поселки прибрежных охотников все-таки заходят шхуны с товарами и редкими командированными представителями власти. До оленеводов не доходил никто.

К вечеру они добрались до места. Берег действительно оказался приглубым, и островок хорошо защищал от волны с запада. За несколько рейсов судового бота команда вывезла на берег семью Пугина и весь их груз. С последним рейсом съехал и сам капитан Ведякин — седой сгорбленный старикан с привычно лихим заломом мятой морской фуражки. Ведякин всякое повидал в полярных морях. Он перевозил заскорузлых от крови и жира охотников

на котика, семейства камчадалов вместе с собаками и связками вяленой кеты, он перевозил странных энергичных мужчин, высаживавшихся в глухих местах побережья, он уже ходил к устью Реки, спасал голодавшее население. Жизнь всячески учила Ведякина не удивляться и принимать все, как есть. Но сейчас, отмякнув душой, он прямо с болью смотрел на трех человек, представления не имеющих о том, что ждет их на дичайшем берегу. Миловидная женщина с упрямой надеждой смотрела на мужа, старик крестьянин из-под Орла со страхом и изумлением оглядывал голый черный камень и низкое небо, чуть ли не садящееся на шапку, а лысый низкорослый бородатый мужчина в распахнутой шинели стоял в задумчивости у кучи прикрытого брезентом груза. Ведякин хотел было предложить зайти на обратном пути и перевезти их хотя бы к Туманному мысу, где есть все-таки пять яранг и живые люди. Или забрать их совсем. Но человек в шинели опомнился и с такой солдатской готовностью оглянулся кругом, так по-хозяйски пнул бревно плавника и запустил руку в бороду, что Ведякин передумал и ничего не сказал.

Через час пароход «Ставрополь» удымил курсом на остров Ай. Над водой в низком полете носились тысячные утиные стаи. «Если не дураки, с голоду не умрут»,— подумал Ведякин.

...Пугин и семья его не умерли с голоду. За две погожих недели они с отцом выстроили приземистый дом из плавника. Не будучи искушенными в последних веяниях полярной техники, они просто выстроили обычный русский дом с сенями, двумя комнатами и печью из привезенных с собой кирпичей. В середине строительства сорвавшийся с сопок ураганный ветер унес в море половину материалов и чуть не снес дом. Они как можно сильнее укрепили крышу и выстроили защитную стенку из камня. Стены для теплоты они промазали глиной. Позднее, по совету морских охотников, они перекинули через крышу моржовые ремни с привязанными на концах камнями, а стены обложили кирпичами из торфа. Так и начался Поселок.

Они еще не кончили дом, как к ним стали прибывать гости с побережья и из тундры. Это были коренастые люди в меховых штанах и меховых же рубашках, с непокрытыми жестковолосыми головами. В вырезах кухлянок виднелась задубелая от ветров и пота кожа. Они выстригали макушку, оставляя венчик черных волос, словно католические монахи. Лица их были просты, примитивны и независимы. Гости приезжали на кожаных лодках и приходи-

ли пешком, легконогие и настороженные. Им требовались товары, так как единственного торговца в устье реки Китам революция ликвидировала. Требовались патроны, чай, сахар, ситец, ножи и табак. Пугин имел кое-какие меновые товары, но они предназначались не для торговли. Рассказать же про светлое будущее, про ближайшие задачи медицины, образования и общественного устройства он не мог, так как не знал языка. Пугина выручила среднеазиатская привычка к чаю и знание английского языка, выучить который его так же заставили прямые служебные обязанности на Памире. Кочевники же слегка знали английский и русский.

Расчет Пугина на семью оказался безошибочным. Оленеводы и охотники поняли, что этот человек приехал надолго, хотя и не имел нужных товаров или не хотел пока торговать. Если бы Пугин был здесь один, дело могло кончиться простым убийством и грабежом. Такое случалось из-за пристрастия к чаю, спирту и табаку.

Едва управившись с домом, Пугин ушел к охотникам Туманного мыса изучать язык и способы существования. Язык он выучил за два месяца почти в совершенстве. Говорить с местным населением на их языке было правилом национальной работы Пугина. Возможно, в Пугине пропал незаурядный лингвист. В начале зимы он выменял патроны, ситец и чай на собачью упряжку и всю зиму странствовал по ненанесенным на карту хребтам, мысам и речным долинам. Ценой истощения, обмороженных щек, рук и ног Пугин стал самым популярным человеком на Территории. Роды у жены он также принимал сам. Это было в конце февраля, а в марте он выехал на собаках в Кетунгское нагорье, чтобы организовать поэтапную поставку своего отчета на радиостанцию за две тысячи километров.

Отчет дошел по назначению. Осенью тот же пароход «Ставрополь», но уже с другим капитаном (Ведякин умер сразу же по возвращении во Владивосток), доставил груз: товаров для фактории, учителей и инструкторов. Все это Пугин обещал оленеводам зимой, и сейчас они могли убедиться, что он — точная власть. Пугин тотчас отправил всех вновь прибывших в тундровые и береговые стойбища. Но история Поселка уже переходила в другую стадию. Пугин невероятно удачно выбрал место. Такая удача приходит лишь иногда к фанатически целеустремленным людям. Через год у его избы высадился Дамер. Дамер погиб, но в его образцах и образцах геолога, сменившего Дамера, обнаружилось олово — металл, позарез нужный стране. До-

статочно сказать, что основным источником олова в те годы были дореволюционные консервные банки. Прибывшая уже на самостоятельном судне разведочная экспедиция обнаружила оловоносные жилы всего в нескольких километрах от дома Пугина. В этом была удача, сходная с удачей городов древности. Выбрать место. Здесь могли приставать океанские суда и здесь имелся касситерит, позарез нужный стране. Так начинался Поселок.

Когда-нибудь, лет через сто, когда время замоет мелочи и окончательно сформирует легенду, будет написано житие Марка Пугина. Кстати, в конце своей жизни он опубликовал книгу рассказов. В рассказах его излагались романтические действия и сильные страсти. Это были слабые рассказы, потому что сильные страсти и действия были выдуманы Пугиным по рецептам «жуткой романтики». Он не писал о том, как однажды, заблудившись в тундре, месяц питался мышами, как учил детей писать свинцовыми пулями на доске, потому что не оказалось карандашей. Он не писал о том, как, едва научившись ездить на собаках, отправился без карты и компаса в разгар полярной ночи в шестисоткилометровый перегон. Он не писал и о том, как несколько месяцев жил с затемненным окном, а прежде, чем выйти на улицу, подолгу лежал в сенях и вслушивался в скрип снега — его мог ожидать выстрел из засады. Он не писал об этом, так как все это происходило в жизни и потому казалось скучным. В Пугине жила яростная потребность мечты.

Он умер через пятнадцать лет после высадки на берегу Территории, сидя на садовой лавочке в Поселке. Садовая лавочка на галечниковой площадке была поставлена по его указанию. Пугин еще не придумал, как посадить деревья, но ее уже можно было поставить. Сей факт, несомненно, войдет в будущее житие Марка Пугина — садовая лавочка под будущими деревьями. В этом был он весь, своеобразный святой XX века, умевший стрелять, принимать роды, изучать неизвестные языки, ходить по памирским оврингам, гонять собачьи упряжки, есть мышей и вселять веру в грядущий свет.

— Все это происходило и происходит в другом веке, на другой земле,— сказала она.

— Езжай в тундру. Людей-то хоть посмотри. У Монголова сейчас кадры. Не кадры, а шурупы. Молотком не вобьешь, клещами не вытащишь.

— Люди твои, эти самые шурупы, какие-то не такие.

Не положено о таких писать. Надо, чтобы он приехал за романтикой. Чтобы позади и впереди было все чистенько. Я плохой журналист и не умею иначе.

— Они не гладкие люди,— согласился Сергей.— Они еще тот народ. На одного святого вроде Марка Пугина приходится много тысяч грешников. Но они первые в тех местах, куда потом будут ехать за романтикой. Может, и в самом деле здесь будет город и не один. Но пойми, города не возникают на пустом месте. Чтобы он был, чтобы сюда устремились за той самой романтикой, был работяга по кличке Кефир. Биография его не годится в святцы, но он честно делал трудную работу. В этом и есть его святость. Нет работы без Кефира, и Кефира не существует без трудной работы. Потом, наверное, станет иначе. Большеглазые девушки у сложных пультов — все как на картинке. Но сейчас работа груба. Вместо призывов мат, вместо лозунгов дождик, вместо регламентных трудностей просто грязь и усталость. Надо пройти через это, чтобы знать работу.

— Бог мой, Сергей,— улыбнулась она.— Под влиянием Гурина ты скоро философом станешь. Тебе не надо им быть. Ты же простой понятный супермен. О тебе можно писать в газетах.

— Нельзя. Я только приближаюсь к познанию нашей работы.

Баклаков впервые писал отчет самостоятельно и впервые попал в столь глупое положение. Партия ставилась на касситерит, но касситерита они не нашли. Это было лишь половиной беды. Рядом с планшетом партии велась разведка на золото. Не упомянуть об этом в отчете нельзя. Но единственным обоснованием разведки было решение главного инженера Чинкова. Такое в отчет не вставишь.

Он не мог посоветоваться с Монголовым, потому что Монголов уже уехал в долину Эльгая. Он мог бы посоветоваться с Копковым. Но тот сам с головой залез в собственный отчет. Сидел за анализами, шлихами, пробами. Глава «Полезные ископаемые» у него вырастала в отдельный том.

Оставался Гурин. Гурин имел опыт работы во многих местах Союза и многих фирмах. Баклаков поднялся на второй этаж, где был кабинет партии Апрятина. Гурин сидел там в отдельном закутке, выгороженном стеллажами с образцами. Микроскоп, чистый стол, стопка белоснежной бумаги «верже», авторучка «паркер». Гурин любил обста-

вить работу красиво. Сбоку, на подоконнике, у него стоял маленький сейф, который он зачем-то выманил у заведующего снабжением Стаса Дорохова. В кабинете никого не было. Апрятин писал отчет дома.

— Давай потолкуем,— сказал Баклаков.

Гурин разогнул спину от микроскопа, вынул из брючного кармана ключ, открыл сейф и достал бутылку неизменного «Наполеона». На горлышко бутылки были надеты два конических фарфоровых стаканчика для отжига проб.

— Давай, коллега. Надеюсь, ты не по личным делам? По личным делам дома или на улице. Здесь я работаю.

— Я тоже, — сказал Баклаков и отставил стопку с коньяком.

Он рассказал о своих затруднениях. Гурин долго сидел, наклонив крупную с залысинами голову.

— Так что же?

— Логика очень проста. Положение твое не печально, а радостно, ибо ты имеешь право писать нестандартный отчет. Радостные прыжки по веткам молодого дуба науки.

— А полезные ископаемые?

— Выслушай меня внимательно, сокоешник. Я буду серьезен. Ты читал когда-нибудь отчеты классиков? Мушкетова? Старика Обручева? Богдановича?

— Пожалуй, что нет.

— Чему ты учился шесть лет... Старики классики писали геологические романы. Они давали завязку — фактический материал, они давали интригу — ход собственных мыслей, они давали развязку — выводы о геологическом строении. Они писали комментарии к точке зрения противников, они писали эссе о частных вариантах своих гипотез. И, кстати, они великолепно знали русский язык. Они не ленились описать пейзаж, так чтобы ты проникся их настроением, их образом мыслей. Так делали старики.

— К чему ты это?

— К тому, что они имели в своем арсенале молоток, лупу, горный компас и... ум. Чтобы мыслить схематически, надо иметь много данных. Но данные не дошли до Территории. Планомерной карты мы не имеем. Мудрые геофизики сюда не добрались. Геохимию здесь знают лишь понаслышке. Микроскоп сведен до уровня молотка. Вы пишете отчеты, как будто обследовали известковый карьер под Москвой, а не Территорию, о которой никто ничего не знает. Здесь каждый отчет должен быть докторской диссертацией, а не ученической схемой: «введение»,

«геологический очерк», «полезные ископаемые», «заключение». У тебя тот же арсенал средств, что у Мушкетова. Но у Мушкетова был примат головы над ногами. У вас же напротив — примат ног и могучей спины над мыслительным аппаратом.

— Вернемся к баранам. Что ты предлагаешь? Как быть с полезными ископаемыми? — упрямо повторил Баклаков.

— Одного у тебя не отнять, сокоешник,— задумчиво сказал Гурин.— Ты упрям. Я предлагаю тебе написать геологический очерк долины Эльгая. Вольная игра ума. Предложения. Гипотезы. Доводы. Выводы. С личной концепцией устройства земного шара в сем районе. Тогда полезные ископаемые сами встанут на место. Постарайся понять, почему Будда рвется к золоту. Учти, что Будда шагу не сделает зря. Он единственный умный человек среди вас, суперменов.

— Не задирайся. Я смиренно к тебе пришел.

— Смиренно отвечу: если я увижу в твоих глазах священный огонь мыслительного процесса, всю твою петрографию я беру на себя. Я выжму из твоих образцов и шлихов все, что можно из них выжать...

— Обойдусь. Хотя помощь возможно...

— Будь смиренен. Я не лезу в твою концепцию. В геологическую схему и выводы, которые ты родишь. Это твоя схема и твои выводы. Я просто предлагаю быть на подхвате. Ты не успеешь все сделать один, если делать серьезно.

— Смиренно согласен.

— Для начала взбунтуй. Выбрось карту с рисовкой Монголова. Это плоская карта. Без мысли и без гипотезы. Вылезь за ваш дурацкий планшет. Если понадобится — бери всю Территорию. Запусти змия сомнения. Я хочу видеть наш техсовет проснувшимся. Когда-нибудь ты вознесешь молитву за грешника Гурина.

— Не оказаться бы в трепачах...

— Более трепливого положения, которое есть у тебя сейчас, трудно представить. Если ты не в силах дать хороший отчет, признай это открыто.

— Пожалуй, ты прав. Позволь удалиться смиренно.

— Коньяк?

— Откажусь по-пижонски. Решение надо принимать трезвым.

— Ты уже принял его, сокоешник. Смиренно рад за тебя.

На лестнице Баклаков несколько раз ударил кулаком по лестничным перилам. Может быть, не надо было заходить? Нет! Надо! К черту все самолюбия, раз речь идет о работе. И Гурин прав.

— Сергей! — окликнул его вышедший следом Гурин.

Баклаков оглянулся.

— Я проспорил дюжину шампанского нашей приятельнице. Соизволь вечером заглянуть.

— Я чертежника у топографов сманил. Часов до девяти буду на работе. Потом зайду...

...Он вышел из управления в десять часов. С бухты дул несильный, но острый, как нож, ветер. Падали мелкие снежинки. Поднимаясь из низинки, он увидел в ее окне квадратную тень головы Гурина.

Он постучал, но ему не ответили. В комнате послышалась какая-то возня. Баклаков сказал дурацким глухим голосом: «Это я». И даже дернул дверь. Дверь была заперта. По дороге он все-таки не выдержал и оглянулся — свет был погашен. Ему было стыдно, как никогда.

...Было воскресенье, и он вспомнил, глядя на нетронутую койку Гурина, что забыл оставить заявку, чтобы его пустили на работу. Теперь вахта уже не пропустит. Придется сидеть дома.

«Не смотаться ли на лыжах?» — подумал он. Но и этот вариант не годился. В темноте, по каменным этим застругам, в два счета превратишь драгоценные «ярвинен» в щепки.

Часов в двенадцать он услышал баритон Гурина, смех, потом хлопнула дверь, и стало тихо. «Схожу на бухту пешком»,— решил Баклаков.

Появился Гурин с двумя бутылками шампанского, следом за ним — Салахов. Салахов нес кружки и бутылку спирта.

— Давай оросим душу,— сказал Гурин.— Посмотрим на жизнь сквозь вино.

Было видно, что он уже крепко выпил с утра.

— Пойду компот принесу.— Салахов вышел.

— А ты знаешь, сокоешник,— усмехнулся Гурин.— Наша приятельница под платьем не такая худышка, как это можно подумать. Вовсе даже наоборот.

Баклаков увидел, что глаза у Гурина какие-то совершенно пустые. Он встал и очень сильно ударил его.

Гурин сидел на полу, обхватив голову, потом сплюнул кровь. Вошел Салахов. Мгновенно оценил обстановку, загородил Гурина, поднял его, через плечо спросил:

— За что?

— Так,— сказал Баклаков.— За дело.

— Я сегодня взрывчатку к Монголову транспортирую. Переходи в мою комнату,—сказал Салахов.

— Ничего,— сказал Баклаков.— Больше драки не будет. Обещаю.

...Новый год проскочил незаметно. Обошлось без шума, пальбы и выпивки. Над управлением висело «время отчетов».

В начале января Баклаков выбросил в мусорную корзину заготовленные наброски глав. Требовалось начать все сначала. Складывая стопкой полевые книжки, он быстро просматривал их. Раздавленный между страницами комар, срыв карандашной строчки, следы дождя на покоробленной странице, случайно попавшая травинка — запахи, мечтания, озноб, усталость, долг, мысль, лето.

Он положил перед собой карту Монголова. Гурин прав — плоская, без мечты и фантазии карта. Фиолетовое поле триаса. Предположительно палеозойский массив на востоке. На юге — зеленая в галочках полоса эффузивов Кетунгского нагорья. Красные, в крестиках, овалы гранитов. Красные линии разломов, трещин земной коры.

Он смотрел на карту, зажав уши. На плоском цветном листе бумаги существовал четырехмерный мир во взаимосвязи перемещений земных пластов, дробящих его трещин, взрывы глубинных магм, буйное сумасшествие вулканических извержений. Когда? Как? Вопроса «Почему?» не было. Этот вопрос относился лишь к золоту. О золоте после. Он должен представить себе историю. Разломы? Почему-то мысль его все время возвращалась к разломам. По ним проходят перевалы в хребтах, к ним приурочены речные долины, сбросовые обрывы хребтов. По ним проникает магма, они формируют рельеф. Зачем ему разломы? О них тоже после. Он взял чистый топографический бланк и стал, еще не зная цели, переносить на него красными линиями разломы — те, что наблюдал он сам, и те, что нанес на свою карту Монголов. Те, что отметил Дамер. Пунктиром он намечал разломы, которые просились предположительно по связи перевалов, речных долин — логике местности... Из управления он ушел последним, в первом часу ночи. Весь следующий день он ходил по бухте. Пытался обрести силу в моральной уверенности.

Вечером по дороге в управление он зашел за табаком в магазин. Он наладил отличную смесь: три плоских пачки «Трубки мира» на одну большую пачку «Капитанского».

Вахтерша пропустила его безропотно, хотя он не был ни в каких списках. Дело шло к весне. Вахтерши за зиму привыкали к их ритму работы.

В кабинете он зажег настольную лампу, взял стопу заготовленных раньше отчетов и положил перед собой обзорную карту Территории. И вдруг подумал, что нет смысла тонуть ему сейчас в море фактов. Все эти отчеты он читал по пять раз и знает приложенные к ним карты. Не лучше ли просто подумать? Разломы? Он вытащил из тумбы плитку, поставил на нее жароупорную колбу, взятую в управленческой лаборатории. Сейчас будет чай и впереди ночь. Сила пророков в их моральной уверенности. Нельзя сейчас прятаться за мелочи. Он должен дать основу. Детали будут потом.

Стены кабинета тонули в полумраке. Он нагнул отражатель настольной лампы так, чтобы свет падал лишь на середину стола. В темноте высились стеллажи с образцами. Каждый камушек перещупан собственными руками, доставлен на своем горбу. Почему молчат камушки?

У стеллажей он совершенно ясно понял, зачем ему требовались разломы. Если они формируют речные долины, то в зоне пересечения древних разломов коренное ложе долины будет иным: углубленным или смещенным в сторону или более широким. Именно в зоне пересечения разломов может прятаться россыпь в уготованной для нее ловушке. Россыпь не по всей долине, а там, где долину пересекает другой разлом. Как они не поняли это с Монголовым летом? Почему не проверили на шурфах?

Он быстро перенес на бланковую карту разломов, сделанную им накануне, все гранитные массивы. Золото есть — вездесущие «знаки». Это факт. Оно принесено гранитами. Это тоже факт. Ни в одном из гранитных массивов никто не видел рудного золота — это третий факт. Следовательно, были «специальные» золотоносные граниты, полностью разрушенные к текущему времени? Или золото содержалось в верхних частях существующих гранитных массивов? Верхние части срезаны эрозией. Или есть особый тип гранитов, пока еще неизвестный? Он принялся писать докладную записку Будде. Карта-гипотеза, отчет-гипотеза уже существовали для Баклакова. Он видел эту карту и знал текст отчета. Он писал легко. Смысл докладной записки сводился к следующему:

1. Проверить длинными шурфовочными линиями рельеф древнего ложа долины Эльгая там, где она пересекалась уже отмеченными разломами. (Он перечислил назва-

ния ручьев, координаты линий.) То же сделать для рек: Лосиной, Ватап, Китам.

2. Сделать массовый отбор проб для петрографического анализа гранитных массивов всего района. И для определения абсолютного возраста. Пробы должны быть массовыми, годными к статистической обработке. Если на этой основе не удастся выделить отдельные типы гранитов — значит, золотоносность связана с верхней разрушенной частью обычных для Территории массивов. В этом случае — ожидать месторождения золота по всем рекам Территории. Поиски золота — поиски «ловушек» в речных долинах.

Баклаков посмотрел на часы. Было три часа ночи. Он снял ботинки и в одних носках вышел в коридор. Как он и ожидал, вахтер спал. Он лежал на полу, закутавшись в длинный тулуп. «Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана», — пробормотал Баклаков дурацкую поговорку и бесшумно поднялся на второй этаж. Дверь комнаты Люды Голливуд была незаперта. Он забрал ее пишущую машинку и так же бесшумно вернулся в кабинет. Двумя пальцами он перестукивал свою докладную, на ходу шлифуя формулировки.

В коридоре уже слышались голоса — менялась вахта. Он подождал, пока разводящий и прежний вахтер ушли и, уже не таясь, отнес наверх машинку.

Он вышел на улицу, в колючий воздух Поселка. Голова гудела от названий рек, перевалов, массивов, горных вершин. Половина его существа жила там, в толщах земли, в недрах гранитных массивов, на скальных ложах речных долин.

В эту ночь он обрел главное — интуицию и уверенность. Он знал, что он прав.

На улице Баклаков столкнулся с Сергушовой.

— О-о! Куда ты пропал? Почему не заходишь? — Из-под пухового платка торчал только пудреный нос.

Баклаков промолчал.

— Ты какой-то синий. В общем, цветной весь. Пойдем, я тебе кофе сварю.

Он покорно пошел за ней.

— В отпуск хочу,— капризно сказала Сергушова.— Зима меня доконала. Я человек южный, подготовленный для итальянского климата. А тут зима, зима и, наверное, никогда не кончится.

— Ходи побольше. Сейчас тихо. Можно на бухту, в сопки. Снег, что асфальт, везде. Не застрянешь.

— Господи! До чего же ты тошный. Физическое здоровье, работа, и на этом кончился мир. Тоскливый бред.

— Я этим бредом живу,— сухо сказал Баклаков.

В комнате, куда он не заходил с того гнусного вечера, все было по-иному. Валялись вещи Гурина, его книги. Она покидала все это за ширму и уселась, закутав ноги одеялом «Сахара». Плитка тихо пощелкивала, нагреваясь.

Он сидел, не сняв полушубка, и смотрел на красную полоску спирали под чайником.

Сегодня была хорошая ночь. Ярость грядущего лета вдруг проснулась в нем. Он поднял голову. Сергушова смотрела на него в упор, не мигая. Лоб ее был наморщен. Он отвернулся в сторону, и кривая улыбка поползла по лицу. Он ладонью убрал улыбку. Он очень жалел Сергушову. Он жалел, потому что знал: она никак не может найти себя. Как женщина, человек, в конце концов, как журналист. Баклаков повернулся и подмигнул ей:

— Сегодня была хорошая ночь. Если верить Копкову, я уменьшил количество зла на земле,— сказал Баклаков.

20

Малыш, взятый Монголовым как кадр № 1 будущей разведочной экспедиции, днем и ночью мелькал по Поселку в куртке на собачьем меху, в низко обрезанных валенках и якутской шапке с длинными ушами. Он был в том приподнятом состоянии, когда человеку вдруг становится ясной судьба.

Обязанности его были разнообразны: он получал на складах снаряжение, выписанное Монголовым, он вербовал по «сучьим куткам», в магазине, во время случайной встречи на коробах рабочих. Первым в экспедицию пошел Кефир. Малыш нашел его в хибаре около скотобазы, где он второй месяц крутил пластинки Утесова и Шульженко, выбрасывая пустые бутылки в окно. Малыш встряхнул его, поговорил про минувший сезон и завтра велел трезвехонькому являться в управление. Он пришел и под начальством все того же Седого, который был так же откомандирован к Монголову, занялся получением грузов. С первой же партией груза, где в основном были гвозди, бельтинг и деревянные рейки, они выехали в долину Эльгая — ставить палатки для будущих контингентов.

В механических мастерских день и ночь трещала электросварка и шипел газовый резак — из железных бочек гото-

вились печи для палаток. Занимался этим Валька Карзубин. Среди стихии огня и металла, с чумазой рожей, торчащей из-под щитка, Валентин Карзубин был уверен и весел. «Что в башку взбредет, то и соорудим»,— приговаривал он, вгрызаясь в очередную бочку. Технология изготовления печей была несложна. Из бочки вырезалось днище, вваривалось снова на глубине одной трети, снизу прорезалась дырка для поддувала, выше — дырка для дверцы, наверху наваривался кусок обсадной буровой трубы, на который потом надевались жестяные дымовые трубы. Дальше бочка поступала к жестянщикам, которые ладили дверцы и в комплект клали колена труб, изготовленных тут же.

Монголов писал проект на разведку в выделенной ему клетушке. Отчет за минувший сезон был передан Баклакову — «и. о. нач. партии». Из-за срочности проекта у Монголова даже не было времени как следует поговорить с Баклаковым, он лишь передал ему материалы и геологическую карту предварительной рисовки.

Монголов никак не мог отделаться от посторонних ненужных мыслей. Впервые в жизни он не подчинился приказу руководства, чтобы на другой день, как мальчишка, сменить решение. Он прикрыл преступную выходку Малыша, взял на себя роль судебного органа. «Если все будут самолично разрешать преступления, что будет с порядком?» — думал Монголов. И самое плохое, он не протестовал против дела, в пользу которого для государства он не верил, и, следовательно, был обязан бороться с ним в должном порядке. Все это, он понимал, являлось следствием смутного ощущения ошибки, пришедшего летом. Монголов все более уходил в себя, худел, замыкался, и всем в управлении вдруг стало заметно, что Монголову за пятьдесят.

Прораб Салахов перевозил взрывчатку. Склады ее находились в пятнадцати километрах от Поселка, в узкой долинке, затянутой колючей проволокой. Часовые, контрольно-пропускные пункты. Тракторные сани, помеченные красным флажком опасности, медленно выползали из ворот на зимник и, обходя Поселок, двигались в далекую заснеженную долину Эльгая. Малыш, Салахов, Седой, назначенный комендантом палаточного городка на Эльгае, действовали самостоятельно, минуя Монголова. В этом была именно армейская четкость майора-артиллериста — выбрать себе помощников. Чинков беспрепятственно подписывал приказы об откомандировании к Монголову всех, кого тот просил.

Восточный разведучасток появлялся из-за поворота долины, как странный нарост на заснеженной строгой тундре. Он помещался в той самой котловине, где осенью Куценко поставил свою палатку. Сверху и снизу по течению реки котловину зажимали сгрудившиеся сопки. На вытоптанном и грязном от дыма снегу здесь стояло шесть больших каркасных палаток. Над палатками торчали печные трубы, расходились тропинки к шурфовочным линиям. Шурфы издали замечались по темным ореолам разбросанного при взрыве грунта. Отдельная тропинка вела к небольшой наледи, где брали лед для воды. Уголь в мешках, бочки с соляркой, бензином и керосином лежали прямо на снегу, возле длинной складской палатки с незапертой дверью.

...Кефир и Седой снова работали в паре. Пока один бил копьевидным ломиком бурку в глубине шурфа, второй курил или тащил от другого шурфа вороток на салазках. В этот раз была очередь Кефира. Стоя одной ногой в бадье, он спустился в шурф и принялся долбить бурку, время от времени вычерпывая грунт ложкой на длинной деревянной ручке. В проходке шурфов, кроме физической силы, требовались разум и опыт. Иначе шурф уходил вбок или расширялся, точно бутылка, или грозил обрушением. Во всяком случае, новичку приходилось вынимать грунта вдвое больше.

Лом был заправлен хорошо, Седой умел это делать. Кефир с выдохом опускал лом, останавливаясь только чтоб вытереть пот и взглянуть на темный квадрат неба в десяти метрах над ним. На этой линии были глубокие шурфы. «Это ж надо,— отвлеченно думал Кефир,— самому себя закопать на такую глыбь». Над головой его пристроенная на палке-распорке с треском горела свечка. Свечки в шурфах сгорали вдвое быстрее, чем на воздухе. «Тяга, что ли, тут действует,— думал Кефир.— Хотя какая тут тяга, откуда воздуху тянуть?» Было морозно, и пламя свечи погружалось в стаканчик из парафина. Кефир снял рукавицы и обмороженными, обожженными, потерявшими чувствительность пальцами ободрал парафин. В шурфе посветлело, стены его засверкали кристаллами льда. Кефир увидел, что бурку уводит вбок, придется крепко обдалбливать с одной стороны стенку шурфа. И бурка должна быть сорок сантиметров — ни больше ни меньше,— потому что сорок сантиметров называется «проходка», или«сороковка». Это учитывают, когда моют проходки. Наверху заскрипел снег, и кусок мерзлого грунта запрыгал по стенкам, ударил Кефира в плечо. Он выматерился вверх и тут же услышал странный стук лома. Он нагнулся и поднял гладкий окатыш величи-

ной чуть меньше куриного яйца. На боку окатыша отсвечивала блескучая полоса. Самородок! Кефир покидал его в ладони и почему-то вздохнул. Потом без перехода развеселился и заорал вверх, как в трубу.

— Се-е-дой!.. Душу твою, в ребра! Держи!

Сверху, крохотная на таком расстоянии, нависла голова Седого в лохматой шапке.

— Что базлаешь?

— Держи, дура! — Кефир, изогнувшись, запулил в небо кусок золота.

Голова исчезла. Сам Кефир отпрыгнул в сторону, прикрыл голову лопатой — бахнет такой сверху, прошибет темечко до кишок.

Самородок не бахнул. Вверху опять заскрипел снег, видимо, Седой искал. В просвете опять возникла голова, и Седой с чувством сказал:

— В веру, надежду и святость. Там еще нет?

— У тебя глаз счастливый, спускайся,— хитро сказал Кефир и опять начал долбить бурку. Наверху Седой еще раз осмотрел самородок и бросил его на кучу грунта. Меж тем Кефир кончил долбить бурку, зачистил ее края и крикнул:— Давай!

Седой сбросил ему красные пропарафиненные патроны, аммонит и опустил на проводах детонатор. Кефир заложил в бурку патроны, приспособил детонатор и принялся тщательно трамбовать грунт, чтобы взрыв был хорошим. В шурфе потеплело от его разгоряченного тела и свечки. Он снял телогрейку и стал каблуком уплотнять грунт. Потом постучал по нему торцовой стороной лома. Седой уже спускал сверху бадью. Кефир снова встал в нее одной ногой, другой зацепился за трос, наверху заскрипел вороток, и он пополз вверх, отталкиваясь от шершавых льдистых стенок шурфа...

...В тундре было тихо. Слышались только далекие голоса на соседней линии в двухстах метрах от них. Стоял серый рассвет, уже кончалась полярная ночь, и днем часа на два светлело. Из-под обмызганного кустика выскочил опалелый куропач и закеркал, закричал.

— Чтоб тебя чахотка! — выругался Кефир.— Весну предвидишь?

Кефир пошарил глазами, поднял самородок и запустил им в куропача. Он промахнулся сантиметров на пять .Куропач возмущенно крикнул и отбежал.

— Дай я,— сказал Седой и побежал к самородку.

Так они швыряли в куропача минут десять, отбежав уже

далеко от шурфа. Наконец куропач замахал крыльями, отлетел на увал и там завопил совсем возмущенно. Кефир поднял самородок, сунул его в карман, и они побежали к взрывной машинке. Кефир присоединил провод, крутнул ручку. Ухнул взрыв, и вдруг они с ужасом увидели, как в дыме, пыли и песке из шурфа вылетел человек, шмякнулся на отвал.

— Как-ой бог? Кого туда заволок? — заикаясь, спросил Кефир. Они со страхом смотрели на темный распластанный силуэт возле шурфа. Потом Кефир стал тихо трястись от смеха. Он сидел, ухватившись за взрывную машинку, белый, как снег, и все трясся, все хихикал.

— Я т-там тт-телогрей-ку з-за-б-был,— сказал он.— Это, п-понимаешь, она взлетела.

— Ну тебя к фене,— сказал Седой.— С тобой заикой станешь.

Только теперь он заметил, что Кефир был в одном свитере. Они подошли к шурфу, и Кефир сказал:

— Идея есть! Давай шабашку устроим.

Они, не сговариваясь, двинулись к палаткам. Перед палаткой Монголова Кефир отряхнул с телогрейки землю, шмыгнул носом и открыл сколоченную из реек, обтянутую брезентом дверь.

Монголов сидел за камеральным столом над картой.

— Вот, Владимир Михайлович,— смирным голосом сказал Кефир и положил самородок на карту.

— Где? — быстро спросил Монголов.

— Линия четыреста тридцать, шурф восемь, на первой проходке десятого метра.

— Ага! — сказал Монголов и снял самородок с карты. Он нашел на карте шурф, про который сказал Кефир.— Вот что,— сказал Монголов,— хоть умрите, но бить до плотика. И в скальный войти сантиметров на пятьдесят.

Кефир вышел к дожидавшемуся его Седому.

— Вот что, товарищ Кадорин,— сказал он.— Гиголов, то есть я, и Кадорин, это ты, Седой, заработают в этом месяце и в последующие по пять-шесть, при усердии семь кусков. Такой выделен фронт работ.

— Ух! — с непривычной дурашливостью сказал Седой и швырнул рукавицы на землю.— Горит душа по работе! Айда, что ли?

— Счас! — Кефир снова вернулся в тамбур, открыл дверь к Монголову и просунул длинноволосую голову.

— Еще дрогнет небо от копоти, Владимир Михайлович! — сказал он.

— Пожалуй, может и дрогнуть,— согласился Монголов.

Седой и Кефир вернулись к шурфам. Монголов вышел следом за ними. Где закономерность? Самородок с куриное яйцо — не «знаки». Такой не может появиться случайно. В глубоких шурфах. Только не самородками жива золотая промышленность. Она жива песочком и пылью. Так что рано трубить. Вынутые грунты лежали бесполезно — они требовали промывки. Песочек и пыль золота должна обнаружить промывка. Без промывки шурфовочные линии немы. Монголова уже захватывал азарт. Он искал Салахова, который где-то вверху делал разметку следующей линии.

Монголова остановил крик. Кто-то бежал к нему от палаток. Монголов узнал Гаврюкова, управленческого радиста, который налаживал им радиостанцию. Без шапки, пламенея рыжей шевелюрой, Гаврюков издали крикнул:

— «Северстрой» накрылся, товарищ Монголов!

— Что-что?

— Накрылось «Северное строительство»,— сообщил, подойдя, Гаврюков.— Только что по рации Город слушал. Организация ликвидирована как отслужившая срок эпохи. На месте организуется нормальная административная единица. Как всюду, везде.

— Ты не ошибся?

— Радист за распространение ложных слухов карается...— обиженно сказал Гаврюков.—Согласно статье...

— Так,— вздохнул Монголов.— Понятно.

Он вдруг подумал об утреннем самородке, а также о Будде. Неужели Чинков знал о предстоящей смене эпох и успел проскочить в тот последний миг, когда дверь еще не открыта, но и не захлопнута? Невероятно! Всунуть золото Территории в щель междувластия. Если есть, то останется. Если нет — пусть уйдет, как былые грехи «Северстроя». Уж не колдун ли вы, товарищ Чинков?

— Что будет-то, товарищ Монголов?

— Что именно?

— Управление наше, разведка. Вообще?

— «Северстрой» отменили, а не работу,— просто сказал Монголов.— Иди послушай еще. И рация нам нужна. Поспеши с монтажом.

...В тот вечер, не ожидая трактора, Малыш на лыжах убежал к прииску. Монголов поручил ему организовать и доставить бойлер для зимней промывки. Он сам нарисовал ему чертеж: две сваренные бочки, из которых нижняя — топка, верхняя — котел для нагревания воды. В «Северстрое» черт-те что делалось из железных бочек.

В эту ночь Монголов долго не мог заснуть. Он жил в палатке один. На улице было тихо, лишь разошедшаяся печь гудела и светилась во мраке палатки вишневым цветом. Было жарко, и Монголов лежал поверх спального мешка, закинув руки за голову. Ему не хотелось зажигать свечку, не хотелось работать. Жену и сына он давно уже отправил в подмосковный город Мытищи. Там у Монголова была дача, купленная на премию за открытие месторождения прииска «Западный». Монголов хотел, чтобы старшие классы сын учился в нормальной и строгой школе, без скидок на отдаленность. Осенью Монголову предстоял полугодовой отпуск, а после отпуска он мог уже выходить на пенсию. Но он не думал сейчас о пенсии. Сообщение о ликвидации «Северстроя» не удивило его. Этого можно было ожидать. Значительная часть жизни Монголова была связана с «Северным строительством». Он многое не одобрял в его принципах, но всегда считал себя лишь рядовым исполнителем.

Монголов сунул ноги в валенки, надел полушубок, прикрыл поддувало печки и вышел на улицу. Ночь была очень светлой. С ближней шурфовочной линии доносился стук металла и голоса — многие шурфовщики предпочитали работать по ночам. От луны долина Эльгая казалась серебряной. Холод забирался Монголову под полушубок. Он думал об удачливости и твердой воле главного инженера Чинкова. Монголов посмотрел на призрачную невесомую гряду сопок. Эти сопки... и вдруг Монголов подумал, что замыслы главного инженера должны идти гораздо дальше Эльгая. Он не завидовал способности Чинкова идти на риск. Его, Монголова, жизненные принципы были другими. Много удачливых честолюбцев на его глазах гибли и губили других. Но если Чинков мыслил масштабами Территории, не его ли монголовский долг встать под знамена Чинкова? Или, напротив, не дать зарваться. «Ты должен принять решение сейчас, до результатов зимней промывки. Это решение в принципе. К удаче каждый примкнет,— думал Монголов.— И каждый найдет основание, чтобы отвернуться от неудачника».

На шурфовочной линии хлопнул взрыв. Стихло. Раздался смех, пробурчал чей-то голос и опять смех. Долина лежала в лунном свете, и вдруг сознание Монголова раздвоилось. Он осознавал, что стоит тут, ощущал холод под полушубком, стыли ноги в непросохших валенках, ему пятьдесят четыре года, рост метр семьдесят пять, вес семьдесят, практически здоров, если не считать желудка. В то же время он чувствовал, как мимо и сквозь него мчится и течет лукавый

изменчивый поток жизни. Бытие вихрилось, заполняло долину Эльгая и миллионы других долин и материков, оно не имело цены именно вследствие ежесекундной изменчивости, текучести.. Все параграфы, правила и устои были ничтожной, слабой броней против мудрой и лукавой усмешки, висевшей над миром.

— Ты так скоро стихи начнешь сочинять. Отставить, Монголов! — сказал он себе и пошел обратно к палатке.

ВСЕСТОРОННЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТА

«Вышеупомянутое священное золото цари их тщательно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами».

Геродот. История

«...Если даже любовь к святым апостолам не может поднять христиан, то попробуйте поднять их жадностью к золоту и к серебру, имеющимся в достаточном количестве у неверных».

Византийский император Алексей Комнин. Обращение к крестоносцам

«Подготавливая Крымскую войну, Пальмерстон и другие главные организаторы ее отлично знали, что если на долю царской России в сороковых годах XIX века приходилось 40% мировой добычи золота, то уже в 1852 году империя Николая I давала лишь 8,9%, Австралия — 45,9%, Калифорния — 35,1% золота, добываемого во всем мире».

В. В. Данилевский. Русское золото

«...из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 годов».

В. И. Ленин. О значении золота теперь и после полной победы социализма. Полн. собр. соч., т. 44

«Спрос на золото в международном масштабе достиг беспрецедентного размера. Дельцы в Лондоне в один голос заявляют, что рынок окажется не в состоянии справиться с таким спросом на золото».

Газеты 1967 года

«13 марта на лондонской бирже продано 150 тонн, в Цюрихе 60 тонн, в Париже 16 тонн золота. 14 марта в Лондоне продано

200 тонн, в Цюрихе 100, в Париже 60 тонн золота. Паника нарастает. Операции на бирже временно прекращены».

«Развертывается настоящая эскалация «желтого металла».

Газеты. Март 1968 года

«В Париже цена золота достигла 46,12 доллара за унцию — это самый высокий уровень после 1968 года...»

Газеты. Январь 1972 года

«Цена за одну унцию золота подскочила в Лондоне до 70 долларов. В Париже до 70,66 доллара...»

Газеты. Август 1972 года.

«Цена на «желтый металл» достигла почти 92 доллара за унцию (при официальной стоимости — 42 доллара за унцию)».

Газеты. Март 1973 года.

«Цена золота на лондонском рынке сегодня достигла рекордного уровня — 141,75 доллара за унцию».

Газеты. Январь 1974 года.

«Цена на золото на западных рынках достигла самого высокого уровня. Сейчас она составляет 184,5 доллара за унцию».

Газеты. Ноябрь 1974 года.

ВЕСНА

21

Монголов поместил бойлер для зимней промывки шлихов у нижней шурфовочной линии. Подвезли уголь, расшуровали топку, набили льдом верхнюю бочку. Мыть шлихи назначили Кефира, имевшего старательский опыт. Он и это назначение принял со спокойствием. «Мышь меня забодай! Ни на одной работе без меня обойтись не могут».

Холмики проходок чернели вокруг гулкой дыры шурфа. Дощечки с карандашными номерами проходок торчали, как маленькие памятники. Над долиной посвистывал мерзлый ветер. С верховьев реки доносились взрывы. Удивленный

тундровый ворон неспешными галсами туда-сюда пролетал над дымящим бойлером, искал поживы.

...Промывка нижней линии ничего не дала. Шлихи оказались или пустыми, или с ничтожным содержанием пылевидного золота. Монголов дал об этом радиограмму Чинкову и приказал перетащить бойлер на следующую по порядку линию. Монголов знал, что Чинкову во что бы то ни стало нужен результат. Для результата надежнее мыть на линиях, пробитых в котловине, где осенью намыл свое золото Куценко, а Кефир с Седым нашли самородок величиной с яйцо. Но поступать так значило прыгать в поисках удачи. Гоняться за фартом Монголов не хотел и не мог. Это было бы изменой принципам жизни.

Вторая линия также оказалась пустой, и бойлер методически переместили на третью линию, где первые промывки также оказались пустыми. В разведке уже притерпелись к этой странной процессии: трактор ДТ-54, за ним на прицепе чадящее сооружение бойлера, а позади неторопливо шагает Кефир с мундштучком в зубах и видом человека, знающего, что ничто не может изменить установленный в мире порядок, а главное, незачем его изменять. Эту процессию окрестили «похоронкой», потому что пока она хоронила надежды на золото. На разведке жило тридцать пять мужиков, приехавших на Территорию не за романтикой, а за деньгами. И они зарабатывали деньги вне всякой зависимости от того, что дает промывка. Ни один из них не был материально заинтересован в золоте, никому не мерещились премии. Сделал дырку в земле — и ступай дальше. Но по общему закону всякого человеческого дела, в которое вложен труд, неудача промывки тенью легла на разведку. В одной из палаток поставили бражку. Возникла пьяная драка, которую, как всегда, молчаливо и вежливо разнял Малыш. Но, расшвыряв по койкам дерущихся, Малыш не ушел. Дыбился у входа в своей собачьей дохе и шумно сопел. Минут через десять, когда все стихло, Малыш поднял кулак и сказал: «Если еще драку замечу — больно поколочу. Того, кто бил, того, кого били, и тех, кто смотрел. Лучше живите тихо».

Малыш еще посопел и удалился. Он шел на верхнюю линию, чтобы проверить, все ли там в порядке. Дорогой Малыш обдумывал: те ли слова оп сказал. Дисциплина нужна. Прежде всего, когда невезуха. Чем больше неудач, тем сильнее должна быть дисциплина. Иначе — труха. Так лично ему сказал Монголов. К Монголову Малыш испытывал чувство нерассуждающей преданности. Его личная жизнь приобрела на разведке Эльгая твердую основу. Письма из Ас-

трахани шли регулярно. Даже вскользь задавали вопрос: не зазнался ли он, заедет ли в отпуск домой или сразу кинется по шикарным курортам? Заедет! Отпуск будет осенью. Если позволит Монголов. Заедет и вернется сюда вместе с ней. Если она захочет. Она, пожалуй, захочет. Но, конечно, надо посоветоваться с Монголовым. Как Владимир Михайлович скажет, так он и поступит. Точка. Прием.

...В одной проходке третьей линии Кефир намыл хорошее золото. Так как эту пробу ждала вся разведка, Кефир прямо в лотке понес ее на вытянутых руках за два километра к Монголову. Дорогой лоток заледенел, когда Кефир поставил его на стол, то оказалось, что и руки примерзли, лоскут кожи остался на окованном жестью борту.

— Рукавицы не мог надеть...твою душу? — спросил Монголов.

Кефир вздрогнул. Раньше Монголов никогда не матерился. Даже и представить себе было нельзя.

— Я в теплой воде хорошо отогрелся,— ответил он и, лучезарно улыбнувшись, добавил.— В теплой-то воде... ласково.

— Мой, прошу тебя, хорошо. Может быть, спирта хочешь?

— Спирт мне никак нельзя, Владимир Михайлович,— быстро ответил Кефир.— Фарт спугну. Закон старателей.

Кефир выпятился в тамбур палатки и всю обратную дорогу до бойлера что-то убедительно доказывал самому себе, размахивая забинтованной рукой.

Но это была единственная удачная проба на третьей линии. Дальше снова пошли пустые. Над разведкой, над скопищем палаток с черным снегом вокруг них, над продырявленной шурфами землей, над долиной, в верховьях которой все так же вяло хлопали взрывы, повис тягостный дух неудачи. Приближение весны мешало спать тем, кто вернулся со смены, и поэтому они лежали на нарах и вели вялые монологи: «Хорошо бы найти три ба-а-льших самородка и...» Но это были слова, лишенные смысла. Мужики, работавшие на Восточной разведке, были старыми кадрами, знавшими золото Реки или иных мест. Золото само по себе не вызывало у них никаких эмоций. Тусклый грязноватый металл, имеющий дурную лишнюю ценность. Очень опасный металл, если у тебя мозги пойдут набекрень, как у такого-то и такого-то в таком-то и таком-то году. Разговоры о золоте затихали. Иногда кто-либо выходил из палатки и просто стрелял в воздух: «Душа громкого требует. Добьем разведку, рванем в отпуск. Устроим шумный шорох под звездами, эх и устроим...»

22

В феврале кончилась полярная ночь. Над Поселком стало появляться бледное солнце, улицы изменились. Стало заметно, что пыльные зимние бури сорвали со стен побелку, обшарпали застрявшие с ноябрьских праздников лозунги. На обдутых улицах лез в глаза всякий хлам: выброшенные валенки, сапоги, консервные банки. С первородным изумлением жители смотрели на сугробы, соединявшие дома вровень с крышами, на пробитые в сугробах тоннели. Лица прохожих были болезненно белыми, как картофельные ростки. Поселок походил на старый, выдержавший штормы корабль. Но уже появились первые приметы весны. В геологическом управлении всплыло слово «весновка». Пока оно употреблялось в прошедшем времени: «Помню, прошлый год на весновке, мы...» Сам факт «весновки» возник из-за сугубого бездорожья Территории. Каждая партия забрасывалась в район по зацементированной морозами тундре, по льду рек и озер.

Второй приметой весны был слух: «Бог Огня опять костер запалил». Зимой Бог Огня работал на базе «Северторга». Каждую осень его охотно брали сюда. В новеньком белом полушубке, низко загнутых валенках, в кожаной шапке Бог Огня с плотницким ящиком ходил всю зиму из склада в склад. Ремонтировал крыши там, где в крохотные дырки протекал снег, сколачивал стеллажи для товаров, забивал приготовленные к отправке ящики, чинил загородки, вертушки и двери, врезал замки. Платили ему хорошо, и что там еще желать?

Смутная волна неясных желаний накатывала на него в феврале. Солнечный свет тревожил. Бог Огня шел на берег бухты, смотрел на белую гладь, широкие ноздри вздрагивали. Он слышал запах талого снега, запах земли и влажного льда, хотя все это было еще далеко впереди.

Бог Огня разжигал на берегу костерок и затихал на какое-то время, глядя на прыгающее слабое пламя, на то, как оседает снег под костром. Когда ветер бросал дым в лицо, Бог Огня закрывал глаза и так сидел на корточках, лишь ноздри все шевелились. Но сидеть долго на месте он не мог и шел дальше. Шлялся, точно потерянный, между домами Поселка, неловко перелезал через короба, натыкался на стены. Приткнувшись где-либо у короба, Бог Огня снова разжигал костерок. Щепки, газеты, ящичные доски как бы сами возникали у него в руках, и сам собой загорался огонь. Бог Огня снова замирал у костра. Лицо его темнело,

глаза превращались в щелки, и Бог Огня напоминал теперь дикого таежного жителя, неизвестно как очутившегося среди домов. Он вставал и лунатической походкой уходил дальше. Ноги у него подгибались, уши кожаной шапки как бы оживали и странно топорщились, полушубок горбом вздувался на спине. Бог Огня затихал ненадолго у следующего костра и опять уходил, все больше и больше превращаясь в странное, не нашего мира существо, у которого ноги, руки, шапка, валенки, полушубок, рукавицы, глаза живут отдельной и разобщенной жизнью. Где-то у очередного костра его находил Жакон есть Жакон и, отечески приговаривая, вел в КПЗ, где и запирал на ночь. Но и в КПЗ Бог Огня устраивался на корточках в темном углу и по-шамански вытягивал руки, будто грел ладони над незаметным всем прочим костром.

Утром Жакон есть Жакон выпускал Бога Огня на работу, смотрел ему в спину и что-то говорил по-татарски, жалостно покачивая головой. Через несколько дней история повторялась. Жакон никогда не ругал и не оскорблял Бога Огня. Может быть, жалел, как больного, может быть, суеверно побаивался его, а может быть, просто за многие годы совместных походов в КПЗ у них выработалась своеобразная дружба.

...В прокуренный воздух управленческих коридоров проползла тревога. «Помню, прошлый год, на весновке...» Взгляд, уставленный в угол или в окно, усмешка. Весновка была ежегодным откровением жизни, возвращением к ней после затхлого воздуха коридоров и комнат. Солнце, сверкающий снег, крики обезумевших куропаток, сиплое тявканье песца. Мир заполнен выше краев. Белая мгла над тундрой, освещенная изнутри велепием неизвестных сил. Вот что такое, братцы, весновка. Мотаешь неизвестно куда и зачем с ружьем, и в тебе не перегорает желание быть в одно и то же время всюду: на закинутых в небо хребтах Азии, в тундре с темными проталинами по берегам мерзлых рек, в тех самых залах, где ходят чудесные, как птицы в тропиках, женщины или, лучше всего, у себя в деревне на лугу, залепленном, как ситец, цветами. Все это и есть весновка. Придешь в себя, база где-то сзади в десяти километрах, еще эту базу надо найти — туман, размытые тени, усталость, и вдруг, верь не верь, трубный гусиный крик, тревожный, как долг, и ясный, как жизненная задача. Весновка!

Но до этого проза жизни: проект, защита отчета. Одним словом, когда-то еще прилетят пуночки. На доске прика-

зов висели распоряжения Чинкова. График сдачи отчетов. График сдачи проектов. График выезда в тундру. Раньше выезжали без графиков, все было тихо и мирно. Все было путем, посмотрим, как оно будет с графиками.

23

Чинков предвидел, что начальником центрального геологического управления бывшего «Северстроя» назначат Робыкина. Но все же, узнав, помрачнел и долго сидел у себя в кабинете, уставившись взглядом в стол.

Конец «Северстроя» означил конец эпохи в истории Реки, Территории. В этой эпохе тесно сплелись жесткие законы освоения новых земель, государственная потребность в золоте и специфический образ жизни замкнутой организации, именуемой «комбинат особого типа». После «Северстроя» остались десятки заброшенных в тайгу приисков, сотни километров автомобильных трасс, проложенных по следам легендарных маршрутов первооткрывателей золота. Остался Город, выстроенный на месте груды сваленных на морском берегу грузов. И еще остался след «Северстроя» в судьбах и душах сотен тысяч людей.

Правительственный указ о его ликвидации странным, может быть, даже символическим образом совпал со свойственным Городу климатическим феноменом, из-за которого он считался самым опасным для сердечников и гипертоников местом в стране. В конце зимы или в разгар лета в Городе вдруг начинала беситься погода: ветер сменялся снегом, снег — дождем, дождь — ветром противоположного направления и солнцем. Ртутный столбик барометра прыгал по шкале, точно регистрировал землетрясение. Машины «скорой помощи» носились по Городу как завывающие вестники грядущих служебных перемещений, уходов на пенсию и смертей. (Ритм и обычаи «Северстроя» быстро изнашивали сердца.) Существовала строгая, хотя и никак не связанная с медициной и очередностью телефонного звонка иерархия вызовов: чей считается первым, чей — вторым, кто может и подождать в демократической общей очереди.

Именно такая сумасшедшая погода выпала на второй день после опубликования указа. Телефон в «Скорой помощи» звонил беспрерывно. Но иерархия и регламент были уже нарушены — неизвестно, кто звонит, бывший или, наоборот, будущий. Торжествовали порядок и медицина. Эту

ночь в устной хронике Города так позднее и окрестили «ночь инфарктов».

«Ночь инфарктов» миновала Робыкина, более того, вознесла. «Дело не в том, что я когда-то перебежал Коте дорогу,— думал Чинков.— Сила, слабость и опасность Коти в традиции. Он целиком за Реку. Не верю я, что у Робыкина хватит ума подняться выше привычного».

Чинков вполне допускал, что в борьбе с ним Робыкин будет использовать все связи, любые средства. Чинков и сам действовал так. Но он считал необходимым в любую интригу вкладывать изящество и красоту. «Котя играет в «очко»или в покер. Я играю по шахматным правилам»,— думал Чинков.

Назначение Робыкина начальником центрального геологического управления озадачило не только Чинкова. Робыкин не совершал прославленных маршрутов или открытий, не имел странностей, не славился беспощадным азартом в работе. «Северстрой» же был избалован яркими личностями на руководящих постах. Все они прославились либо причудами, либо разного рода страстями, проявлению которых способствовали крупные северстроевские оклады и почти бесконтрольное положение. Но из всех приличных и неприличных свойств их натур всегда выделялись ум, сила воли, страсть и удача в работе. Сложившийся за двадцать лет ореол исключительности, которым обладал каждый начальник геологической службы «Северного строительства», был автоматически перенесен на Робыкина. Его сразу окружили люди, которые занимали различные мелкие должности в управлении, но главной должностью которых была близость к начальнику управления. И так как Робыкин все-таки никаких явных черт исключительности не имел, то молва решила, что Робыкин чрезвычайно хитер. Что он обладает невероятным даром интриги, что прежнего начальника управления и всех возможных кандидатов на этот пост он переиграл в несколько ходов, что... Надо отдать должное Робыкину — никакими чрезвычайными интригами он не занимался, и его назначение на пост было, может быть, просто следствием его заурядности. Все предшественники, наряду с яркими достоинствами, обладали и яркими недостатками.

Всякий руководитель провинциальной службы «Северного строительства» имел в Городе свою агентуру. Чтобы узнавать заранее проекты, решения и изменения. Агенту-

рой Чинкова была Лидия Макаровна, у которой все секретарши, машинистки, стенографистки являлись подругами давних лет. Они сообщали ей новости посредством несложного кода в радиоразговоре, телеграмме или письме. Если из центрального управления приходила бумага, Лидия Макаровна просто клала ее на стол Чинкову. Если бумаге еще предстояло прийти, она сообщала об этом устно. Такова была их игра.

Так и сейчас Лидия Макаровна вошла, встала у порога и, самозабвенно дымя папиросой, сказала: «Телеграмма с вызовом в Город. Подпись Робыкина. Вопрос об ассигнованиях, в том числе и о тех, что получены целевым назначением в обход Города». Она еще раз пыхнула папироской, хотя знала, что Чинков, как и Робыкин, табачного дыма не терпит. Табачный дым также входил в игру. Лидия Макаровна знала, что Чинков, могучий Будда, боится попросить ее не курить. Боится и все.

Чинков пошел на рацию. Гаврюков долго вызывал базу Монголова, мешали разряды. Умформер рации тревожно гудел, прерывался и снова гудел. Чинков стоял рядом со стулом радиста, опустив руки по швам, и, сжав губы, смотрел в пол. Наконец Гаврюков оживился и, не снимая наушников, повернулся к Чинкову.

— Запросите результаты промывки,— глухо сказал Чинков.

Веснушчатая с рыжими волосами рука Гаврюкова выбила запрос, через минуту послышался короткий, как выстрел, писк ответа.

— Ничего нет. Все пусто,— сказал Гаврюков.

— Передайте. Приказываю немедленно перенести промывку в котловину. Немедленно. Приказываю. Чинков.— Чинков назвал номер линии. Именно тот, который указывал в докладной записке Сергей Баклаков.

База Монголова озадаченно замолчала. Гаврюков скосил глаз на Чинкова. Тот коротко кивнул. Гаврюков поспешно выбил «це эль» — работу закончил» и снял наушники.

Чинков покачался с пятки на носок, как ванька-встанька, и вдруг громко спросил:

— Скажите, как часто бывает непрохождение при связи с Монголовым?

— Случается,— пожал плечами Гаврюков.

— Сегодня была отвратительная слышимость, не правда ли? — тихо произнес Чинков и утвердил печально: — Разумеется, на редкость отвратительная слышимость. Жаль!

Чинков неторопливо вышел с рации и пошел по коридору усталой походкой задавленного заботами человека.

Гаврюков нагнал его.

— Согласно положению, я обязан записать разговор в журнал.

— Вы, кажется, флотский? — спросил Чинков, в упор глядя на Гаврюкова. Он опять уже изменился: был насмешлив и весел.

— Так точно! — сказал Гаврюков.

— Насколько мне известно, все флотские отличаются остроумием и сообразительностью.

— Так точно! — весело и громко подтвердил Гаврюков.

— Ну вот...— Чинков улыбнулся поощрительно и пошел дальше по длинному коридору, оставив Гаврюкова с растянутой до ушей ответной улыбкой.

В середине дня состоялось заседание райкома. Идея этого заседания была подана членом райкома Чинковым неделю тому назад. Заседание посвящалось перспективам оленеводства, и доклад делал опять же Чинков.

— До сих пор,— сказал он,— оленеводство Территории было как бы внутри себя и не имело товарного выхода, кроме снабжения олениной Поселка. Сейчас, когда в глубинах Территории организуются крупные разведочные экспедиции с сотнями людей, снабжение их мясом, оленьими шкурами, меховой одеждой должны взять на себя колхозы. Колхозы должны дать оленьи и собачьи упряжки, если это потребуется. Прежде всего, это выгодно самим колхозам, которые наконец-то найдут сбыт для лишнего стада оленей, сбыт для шкур, меховых изделий. Это выгодно и геологическому управлению. Задача в том, чтобы соответственно скорректировать планы колхозов, маршруты стад, предназначенных для забоя, количество свободной рабочей силы в колхозах и планы геологов.

Дельность доклада не могла вызвать возражений. Даже странно вдруг стало, что столь очевидный вопрос ни разу не обсуждался. Но Чинков, попросив еще раз слова, сказал:

— Нам будет очень необходима поддержка области, и поэтому, в виде исключения, я прошу сегодня же дать информацию в областную и окружную печать. Я уверен в благожелательной поддержке нашего начинания. Но напомнить о себе иногда не вредно.

Выходя из райкома, Чинков встретил Сергушову, которая уже шла по вызову. Знакомы они не были. Но оказалось, что Чинков отлично помнит вечер полевиков. С вла-

стной непринужденностью он взял журналистку под руку и стал водить перед зданием райкома туда-сюда. Ударился в экскурс об особенностях животного мира.

— Вид кота, который «ходит сам по себе», открыл, как вам, несомненно, известно, Киплинг,— лукаво улыбаясь, излагал Чинков.— Но биологический вид оленя, который ходит сам по себе и для себя, верьте не верьте, открыл я. Честь открытия я не уступлю. Чтобы олень ходил полезно, необходимо что? Чтобы мы, геологи, не дремали. В геологии — и только в ней — ключ к освоению Территории. Вы это запомнили? Ключ к сельскому хозяйству Территории лежит в наших открытиях.

Чинков, все так же улыбаясь, простился и пошел прочь беспечной и грузной походкой ловеласа на пенсии. Сергушова долго смотрела ему вслед. Было ощущение, что перед ней разыграли с неизвестной целью мистификацию. Но вызов в райком? «Дура! — решила она. — Кто здесь способен на розыгрыш!» Чинков неожиданно оглянулся и так стоял — темная тумба на светлом фоне. Сергушова быстро вошла в райком, чтобы убедиться: никакого розыгрыша не было и быть не могло.

24

Очередное совещание главных инженеров Робыкин созвал потому, что от Города требовали увеличения добычи золота. Это увеличение не являлось временным требованием, а, напротив, должно было возрастать из года в год. В мире, как сказал на вечере полевиков Чинков, предвиделись валютные и торговые войны. Вопрос об угасании месторождений Реки как бы автоматически отпадал в точном соответствии с тезисом Чинкова: «если месторождение требуется, оно должно быть обнаружено». Но все-таки Река была изученным районом и требовала очень крупные ассигнования на поиски замаскированных в глубинах земли россыпей. Робыкин хотел знать: сколько потребуется денег в новых условиях? Куда они будут вложены? Через какой срок можно обещать результат? Кроме того, он хотел окончательно проучить Чинкова, выбить «эти местнические настроения». Неожиданно появившиеся в областной печати статьи, где упоминался Чинков, где геологическое управление Поселка как бы выдвигалось в передовые ряды и, конечно, выдвигался Чинков, «государственно мыслящий человек», озадачили Робыкина. Это шло вразрез с тем, что

наметил он. Робыкин даже позвонил областному руководству, чтобы выяснить ситуацию. Но того, кто был нужен, на месте не оказалось. Чинкову везло, как всегда.

...Для Чинкова же все повторялось. Снова ожидание в гостинице, пока кого-то переселяли из его номера, снова взгляд в окно на сопки, теперь заваленные снегом, тот же асфальтовый пятачок, только такси стояли свободными — старатель затаился до осени, и снова прогулка по Городу с черной папкой под мышкой. Но сейчас Чинков шел на несколько ходов впереди, в этом была прелесть и опасность его положения.

Робыкин начал сразу:

— Предыстория вопроса всем хорошо известна, и я не буду ее повторять. Задача нашего совещания — решить, как нам разместить средства, которые мы требуем у правительства. Это немалые средства, но в них включены те деньги, которые товарищ Чинков за нашей спиной ухитрился получить в Министерстве геологии, используя недопустимые методы и личные связи. Таким образом, товарищи, пока мы, не жалея сил, готовили обоснованные прогнозы добычи золота, Чинков уже тратил предназначенные для этого деньги. Товарищи! Заметили ли вы странную аналогию? Чинков действует точь-в-точь как капиталистический аферист. Он выпускает акции несуществующих золотых россыпей. Все вы знаете, что золото Территории искали с начала века. Искали и не нашли. Но Чинков, обманом добыв деньги, и дальше действует по рецептам буржуазной рекламы. Он наводняет печать статьями, прославляющими предприятие и его самого. Даже в условиях капитализма его ждало бы банкротство и суд. В наших условиях Чинкову прежде всего придется ответить по партийной и служебной линии. Придется ответить и областной печати.

Взгляды корифеев золотой промышленности обратились к Чинкову. В них смешивалось вполне понятное возмущение выскочкой, нарушившим правила игры, и азартный интерес к тому, как выкрутится Чинков, кто выиграет раунд?

— Позвольте... я не буду говорить с места,—сказал Чинков. Он вышел вперед, стал рядом с креслом Робыкина и в упор встретил взгляды корифеев. Чинков был серьезен и даже задумчив. Он знал, что корифеям понравится лобовая атака, они уважали смелость.— В отношении областной печати это недостойный укол, товарищ Робыкин.— Чинков говорил громко и медленно.— Статьи появились по инициативе партийных органов, и за разъяснениями прошу обращаться к ним. Тем более что вопрос идет не об инженере

Чинкове, а о комплексном развитии Территории. Деньги, полученные мною в Москве, выделены министерством, которому мы сейчас подчиняемся. Так как именно оно выделяет ассигнования, то оно вправе решать, куда средства должны быть вложены. Принцип централизованного руководства никто не отменял. Деньги вложены в разведку долины реки Эльгай. Уже сейчас можно говорить, что там открыта россыпь. Наше совещание не только решает, куда вложить деньги, но и чем их оправдать. Можно сказать, что мы уже имеем первый актив — россыпь реки Эльгай. Конечно, о конкретных запасах пока говорить рано. Намеченную перспективу геологических работ на Территории полностью поддерживает министерство.

— Кое-кто в министерстве,— громко вмешался Робыкин.— Но далеко не все. Далеко не все!

— Эти «кое-кто» — министр и его заместитель,— глядя на Робыкина, сказал Чинков.— Тактичнее будет сказать, что «кое-кто» нас не поддерживает, товарищ Робыкин. В отношении капитализма, рекламы и прочего — вам лучше знать.

Краем глаза Чинков видел, как лица корифеев расплылись в улыбках: «Ну и нахал». В секретных архивах «Северстроя» фигурировал факт: какой-то двоюродный брат Робыкина имел в Англии ткацкую фабрику.

В это время на столе Робыкина зазвонил телефон. По тому как Робыкин взял трубку, все поняли, что это звонит Главный. Чинков постоял мгновение, пожал плечами и неторопливо пошел на свое место.

— Да, совещание,— говорил в трубку Робыкин.— Только что начали. Прилетел. Только что заслушали выступление. О перспективах говорить рановато. Я вам все доложу.

Трубка еще рокотала, но, по тому как Робыкин взглянул на Чинкова, все поняли, что Главный говорил о нем. Лица корифеев, повернутые к Чинкову, светились насмешливыми улыбками. Что бы там ни было, но они уважали силу и ум, они уважали удачу. И Чинков, прищурив глаза, ответил им дерзкой усмешкой: «Вот так-то, ребята, не вы одни мудрецы». Он выиграл.

Робыкин, окончив разговор, оказался в этой атмосфере безмолвного диалога. Кем-кем, но дураком Робыкин никогда не был и потому, улыбнувшись, сказал:

— Мы отвлеклись. Перейдем к конкретным вопросам. Вопрос направления работ на Территории—частный вопрос. Мы вернемся к нему позднее, когда будет известен результат.

«Это означает: ты только споткнись, мы поможем, — думал Чинков.— Принцип дзюдо: падающего толкни, нападающего тяни».

25

В начале марта прибыл первый самолет с вербованными. С этого дня тонкая струйка новых для Поселка и Территории людей уже не иссякала до поздней весны.

Они сходили по самолетному трапу или просто прыгали в кузов аэрофлотского грузовика, подкатившего к борту, обалдевшие от полета, от перемены образа жизни, от вида диких краев, над которыми они пролетали. Перед глазами их была одинокая изба аэропорта, тонкие мачты радиостанции, два-три оранжевых самолета Полярной авиации, ровная белая гладь и где-то в безвоздушной недосягаемости черно-белые горы, синие тени ложбин. Простор, пустота, холод. Они сходили в телогрейках, драповых пальто, легкомысленных куртках, полушубках, валенках, ботинках, кирзовых сапогах. Один, ослепительно рыжий, был в несерьезном пальтеце и в лаковых туфлях, в каких выходят на сцену конферансье. Их всех одинаково охватывал едкий ветер с ледовой равнины губы, и у всех одинаково в этот миг поселялись в душе бесприютность и страх.

Всех их ждал крытый фанерный фургон без лавочек. Дорогой до костного мозга пробирал холод, морозные слезы катились из глаз, и щеки будущих кадров синели. От аэропорта до Поселка было восемнадцать мучительных километров. Фургон качался, дрожал, прыгал через заструги. Сквозь щели они видели черные сопки, фиолетовую мглу мороза. Они попадали в «барак-на-косе» с его огнедышащей печью, и после всех передряг барак этот казался уютным, как отчий дом.

Утром они подходили к столу Богоды, а вечером или еще через сутки тракторные сани везли их на разведку Монголова. Они лежали в кукулях и смотрели, как исчезает за перевалом Поселок. Впереди вырисовывалась все та же морозная мгла, белое пространство и неизвестность. Ветер все так же обжигал лица и души. В вербованных телах начинался в это время неизвестный науке процесс: слабость и страх выкипали, пережигались и возникали хоть туманные, но твердые горизонты. Территория обретала новые кадры.

В кабине трактора неизменно сидел Малыш в собачьей дохе. Время от времени он останавливал трактор, копной сваливался на снег и шел к саням.

— Кто што отморозил? — вопрошал он.

— Терпим, — слышалось из саней.

Монголовская разведка втягивала в себя все больше людей. С обратным рейсом все чаще возвращались старые кадры, тундровые аборигены. О них не надо было беспокоиться. Сами все знали. Кадры лежали в санях, курили и вялыми голосами вспоминали развеселую осеннюю жизнь, оборванную вмешательством Малыша. Они знали, что сейчас веселую жизнь не удастся продолжить, начальник партии найдет применение на круглые сутки. И каждый гадал, сколько же у него будет к осени на книжке, если работа не дает времени тратить деньги.

Копковские мужики дважды приезжали в аэропорт на том же фанерном фургоне. Они стояли у трапа и вглядывались в возникавшую из недр самолета расхристанную толпу. По неизвестным признакам они изымали из толпы двух-трех человек, и те сразу попадали под крыло опеки. В отделе перевозок их переодевали в ватные костюмы и валенки, ехали они на отдельной машине, ночевали не в бараке, а у кого-нибудь на квартире. Утром, прежде чем появиться у стола Богоды, они представали перед Копковым.

— Какого черта жить не даете? — ворчал Копков. — Вам же с ними палатку делить. Вот и решайте сами.

Но все же пристально вглядывался в свежего человека и после оценки протягивал руку:

— Копков. Можно: Семен Григорьевич.

Лишь один раз вышла осечка с рыжим человеком в лакированных туфлях. Увидев отобранных, он сам отделился от толпы, заговорил растерявшихся мужиков Копкова, с ними переоделся, с ними переночевал и утром появился перед Копковым. У рыжего человека были затерянные в складках-морщинах глаза, точно у старого, отжившего свой век слона. Он глянул на Копкова и сразу сказал: «Не-ет! Ошибка! Я с ним работать не буду. Он же чокнутый на работе». У отдела кадров он растолкал очередь, вошел и сел перед Богодой. Оглядел кабинет, дружески улыбнулся Богоде и спросил фамильярно:

— А ничего у тебя работенка! Всегда под крышей и полярные надбавки идут...

— Ты кто такой? — ошалев от такого нахальства, спросил Богода.

— Всемирный администратор,— скромно ответил рыжий

— Т-ты почему такой нахал?— закипая, спросил Богода.

— Я не нахал от природы. Но если я не буду им, то я не буду тем, кем я должен быть,— резонно ответил рыжий.

— Кем же ты должен быть? Могда с тгяпок!— уже отмякая, спросил Богода. Как всякий северстроевец, он любил лихих людей.

— Я должен быть при администрации. Пять дней на выяснение обстановки. После этого я могу все.

— Что все? Что именно, могда с тгяпок?

— Продать, купить, привезти, увезти, сменять, украсть, добыть, отдать, уговарить, обмануть. Вообще все!

— Иди к Дорохову,— сказал Богода.— Пусть ищет тебе применение.

— Найдет! — уверенно сказал рыжий, а выйдя, скомандовал: — А ну-ка в строгую очередь! Работа не пиво, всем хватит.

Чинков записал на узком листочке бумаги: «Великий математик Гаусс сказал однажды: «Мои результаты я имею давно, я только не знаю, как я к ним приду». Очевидно, что блестящие результаты Гаусса были следствием его способности интуитивно предвидеть результаты исследований.

Французский математик Пуанкаре в работе «Ценность науки» писал так: «Логика и интуиция играют каждая свою необходимую роль. Логика, которая одна может дать достоверность, есть орудие доказательства; интуиция есть орудие открытия».

Я непосредственно верю в золото Территории и знаю, что оно есть. Но я сделал стратегическую ошибку, поставив все на первый год поисков. Был необходим более глубокий план, рассчитанный на двух- или трехлетние неудачи. Тот же Пуанкаре писал однажды: «Все мои усилия сначала послужили лишь к тому, что я стал лучше понимать трудности задачи...» Теперь я вижу «трудность задачи» — и необходимо спешить».

Чинков защелкнул свою черную папку на облезлую кнопочку и вышел в приемную. У Лидии Макаровны был опять приступ. Курила и смотрела на стенку перед собой. Машинка зачехлена, бумаги убраны, на столе ничего, кроме пепельницы.

— Весной вы собираетесь в отпуск? — спросил Чинков.

— Да. Списалась с подругой. Решили ехать в Бакуриани, две старые тощие дуры. Горы там. Водичка шумит. Белки по соснам скачут.

— Я попросил бы вас задержаться. Вы будете мне нужны в это лето.

— С этого бы и начинали.— Лидия Макаровна тряхнула стриженой, с проседью, головой и тяжко, с никотиновым запалом вздохнула.

— Но если вы очень устали...

— Стареете вы, Илья Николаевич,— резко сказала Лидия Макаровна.

— Старею?

— Характер мягчает. Лет пять назад вы бы нажали кнопочку и между делом сказали: «В это лето никаких отпусков. Можете идти».— Лидия Макаровна очень похоже изобразила глухую интонацию Будды.

— Возможно. Старость подразумевает мягкость характера.

— Чего доброго, приблизитесь к своей кличке,— усмехнулась Лидия Макаровна.— Будете добрый и всепрощающий.

— Исключено,— обиженно сказал Чинков.— Глупая и невежественная кличка, не знаю, кто ее дал. Я, знаете, специально почитал жизнеописание Гаутамы, прозванного позднее Буддой. Мы с ним антиподы. Он был человеком высоких нравственных правил, а я, знаете, грешен. Нет заповеди, которую бы я не нарушил. Он проповедовал созерцание и невмешательство в суетные дела мира, а я вмешиваюсь и суетлив. Он был святым, а меня сочтет ли кто хоть за элементарного праведника?

— Не переживайте, Илья Николаевич. Никто и в мыслях не держит, что вы похожи на праведника. Не пригласить ли к нам Баклакова?

— Зачем?

— Докладная его уже месяц у вас. Он как встретит меня — в потолок смотрит. Чтобы независимость показать.

— Пригласите. Пожалуй, пора,— согласился Чинков и вернулся в свой кабинет.

26

Когда Лидия Макаровна заглянула в кабинет Баклакова и кивком головы показала вверх, что означало «к Чинкову», Баклаков вдруг испугался предстоящего разговора.

— Сейчас,— сказал он.— Через минуту буду.

Ладони вспотели. «Не трясись,— сказал себе Баклаков,— если напорол ерунды, так поправят. На то ты и молодой инженер, клизма без механизма».

Он поднимался по лестнице медленно и еще постоял в клетушке Лидии Макаровны, размышляя, спросить или не

спросить, зачем вызывают. Лидия Макаровна с ужасной скоростью стучала на машинке, пускала клубы дыма и демонстративно не обращала на Баклакова внимания. Баклаков, как во сне, подумал о том, что когда-то Лидия Макаровна была очень красива. Это чувствовалось. Была красивая комсомолка Лида, туманным утром сошедшая с парохода в бухте, залепленной диким скопищем бараков, палаток, землянок на месте предстоящих архитектурных излишеств. Строгий отбор Ленинградского горкома направил ее в места, о которых ходила лихая слава. Была романтическая, известная на весь «Северстрой» любовь с одним из первооткрывателей золотоносных россыпей Реки. Но нет уже первооткрывателя, сорвавшего в длинных маршрутах сердце. Был муж, диктатор золотого прииска. Но нет уже мужа, сгоревшего от допинга — чифира пополам со спиртом, в бессонные годы, когда золото требовала война, и служебное порицание, если требовалось, было одним: высшая мера. Но страшнее и выше высшей меры был долг, ибо золото требовала война. И нет уже сына, морского летчика, сбитого где-то над Баренцевым. Есть Лидия Макаровна, ангел-хранитель молодых инженеров, страх и совесть местного комитета, верный адепт Будды, может быть, единственный человек, которому Будда полностью и безоговорочно доверяет. Есть усталая, ироничная женщина, всегда в измятом полувоенном жакете и всегда с папиросой «Беломорканал» в полуопущенном углу рта.

...Чинков сидел как положено: руки на подлокотниках тронного кресла, взгляд сумрачно уставлен в зеленое сукно стола. Баклаков поздоровался. Чинков молчал. Сергей сел на один из стульев, шеренгой стоявших у стены. Было очень тихо, и Баклаков отметил тяжкое, как у астматика, дыхание Будды.

— Вы курите, Сергей Александрович? — неожиданно спросил Чинков.

Вопрос был настолько неожиданным, что Баклаков вздрогнул.

— Летом. Курю махорку. В маршрутах.

— А курили?

— Я мастер спорта по лыжам. Было нельзя.

— И не курите,— сурово произнес Чинков.— Яд! Гадость!

— Я мало курю. Только летом.

— Я, знаете, Баклаков, ужасно много курил. У меня в кабинете стояла роза. Простая роза в горшочке. И иногда в этот горшок попадали окурки. И вот представьте — роза

засохла. От окурков. Когда я обнаружил это, я в тот же день бросил курить.

— Курить вредно,— согласился Баклаков.

Чинков снова уставился в поверхность стола. Было слышно, как к управлению подкатил грузовик. Хлопнул откинутый борт. Кто-то вполголоса матернулся, и в ответ послышалась яростная ругань шофера. Чинков нажал кнопку. Вошла Лидия Макаровна.

— Скажите там, за окном...— пробормотал Чинков. Лидия Макаровна вышла, и тотчас шум за окном как будто обрезало.

— Я прочел вашу докладную записку,— тихо и тонко сказал Чинков.

— Ага,— на всякий случай согласился Баклаков. Ему было очень неуютно. Мешали руки, ноги, и сам он был лишним.

— В ваших соображениях есть безусловный смысл. Но не настолько большой, как вам показалось. Статистика требует масштабного опыта. У нас нет для этого ни кадров, ни средств. Кроме того, статистика затемняет внутреннюю сущность предмета исследований. В наших условиях лучше по старинке полагаться на собственную интуицию, умение мыслить и обобщать. Вы согласны?

— Статистика не затемняет, а выявляет внутренние закономерности,— возразил Баклаков. Он как бы подлаживался под доверительный тон Будды.— Это обобщение опыта, который...

— Интуиция есть лучшее обобщение опыта. Я предлагаю вам, Баклаков, продумать маршрут и организацию рекогносцировочной партии. Условно назовем ее Кольцевой. Маршрут этой партии должен пройти по пределам земель управления. Задача партии — собрать данные по кольцу, внутри которого будут работать другие партии. Цель ее — увязать в единую систему все съемочные разрозненные планшеты. Ожидаемый результат — отчет, в котором будет дан прогноз золотоносности Территории на основании всех предыдущих работ. Начальником партии во время полевого сезона предлагаю быть вам. Соавтором отчета буду я. В качестве промывальщика я дам вам Куценко. Съемщиком советую взять Гурина. У Гурина светлая голова, если я, конечно, не ошибаюсь. Вопросы?

— У меня с Гуриным нет контакта. По личным причинам.

— Личные причины меня, Баклаков, не интересуют.

— Пусть начальником партии будет Гурин. Он старше

меня по возрасту, опыту. Несомненно, он очень хороший геолог.

— Людям типа Гурина я не верю. Они не относятся к постоянному контингенту. Начальником партии будете вы, Баклаков. Еще вопросы?

— В докладной записке я писал о разломах. О возможном типе ловушек для россыпей...

— Нельзя сказать, что вы фундаментально знаете теорию россыпных месторождений. Случай, предложенный вами, известен. Но вы угадали. В долине Эльгая должен быть именно этот тип ловушки. Как видите, можно вполне обойтись без статистики.— Чинков, не поднимая глаз, скупо улыбнулся, фыркнул носом.— Я, кстати, думаю, что вы угадали для всей Территории.

Баклаков промолчал.

— Я предлагаю вам самую сложную и важную партию в управлении. Через неделю мне нужен проект. Запомните, Баклаков, три позиции. Первое: какой бы сложности и длительности маршрут вы ни наметили, он все-таки дает мало данных. Второе: если партия не выполнит задания, отвечать будете только вы. Третье: вы получили задание с двойным дном. Я хочу, чтобы вы сами догадались об этом.

...Баклаков вышел в пустой управленческий коридор. Внизу стоял Копков в цигейковой безрукавке и явно его ожидал.

Баклаков быстро спустился, и они прошли в его кабинет.

— Наш идол предложил мне кольцевую рекогносцировочную партию,— сказал Баклаков.— Всеобщий, единый и окончательный маршрут.

— И в человецех благоволение,— загадочно пробурчал Копков.— Что там потому что? Лучше не может быть, потому что иначе не годится.

— Ты о чем?

— У меня тоже разговор состоялся. Он предложил мне составить на разведку киновари двухлетний проект. Но первый год заниматься съемкой, то есть все тем же золотом. На второй год обещал двойные деньги и рабочих. Киноварь-де моя еще не созрела, за отсутствием объективной потребности ее обнаружить. Я ведь и правда случайно об эту сопку запнулся.

— Почему не тебе дали рекогносцировку? Это твоя работа, любой скажет.

Копков наклонил голову и с крестьянской хитростью глянул на Баклакова:

— Тоже разговор... состоялся. Это я тебя предложил. Стар я для такого маршрута. Кроме того, я открыл киноварь, а ты ничего еще не открыл.

— Ты у нас Менделеев.

— Я Семен Копков. А посему: планы Будды — одно, мои планы — другое. Деньги все-таки выданы на разведку. Никто меня не осудит. Понимаешь, есть желание оставить след. Карта, съемка — это не то. Придет другой съёмщик и все перекроит. Твое место в графе «история». Месторождение — прочная штучка. Может, оно и вправду сейчас ни к чему. Но ведь время придет. Моих работяг, кстати, интересует: что мы такое открыли. Обязан пойти навстречу.

— А золото?

— Я пишу дополнительный отчет по острову Ай. Сам предложил Будде.

— Зачем?

— Я всегда считал, что остров Ай — это отложения древнего устья Реки. Тогда эта идея была без надобности. Сейчас — нужна.

— Ух ты! Смыкаемся, значит, с мировой геологией? В люди выходим?

— Мы всегда были в людях.— Семен Копков застегнул наглухо ворот ковбойки, подошел к стеллажам с образцами.

— Тебе, Серега, нужны точные кадры для такого маршрута. Без кадров ты голый нуль. Как нарисуешь свой вариант маршрута, зайди ко мне.

Копков потрогал один образец, другой и, сгорбившись, быстро вышел. «Я и сам все чудесно знаю про кадры,— думал Баклаков, оставшись один.— Куценко? Допустим, он. За шлихи я уже спокоен. Но будет ли мне подчиняться адъютант самого Будды? Адъютанты самолюбивы, так утверждает Монголов. Гурин? Головы у него не отнять. А личные взаимоотношения? С Гуриным никогда и ничто неясно. Предстоит мужской разговор. Седой? Этот без вопросов. Сил у него не очень много, пожалуй, но самолюбия через край. Седого надо затребовать от Монголова. Личности есть, но нет коллектива. А для коллектива надо взять газорезчика Вальку Карзубина. Водку по утрам не пьет, жизнь понимает. В тундре первый раз, значит, все его будут учить. Друг к другу меньше придираться будут».

Баклаков взял обзорную карту Территории и заштриховал обследованные участки. Заштриховал Лосиную — вотчину Жоры Апрятина, обвел контуром район Кетунгского нагорья, где побывал Копков.

Два варианта маршрута со всей очевидностью лежали

на карте. Первый, как бы подсказанный Чинковым,— по пределам земель управления. Выполнить его в течение сезона одной партии невозможно.

Второй маршрут был очевиден. Получался вытянутый косой овал, какая-то однобокая груша. За пределами груши лежали маршруты Копкова, и совсем на востоке звездочкой торчало месторождение «Огненное». Если бы Копков взялся сделать несколько радиальных маршрутов по Кетунгскому нагорью, то в принципе задание Чинкова можно считать выполненным. Жора Апрятин протянет маршрут на юг, сомкнет съемку. Жоре это нетрудно.

Опираясь на плечи друзей...

Он поднялся наверх к кабинету Жоры Апрятина. В кабинете сидел один Гурин.

— Чинков предложил нам обобщающий кольцевой маршрут,— без предисловия начал Баклаков.— Составь маршрутную карту. Я займусь текстом проекта и сметой. Проект нужен через неделю.

— Стари-и-ик! — насмешливо ответил Гурин.— Я ведь еще не дал согласия участвовать в твоем харакири.

— Объясняйся с Буддой. Или иди к черту,— сказал Баклаков. Ему не хотелось словесной игры. Он не терпел пижонского обращения «старик».

— Стари-и-ик! — все так же насмешливо продолжал Гурин, поглядывая поверх очков.— Но я ведь и не отказываюсь. Я — японец в душе. Одинокий буддийский монах под дырявым зонтиком — это я. Я также апологет миролюбивой секты Дзен. Кроме того, я самурай, который...

— Кончай треп. Да или нет?

— Как начальник ты не подарочек. Нет у тебя такта и руководящего ума тоже не видно.

— Иди тогда ты...

— Но с тобой работать можно. Не чесать языком, для этого ты не партнер, а работать. Я что-то зажирел. И чувствую, что скоро мне на крыло. Хочу оставить память на Территории. Доктор Гурин — сподвижник безумцев. Согласен, начальник!

— Просто не мог согласиться?

— Просто всегда скушно.

— Да,— ответил Баклаков.— Для таких, как ты. Интеллектуалов. Я серый вятский инженер. Мускулы с высшим образованием и примитивным честолюбием. Даже до лапотцев и иконок, как всякий выскочка, не дорос.

— Ну что ты, нача-аль-ник! — Гурин смеялся.

— Давай договоримся, Доктор. Нам вместе работать и

об отношениях придется забыть до осени. Если очень припечет, потолкуй о том, какая я сволочь, со спальным мешком. Договорились?

Гурин открыл сейф. Вынул стаканчики и бутылку.

— Скрепим договор? — насмешливо спросил он.

— Если без этого нельзя, то давай скрепим. Нарушим дисциплину для будущей дисциплины. Никак все-таки не пойму, кто ты есть.

— Единичный философ,— серьезно ответил Гурин.

Когда начался очередной «южак», Баклаков забрал документы и ушел домой. Гурина не было. Баклаков сидел при свечке, так как электростанция не работала. Свечное пламя прыгало, и прыгали тени по стенам. Ночью ветер оборвал закрывавшую окно оленью шкуру, и между рамами плотно напрессовался снег. За эти три дня Баклаков пришел к выводу, что намеченный им вариант — единственно возможный и правильный. Все остальное нереально. Следовательно, нужен Копков.

В управлении Копкова не было. Баклаков пошел к нему домой. Копков, единственный из холостяков управления, имел свою комнату. Комната была в крохотном самодельном домике рядом с управлением. Когда строили управление, домик забросало строительным мусором. Потом рядом проложили теплоцентраль, и он вовсе исчез — можно было прямо с короба шагнуть на крышу.

Копков лежал на топчане одетый. Из-под полушубка торчали валенки. Лицо Копкова заросло мятым пухом, на груди, как последнее причастие, как библия, лежал толстый палеонтологический справочник в дореволюционном кожаном переплете. Копков читал его в перчатках — в комнате был мороз.

— Понимаешь, иду по коробу. «Южак» толкает, я упираюсь. «Юж-жак» сильней оказался.— Копков начал заикаться, как всегда, когда волновался.

— Как сильней?

— Н-ногу мне вывихнул. Н-ни встать, н-ни...

— Ты ел что-нибудь?

— От-куда? Третий день п-палеонтологией п-питаюсь.

— Сейчас! — Баклаков вышел в сени, набрал коротких полешек, затопил печку. Полешки были сухие, и печка сразу разгорелась.

— А я думаю: что-то тебя не видно. Может, заболел или что, думаю, дай зайду,— говорил Баклаков, открывая консервные банки.

— В-врешь,— сказал Копков.— Т-ты не за этим ш-шел.

...В комнате стало тепло. От консервных банок, вытряхнутых на сковородку, пошел сытный запах. Баклаков сел на груду полешек у печки. Комната Копкова была всеобщей завистью. Топчан с медвежьей шкурой, книги на самодельных полках и фотография на стене — человек в кухлянке, без шапки, с винтовкой через плечо тянет след по свежевыпавшему глубокому снегу, уходит в мглистое, изрезанное, как на картинах Эль-Греко, небо. Называлась она «Последний маршрут», на фотографии был сам Копков.

В сенях затопали шаги, и вошли Жора Апрятин, Гурин и почему-то Люда Голливуд.

Они поздоровались и продолжали стоять. Баклаков видел, что Копков мается от своей небритой беспомощности, а может, и от того, что в его холостяцкой одинокой комнате слишком много людей.

Гурин вынул из кармана пуховки банку ананасного компота. Из другого — вместо неизменной пузатой бутылки французского коньяка вытащил бутылку спирта.

— Если, р-ребята, соб-брались в-выпить, выпейте в д-другом м-месте,— сказал Копков.

— Отто Янович умер,— бухнул Жора Апрятин.

Люда Голливуд протянула Копкову радиограмму.

Они долго и молча сидели за столом. Спирт так и стоял нераспечатанным. Трещали поленья в печке, над крышей вздыхал теряющий силы «южак», скрипел на уровне окна снег под ногами прохожих. Каждый думал о том, что тогда-то и тогда-то по такому-то случаю сказал ему Отто Янович. Каждый осознавал, что Калдинь жил напряженной внутренней жизнью, по сравнению с которой ежегодные страсти отчетов, проектов и экспедиций казались не столь уж важными. Но в чем был смысл его напряжения? Калдинь умел вести себя незаметно. Его немногословные замечания на защите отчетов всегда были дельны и доброжелательны. Калдинь двадцать лет жизни отдал Поселку, и потому память о нем давно уже была занесена в святцы. И если Семен Копков считался знатоком и начетчиком старообрядческого геологического устава, то Калдинь давал взгляд на мир с неких горных высот, то ли житейского опыта, то ли нравственных категорий. Может быть, потому и попал в святцы при жизни.

— Остались мы без корней. Летим,— нарушил молчание Жора Апрятин.

Гурин вышел и быстро вернулся. Он принес тюбик какой-то мази.

— Как бывший фельдшер школы горноспасателей,— сказал он и стал растирать Копкову распухшую лодыжку. Люда Голливуд увидела драные и грязные копковские носки, ахнула и тут же принесла новые, домашней вязки.

Жора открыл спирт, выпил стопку и басом сказал:

— Главным геологом надо быть Семену Копкову. Никому другому я подчиняться не буду.

Ушел.

Гурин завернул тюбик с остро пахнущей мазью и тоже вышел.

Люда Голливуд осталась мыть посуду.

Баклаков вернулся с охапкой дров, про запас. Семен брился, отвернувшись к стене. Люда Голливуд сгребала в одну тарелку остатки консервов. Вместо фартука она повязала клетчатую рубашку, и рукава рубашки, как руки, внахлест обхватывали тонкую талию.

С внезапной и острой жалостью Баклаков смотрел на Люду Голливуд. На стильную юбку вокруг стройных ног, на очень белую, как у всех рыжеволосых женщин, почти прозрачную кожу, на морщинки вокруг глаз, на склоненную над грязными тарелками голову и медную тяжелую прядь, выбившуюся из безукоризненной прически. Он понял, что положение поселковой красавицы номер один вовсе не составило голливудского счастья. И сама Люда отлично все это знает и понимает.

Чтобы скрыть смущение, Баклаков с грохотом ссыпал у печки дрова и сказал:

— Присоединяюсь к мнению Жоры. Главным геологом быть тебе.

— Не переживай, Серега,— не поворачиваясь от стенки, пробормотал Копков.— Ту работу, о которой ты собирался меня просить, я тебе сделаю.

Было в этом нечто от безобидной иронии Отто Яновича: «ту работу, о которой ты собирался просить».

— Почему ты решил, что я буду просить?

— Из карты видно, как трижды три.

— А твоя киноварь?

— Ты в шахматы играешь, Серега?

— Чуть-чуть.

— Ну, «вилку» знаешь? Так вот я попал в вилку. Для твоего маршрута я стар. Это одна сторона. Вторая: под старость начинаешь о совести мыслить, о смерти. Ты ведь, Серега, смертен. Значит, тебе надо спешить. Славу познать, удачу. Тебе нужен успешный маршрут. В этом году. А соп-

ка моя как стояла, так и будет стоять. Никуда не убежит моя киноварь.

...Через три дня Баклаков принес Чинкову готовый проект. Чинков, не глядя на текст, взял папку, без интереса отодвинул на край стола.

— Должен предупредить,— сказал Баклаков.— Кольцо по пределам управления силой одной партии пройти невозможно. Я наметил реальный маршрут и привлек в помощь Копкова и Жору Апрятина. Так сказать, коллективный проект.

— Я дал вам задание, Баклаков,— сонно произнес Будда.— Как вы будете его выполнять, меня не касается. Можете выписывать инженеров хоть из Австралии. В пределах отпущенных средств.

— Я понял.

— Совет. Если вам ясен маршрут, берите самолет и разбросайте продовольственные склады. Позднее это будет трудно.

— Я занят отчетом.

— И это ваше личное дело. Меньше спите или интенсивней работайте. Я просто даю совет использовать самолет, пока он свободен. Берите пример с Апрятина. У него большая шурфовка, и он спешит. Учел ошибки прошлого. Кстати, шурфовать он будет именно на пересечении долины реки разломами. Этот велосипед вы изобрели, Баклаков, не так ли?

27

Управление облетела весть о том, что Копков и Люда Голливуд, отныне Люда Копкова, поженились. Ставить штемпеля в поселковом Совете Копков ходил с костылем. Саня Седлов сформулировал: «Потому что одна нога и костыль. Был бы на двух, убежал бы». Но шутка Сани Седлова не имела успеха. Слишком уж были все ошарашены. Для замкнутого по зимнему времени Поселка женитьба Копкова явилась потрясением основ большим, наверное, чем отмена самого «Северстроя». Копков был закоренелым холостяком. Даже и представить его женитьбы было нельзя. Традиции рушились. В взбудораженном общественном мнении всплыли вдруг разговоры о легкомысленном прошлом Люды, какие-то намеки на величину копковского счета в сберкассе, и даже вовсе древние упоминания о случае, когда раненый лось врезал Копкову копытом выше колен, еще в бытность на реке Индигирке. Геологическое управ-

ление единым строем встречало все эти разговоры, и они быстро заглохли. Осталось изумление и еще тревожное предчувствие перемен, которые, несомненно, будут, раз все пошло одно к одному. Заговорили об отмене полярных надбавок, о приезде трех тысяч девиц, специально завербованных в сугубо мужские места Территории, об отмене пенсионных северстроевских привилегий и еще о двух дизелистах в поселке на мысе Баннерса, которые пошли за куропатками на соседнюю сопку, а очутились на лесозаготовках в Канаде. В этой лавине слухов женитьба Копкова постепенно терялась.

Прочно установилось, что Семен Копков — человек женатый.

28

Весна для геолога — время снабженческих дел. Фактуры, накладные, списки, подотчетные суммы. Абсолютно неподдающиеся логике, регламентации и осмыслению извилистые тропки, лазейки, пути. Достать, выклянчить, раздобыть. И как когда-то каждая экспедиция в заморские страны начиналась с длинных списков запасов, так каждый начальник партии держал в ящике письменного стола «простыню» — большой лист бумаги, куда многолетним опытом были занесены примусные иголки, гречка, коробки спичек, винтовочные патроны, ящики сливочного масла и зубной порошок. Не брать лишнего и ничего не забыть.

Партии Баклакова предстояло разбросать шесть продовольственных баз. За громким этим названием скрывалась просто железная бочка, которую вначале взрезали, как консервную банку, а затем заполняли продуктами и зашивали проволокой. Бочка хорошо замечалась на местности, защищала продукты от сырости, а бензинный дух отгонял медведей.

Склады управления были мудро размещены в стороне от Поселка, на невысокой горной гряде. Мог сгореть, погибнуть от хлябей небесных Поселок, но оставались склады. Могли исчезнуть склады, но оставался Поселок. У старожилов была реакция — утром, выйдя из дома, глянуть на север, машинально отметить длинные крыши над черным камнем. Стоят склады, значит, все в порядке.

Была особая логика «Северстроя» в том, что заведовал складами нервный и щуплый человек Симонян, который в прошлой своей жизни под кличкой Красавчик создал много разбойных и прочих легенд. Может быть, эту должность

охраны запасов для тысяч людей бывший Красавчик воспринимал как искупление лихих и бесцельных лет. Он и жил здесь вместе с женой и сыном. Единственное условие, которое он поставил властям,— отказ от любого оружия.

— Я никого не боюсь,— сказал он.— Я только себя боюсь.

В северстроевской логике воспитания людей доверием, видно, был свой резон, потому что каждый, кто попадал в район складов ночью или просто в темное время, неизменно натыкался на молчаливого Симоняна в полушубке с поднятым воротником и вопрошающим взглядом темных армянских глаз. Из всех великих мира сего Симонян признавал лишь одного человека — Стаса Дорохова, диктатора всех снабженческих дел управления.

Бочки готовили Седой и Валька Карзубин. Они гремели железом, вскрывая их, а рядом кругами бегал зашитый в мех симоняновский отпрыск, изображая быстрого зверя неизвестной породы. Здесь, на высоте, гулял ветер. Поселок лежал внизу, в дымной котловине. Далеко на севере виднелась полоска аэродрома и оранжевые точки самолетов на ней. На восток уходили сопки, а запад крутым обрывом уходил в море, в ледовую неизвестность.

Гремело железо. Симонян стоял в стороне и курил. Валька Карзубин лупил кувалдой по зубилу, которое держал Седой, и предупредительно взглядывал на него из-под шапки: «Руку не ознобил, может, передохнем?» К Седому Валька испытывал нерассуждающее почтение.

Куценко в это время корпел с огрызком карандаша над тетрадью в клеточку. Баклаков поручил ему рассчитать количество продуктов на каждую бочку по числу переходов, людей и ночевок. Куценко писал свой список, сверял его с «простыней» и бормотал непечатную северстроевскую поговорку о том, что запас, который не надо таскать на горбу, еще никогда никому не мешал. Закончив список, Куценко отправился на склады, чтобы самолично упаковать, уложить, проследить. Но Симонян, не вынимая рук из карманов полушубка, локтем отодвинул протянутый список.

— Ничэго нэ дам,— кратко сказал он и посмотрел в морозную даль.

— Как не дашь? — опешил Куценко.

— Стаса записку нэси.

— Чинков приказал. Илья Николаевич. Лично,— яростным шепотом пояснил Куценко.— Иль-я! Ни-ко-ла-е-вич!

— Мнэ плэвать. Стаса записку нэси. Чинков — тьфу.

Потерявший дар речи Куценко ринулся вниз, в Поселок,

от разгоряченных нервов пешком, не желая ожидать попутку. В распахнутой куртке, с багровым лицом, он рвался к Баклакову и потребовал немедленно идти к Чинкову не за визой и подписью, нет, а для полного уничтожения кладовщика, который посягнул, изрек кощунственные слова.

Баклаков слушал Куценко, и лицо его расплывалось в улыбке. От Куценко исходило весеннее сумасшествие снабженческих тягот. Так было и так будет. Значит, начинается лето. Надо клянчить, хитрить, выцыганивать. Каждую весну, пока тебя носят ноги, пока ты геолог. Как крестьянин берет весной ручки плуга, так геолог берет фактуры и накладные весной. Ибо за ними начинается лето, за ними идет смысл твоей жизни — работа. Груда снаряжения на снегу, разбросаны ящики, тюки, рокот уходящего транспорта и впереди лето.

К Чинкову Баклаков, конечно, не пошел, а пошел в комнату снабженцев к Стасу Дорохову. С Дороховым у них были дружеские отношения, начавшиеся с первых дней работы Баклакова в управлении.

В прокуренной, заплеванной комнате снабженцев среди кадров в кожаных пальто, с небритыми лицами и острыми глазами возвышался за столом сам Стас — рост два метра девять сантиметров, фигура и челюсть профессионального боксера, невозмутимый взгляд игрока в покер. Несмотря на гангстерский вид Дорохова, биография его была проста и стандартна для людей «Северстроя». Восемнадцати лет он пошел на фронт, после фронта — истфак МГУ, но с третьего курса, не выдержав жизни на стипендию, Дорохов сбежал, а сбегая, увидел объявление «Северстроя» и через час уже был в его представительстве на одной из московских улиц. Мудрая организация «Северстроя» из толпы договорников, которых пароход доставлял в Город, отбирала наиболее шустрых, наиболее подвижных, может быть, авантюрно настроенных людей. Прошлая твоя специальность, прошлая биография не имели значения — всех нивелировал знаменитый Учебный комбинат, из недр которого вышло немало известных людей. Новоявленным студентам давали начатки геологии, минералогии, топографии, хозяйственного учета. Но главной дисциплиной, которая не числилась в учебных предметах, были принципы «Северстроя». Для усвоения их и, главное, для практического применения требовался гибкий, не отягченный предрассудками ум. Сюда входили такие понятия, как «не плюй против ветра» и «победителей не судят», «не оставляй хвостов, за которые можно тебя подловить», и главный принцип, задолго до «Север-

строя» сформулированный Джозефом Конрадом. Принцип этот, которому обязан был «Северстрой» легендарной славой, звучал краткой святой заповедью: «Делай или умри».

Все это Стас Дорохов знал, все прошел, и потому он был лучшим начальником снабжения из всех, кого могло выбрать управление. Твердой рукой держал он своих шустрых агентов. С другой стороны, он умел внушить уважение к снабженческому отделу со стороны начальников партий.

Баклаков и Стас встретились в этой самой комнате три года назад. Баклаков был первым молодым специалистом, направленным сюда за многие годы. Он прилетел, вооруженный дипломом с отличием, железным здоровьем и честолюбием. Ему грезились великие открытия. Вместо этого он должен был получить на складе бочонок сухой картошки шт.— 1, батареи БАС анодные сухие — 3, спальный мешок шт.— 1, костюм х/б, сапоги б/у и так далее. Получив все это, он должен был собственным разумением пробираться на базу партии.

В комнате снабженцев Стас Дорохов неприязненным взором окинул тогда уверенную фигуру молодого инженера, подмахнул накладные, двинул их на край стола и повернулся к экспедитору, с которым имел перед этим неприятную для экспедитора беседу.

— Склады где? — спросил Баклаков.

— Там! — кивнул затылком Стас. — Четыре километра.

— А машину?

И тут Дорохов исполнил сцену, которую позднее всегда играл с блеском. Выпрямившись на свои два метра девять сантиметров, он проникновенно объяснил про разных приезжих цуциков, которым нужны машины, квартиры, няньки, столовки, свежее пиво, постельное белье и... бабы. А здесь ничего этого нет. Здесь есть работа и еще раз работа.

Баклаков забрал накладные и вышел. Он шел на перевал в московском пальтишке, туфлях на тонкой подошве и без шапки, потому что в Москве тогда ходили без шапок. Сапоги, полушубок и костюм х/б числились не в натуре, а в накладной.

Дорогой его обогнал «газик», в котором на те же склады ехал Стас. «Газик» остановился. Дорохов открыл дверцу.

— Иди ты... — сказал Баклаков.— Я не в снабжении работаю, мне ходить надо.

На складе он переоделся, положил костюм и пальтишко в рюкзак вместе с дополнительной робой, туда же сунул тяжелые батареи, анодные сухие для раций РБМ, на рюк-

зак взвалил фанерный бочонок с картошкой и потопал обратно в Поселок. Опять его обогнал «газик», то ли так совпадало, то ли Стас развлекался, изучая стиль поведения молодых специалистов.

— Кати, кати,— миролюбиво сказал ему Баклаков, разогревшийся от ходьбы и подобревший. Картошку и рюкзак он принес в кабинет Стаса, поставил в угол:

— Пока квартиры-то нету, пусть тут постоит,— и вышел, не дав времени на ответ.

Дорохов развеселился, и с тех пор опекал Баклакова, наставляя его на сложных путях снабжения.

Стас был в кабинете один, разговаривал по телефону. Длинным, как биллиардный кий, пальцем он молча ткнул на стул. Подмигнул. Трубка рокотала, как дизель на холостом ходу.

— Ты каким местом думаешь? Объясни! — закричал Стас.

Трубка опять что-то пророкотала.

— Ошибаешься! На том месте, где у людей лоб, у тебя еще одна щека. Попробуй не достать. Выдерну руки-ноги и голову поверну к спине. Салют! — Он бросил трубку.

— Стас, а Стас,— смиренным тоном начал Баклаков.

— Иди ты!..— нервно откликнулся Дорохов.— Все знаю. Симоняну дал указание. Пусть идет и получает.

— Спасибо, Стас,— еще смиренней сказал Баклаков и пошел.

— Ты думаешь, отдел снабжения спит? А он все знает! Но ты мне все-таки объясни...

— Что, Стас?

— Маршрут, я слышал, у тебя героический. Как открытие реки Амазонки. Что же ты будешь делать с непригодными кадрами?

— Почему непригодными?

— А куда они могут годиться, если не умеют простому кладовщику закрутить мозги? Настоящие кадры сами все должны были получить. А они? Начальника. Партии. Гоняют с бумажками! Стыд!

— Мои кадры против твоих слабы, Стас.

— А я ждал, Серега. Ждал — будешь или нет жаловаться Будде.

— Что ты, Стас! И мысли такой не могло возникнуть. Куда же через твою голову? Клизма без механизма, Стасик. Что ты!

— То-то! — сказал Дорохов и положил на стол кулак величиной с футбольный мяч.

Шесть бочек с продовольствием и одна с резиновыми лодками для сплава по реке Ватап были заполнены, зашиты проволокой и доставлены на аэродром. Куценко попал на почтовый самолет, раз в месяц доставляющий почту на мыс Баннерса. Ему предстояло арендовать или купить там вельбот, доставить его на тракторных санях к устью Серой реки и законсервировать там базу с вельботом, мотором и бочкой бензина. Седой остался на аэродроме охранять груз. Валька Карзубин в одиночестве получал и паковал на складах остальные грузы. Гурин помогал с отчетом Жоре Апрятину. Жора так же мотался между складами и аэродромом, ему предстояли большие разведочные работы, и он хотел начать весновку как можно раньше.

Трое суток Баклаков просидел в управлении. Отчет он закончил и сдал на машинку, когда от кофе голова уже стала пухнуть и сильно звенело в ушах. Пришла радиограмма от Куценко: «Вельбот купил вывожу условленную точку жду транспорт». Баклакову предстояло разбросать по маршруту бочки и на обратном пути снять Куценко. Иначе он мог торчать на мысе Баннерса еще месяц.

Баклаков шел берегом бухты по голому галечнику, на котором снег не держался. Воротник полушубка хорошо закрывал щеки. Ноги казались отрезанными до колен, их скрывала белая муть поземки. Он часто проваливался в ямы, вырытые напором льдин, в вымерзшие русла ручейков, стекавших в море. Ветер становился все сильнее, и Баклаков знал, что сейчас ему надо быть осторожным — немало людей вот в такую погоду погибло на дороге к аэропорту. Скоро должен был начаться обрыв, от него надо держаться подальше, так как там всегда свежие трещины и полыньи. После обрыва шла равнинная тундра, и там надо быть еще осторожнее, потому что море и тундра под застругами неразличимы и можно уйти вправо, пока не уткнешься в сопки в сорока километрах, или влево, где вообще ни во что не уткнешься, разве что в Северный полюс.

В белесой мгле мелькнуло темное. Избушка, сколоченная рыбаками-газетчиками из ящичных досок и толя. Както он заходил сюда вместе с ними. Избушка была не заперта. Он поднял подпиравший дверь обломок доски, отгреб снег от входа и зашел в темноту. Чиркнув спичкой, Баклаков огляделся. На нарах стоял огарок свечи. У печки лежали дрова. Баклакову захотелось посидеть в тепле. Он растопил печку. Тяга была очень сильной, и печь разгорелась сразу. Когда он на корточках разжигал ее, то он увидел под нарами рюкзак. В рюкзаке было полбуханки за-

мерзшего хлеба, кусок оленьей колбасы и на одну треть початая бутылка спирта.

В избушке уже стало тепло, печка накалилась вишневым цветом около трубы. Баклаков поднял кусок снега у входа, бросил его в железную кружку, растопил и положил в теплую воду еще немного. Другой кружки не было, он отложил на нары влажный кусок снега, долил в кружку спирта, выпил и зажевал снегом. Погрыз колбасы. Снег шуршал по толевым стенам. Было очень уютно. Он лег на нары, стал смотреть на краснеющую печку. Идти никуда не хотелось. Баклаков почувствовал, что ему еще хочется выпить, поэтому заткнул бутылку, положил ее в рюкзак и спрятал его опять под нары.

Баклаков непосредственно ощущал течение жизни. Жизнь текла медленно, плавно и грозно, как большая река. Глубина этой реки, устье ее, отмели, скрытые под гладкой поверхностью водовороты никому не известны. В результате ее течения он сидит сейчас в толевой избушке на берегу океана, ему надо идти в палатку на аэродром, чтобы потом лететь самолетом, разбрасывая себе временные дома, затем перемещаться по этим временным домам и осенью или в начале зимы вернуться ненадолго в Поселок, где все живут временно. Дальше будет новое лето, палатки, переходы и так до неизвестной черты.

Их главной крепостью служит работа, которую надо делать как можно лучше. Все остальное приложится. Эта крепость никогда не подведет, если ты не оставишь ее сам. Оставить же работу не сможет никто из ребят, потому что они любят ее и, кроме того, тогда они уже перейдут в категорию неудачников, то есть людей, которым незачем жить. Сделать хлеб из жалости окружающих — это смерть, более смерть, чем если бы ты в самом деле умер.

Под шорох снега по толю, гудение печной трубы в прыгающем свечном пламени Баклаков думал о том, что, наверное, Сергушова и Доктор Гурин бежали от некоей внутренней пустоты круга, который их окружал. Снаружи никакой пустоты не было, но они незаурядные люди и чувствовали скрытую или грядущую пустоту. Поэтому убежали. Но здесь они встретили друг друга, сразу узнали по неявным приметам и опять организовали все тот же круг, с теми же разговорами, словечками, шутками. Человек всегда член какой-то команды, сменить ее, перейти в другую не так-то просто. Они рады бы, может быть, разбежаться, но не могут — так в бессонную ночь человек, которого уже тошнит от курения, все равно закуривает следующую сигарету, вы-

брасывает и закуривает вновь в оцепенении замыкающихся мыслей, пока что-либо внешнее: телефонный звонок, стук в дверь или рассвет не переведут ночь, бессонницу и мысли в другую плоскость.

А сейчас надо идти. Дрова уже прогорели, остались угли. Баклаков погасил свечку и вышел в белую мглу, сильно резанувшую по глазам.

Необходимо идти. Он прикрыл дверь, запер на цепочку. Из трубы вылетали последние искры. Сергей Баклаков повернулся к избушке спиной и зашагал к скалистому обрыву.

Пока справа темнели в разрывах снега скалы, он шел машинально, потом скалы снизились, ушли, берег здесь должен был загибать к западу. Он нашел черту берега по плавниковым бревнам и пошел, угадывая дорогу по мелким штрихам — мерзлой веточке морской капусты, плоской гальке. Иногда он запутывался и тогда вынимал нож и шел влево, пока острие не натыкалось на лед, тогда он шел вправо, пока нож не натыкался на камень или траву. Потом устанавливал курс по углу между плечами и ветром и шел дальше.

Он не смотрел на часы, ему было хорошо идти под короткие обрывки мыслей. Наконец он услышал моторный гул. Справа он него проскочило оранжевое пятно: какой-то «ледовик» — самолет ледовой разведки, из тех, которые шлялись в любую погоду. Мелькнул и сразу исчез. Гул мотора унес ветер. Баклаков повернул и наткнулся на фонарь аэродромной подсветки.

Из трубы над их палаткой шел дым — значит, Седой топил печь, и Баклаков пожалел, что не взял с собой выпить. С рабочими в партии пить нельзя, но Седому было можно принести спиртишку. Он дернул вход палатки, Седой встал с нар и помог ему снять полушубок. Потом посмотрел на лицо и зажег лампу. Огонек в лампе прыгал, потому что ветер дергал потолок палатки. Седой поднес лампу к лицу Баклакова и усмехнулся.

— Выпивши, что ли? — добродушно спросил Седой.

— А что?

— Посмотри на себя.— Седой извлек откуда-то обломок зеркала, и Баклаков увидел, что от виска к подбородку, там, где прилегал воротник полушубка, тянулся багровый шрам. Обморозился. Теперь неделю будет болеть — и на месяц останется полоса, как будто располосовали ножом.

— Есть будешь? — спросил Седой.— Я тут банку фарша, банку рассольника и банку тушенки перемешал. Ничего получилось.

— Давай пожуем.

Сергей посмотрел на себя в зеркало еще раз, глянул на Седого и, в свою очередь, рассмеялся. Морозный след на его щеке и след ножа на лице Седого в точности походили друг на друга.

— Мы с тобой как будто из одной передряги выскочили,— сказал он.

Седой ничего не ответил. Залезая в спальный мешок, Баклаков смотрел на спину Седого, на его морщинистую короткую шею, на плечи, которые уже начали обвисать. Щека распухла и начала ныть. Но ему было хорошо и спокойно, потому что все шло правильно. А обморожение входит в профессию.

Когда они выворачивали с рулевой дорожки, Баклаков увидел мчавшуюся вдогонку машину и человека в кузове, который стоял, держась за кабину, и махал им рукой. Но в это время Боря Бардыкин, отчаянный первый пилот, дал газ и взлетел вкось взлетной полосы.

Круглолицый, веселый и шумный здоровяк Боря Бардыкин был любимцем геологического управления. Во-первых, потому что он летал безотказно, было бы разрешение на полет. Во-вторых, рядом с Борей Бардыкиным всегда ясно ощущалась простота бытия: «Ничего, ёк-коморок, с нами случиться не может. Все, ёк-коморок, будет в полном ажуре. Хочешь, лучше расскажу, как прошлый год в Коктебеле я с одной балериной. Про имя, конечно, молчу. Не веришь, ёк-коморок? Ну и дурак! Я в тебе хочу пробудить интерес к жизни. Один раз живем и когда-то взлетаем в последний раз...»

Вторым пилотом с Бардыкиным летал тихий, только что из училища юноша, получивший кличку Некто юный. Самолет шел на юг к долине Китама. За эти бездельные дни Сергей перенес с своей карты на штурманскую карту Бори Бардыкина все места, где требовалось выбросить бочки. Седой заготовил длинные вехи с флажками наверху — с вехой надежнее. Убедившись, что бочек шесть и флажков шесть, Сергей перелез через бочки и сел в проеме кабины, устроив себе сиденье из привязных ремней от правого и левого кресел. Самолет вел второй, но Боря Бардыкин молчал, может быть, обдумывал, с какого анекдота начать. Штурвал перед ним чуть заметно шевелился от движения второго и казался живым.

Дымная котловина Поселка осталась внизу слева. Вправо белесым миражем виднелся равнинный остров Ай, олений край, где кости оленей смешиваются с костями мамон-

тов, видно избравших в свое время этот остров центральным кладбищем.

Через час они должны были прилететь в район холмов. Баклаков вынул карту и напомнил Бардыкину, покрутив пальцем вокруг трех коричневых пятнышек. Тот кивнул головой и весело скосил глаз.

Мотор ровно гудел, по временам вспыхивал сверкающий круг пропеллера, вспыхивал на мгновение и исчезал, покачивался светло-зеленый самолетик авиагоризонта, и в стеклянном окошечке плавали на черном цилиндре светлые цифры курса. Курс был сто семьдесят градусов, юго — юго-запад. Внизу лежала залитая солнцем морщинистая равнина губы. Кое-где ее перерезали гряды торосов. Сверху они очень напоминали макет горных хребтов.

Было уютно, надежно и хорошо жить. Сергей прикрыл глаза. Впереди было часов шесть полета, и он хотел максимально использовать его, чтобы разведкой с воздуха заложить фундамент, который и ляжет первым кирпичиком в геологическую концепцию района.

В кабине немного потемнело. Боря Бардыкин опустил плексигласовый зеленый щиток.

Баклаков очнулся от несильного, но ощутимого виража. Самолет пошел вниз, и Сергей увидел справа отдельную конусовидную сопку и вдалеке пятна — холмы Марау. Северо-западнее — начало его кольца. Бардыкин продолжал снижаться. Баклаков крикнул:

— Не надо! Просто осмотрим общий план!

Самолет выровнялся, и Сергей увидел, что Бардыкин берет курс чуть левее холмов, чтобы их можно было видеть сверху и немного сбоку. Именно то, что надо.

Вершины холмов чернели камнем, иногда можно было даже разглядеть крупноглыбовые развалы, и Баклаков с радостным возбуждением сказал себе: «Да-да, конечно, именно так». Он радовался, что сюда можно будет сделать зимний маршрут, как он и предвидел.

Холмы Нганай издали дыбились на тундре пологим, полностью заснеженным куполом. Баклаков попросил сделать над ними круг. Видимо, здесь разместился снежный оазис — холмы лежали, заваленные ровным, даже без застругов, снегом. Они пронеслись над самой вершиной, и Баклаков заметил два небольших бугорка — кучки оленьих рогов на том месте, где похоронен пастух. На юге холмов был обрыв, не отмеченный картой. Они снова заложили вираж. Баклаков отметил, что скалистый обрыв шел почти от вершины и тянулся метров на триста. Как раз под обрывом сходи-

лись Малый и Большой Китам. Широкая заводь была ровной — идеальная площадка для посадки самолета на лыжах, если придется выбрасываться самолетом. Бардыкин крикнул в ухо Сергею:

— Гольцы! — и, бросив штурвал, показал размеры гольцов, которые тут водятся. Он подергал воображаемую блесну и показал большой палец.

Они легли курсом на юг, где темной стеной уже выступало Кетунгское нагорье. Первую посадку они сделали там, где Малый Китам выходил из нагорья. Бардыкин издали заметил галечную косу, пронесся над ней, высматривая камни, и на обратном заходе сел. Второй пилот помог Баклакову вкатить на невысокую террасу бочку и камнями укрепить веху. Было тихо, грело солнце.

— Так-то хорошо будет,— хозяйственно сказал второй. Чувствовалось, что ему нравится подобная работа.

— Ты вятский, что ли? — изумленно спросил Баклаков.

— Конечно, вятский. Из Котельнича,— сказал второй. Но Бардыкин уже запустил двигатель.

Они сбежали по снежному откосу. Баклаков не переставал удивляться: Котельнич был совсем рядом с его разъездом.

В долине Трех Наледей мела отчаянная поземка. Сверху долина казалась просто огромной трубой, заполненной жидкостью молочного цвета. Бардыкин что-то крикнул Баклакову, заложил круг, другой и пошел на посадку. Самолет отчаянно запрыгал по застругам, потом ткнулся, как в стенку, и встал. Сергей открыл защелку, снял резиновый амортизатор, запирающий дверную ручку, и дверь тут же стукнула по нему. Снежный вихрь ворвался в самолет.

— Закрывай, ёк-коморок!..— сердито крикнул Бардыкин.

— Куда бочку-то выгружать? Ни черта же не видно.

— Сейчас люди придут. Скажут.

— Ты что, Боря? Свихнулся? Откуда тут люди?

Бардыкин вместо ответа закурил, натянул куртку.

Баклаков выскочил из самолета. Снежная муть на мгновение прояснилась, и совсем рядом мелькнул отвесный борт долины. «Погибнешь с ним ни за грош», — подумал Сергей и тут же увидел тонконогую фигуру, которая, наклонившись, шла к самолету. «Пастух,— удивился Сергей.— Значит, Боря стадо заметил. Какое тут стадо? Оленей унесет ветром». Человек подошел к самолету, Баклаков зашел за ветер и тут же узнал Кьяе.

— Ты-ы! Привет! — радостно сказал он.— Хе! Судьба— индейка, а жизнь...

— Здравствуй. Это ты? — без удивления откликнулся Кьяе.

— Откуда? Откуда тут стадо?

— Неправильно самолет посадили. Во-он там снег ровный, совсем тихо,— сказал Кьяе.

Они залезли в фюзеляж, Бардыкин запустил двигатель, они порулили по снежной мгле, и вскоре мгла кончилась.

Ветер шел по трубе, которая отворачивала в сторону от реки, и было странно видеть, как на расстоянии нескольких метров от них — пурга, бешеный снег, а тут почти штиль, снежинки искрятся в солнечном свете. Невдалеке стояла яранга и храпели привязанные ездовые олени.

— Давай! — сказал Боря,— шевелись. Еще четыре посадки.

Бардыкин ушел в ярангу. Они выкатили бочку, и Кьяе пообещал закатить ее на террасу.

— Продукты не нужны? — спросил Сергей.

— Недавно нарты пришли из Поселка. Все есть.

— Где другие? — спросил Сергей.

— У стада. Километров пять отсюда.

Сергей хотел спросить Кьяе про внучку, но что-то остановило его, и он промолчал.

— Внучка в колхозе,— сказал Кьяе, точно читал мысли.— Будешь, увидишь.

На миг Баклакову томительно вспомнилось: запах дыма, звериного жира, шкур, узкая девичья спина, взгляд вполоборота, точно мелькнувший из-за деревьев свет ночного костра, острая грудь, подпрыгивающая в такт шлепков по желтому от соды тесту, и благостное чувство выздоровления.

Кьяе стоял перед ним, еще более высохший и потемневший за зиму, узкие брюки из камуса, короткие торбаза — «плеки», старая кухлянка, подпоясанная под животом узеньким ремнем, на ремне нож в нерпичьих ножнах и нерпичий же кармашек для винтовочных патронов, мягкое, лишенное городской судороги лицо. Вот так бы, в проверенной тысячелетиями простоте, выбить себя из бега времен, как пловец, миновавший камни и стремнины горной реки, выбрасывает себя на узкий матрасик случайной отмели под утесом.

Баклаков отвернул взгляд в белую стену пурги и улыбнулся криво, жалко и виновато. Не дури, Баклаков, не валяй ванечку.

— Спасибо тебе. Помнишь осень? — Он расстегнул ремень и протянул его Кьяе вместе с ножом. Тяжкое лезвие из подшипниковой обоймы, медь и желтая мамонтовая кость на ручке, деревянные в меди ножны.— Возьми, Кьяе, на память.

Кьяе взял нож, глянул на лезвие и протянул его обратно Баклакову.

— Очень тяжелый. Железо твердое. Пастух носит легкий нож с мягким железом.— Кьяе показал свой нож. Обычный кухонный с деревянной ручкой, лезвие от частой точки почти как шило.

— Если можешь, отдай бинокль. Глаза постарели.

— Сейчас! — Сергей сбегал к самолету, где бинокль болтался на ремешке, прикрепленный к стойке. Шестикратный, цейсовский. Он нашел его в немецком «тигре», который везли на переплавку. Внутренность танка была выкрашена гладкой краской «слоновая кость», пахло трупом, машинным маслом, и лежала груда тряпья, под которой был и бинокль. Он с ним не расставался.

— Совсем спасибо.— Кьяе радостно взял бинокль.— Зачем летаешь?

— Продукты разбрасываем. Летом пойдем здесь маршрутом.

— Как будешь идти?

— От холмов Марау вверх по Китаму, потом сюда, дальше к Синей реке, по реке на лодках до устья, потом на вельботе к Поселку.

Кьяе с возбуждением слушал, пока Баклаков перечислял пункты маршрута. Какой-то мальчишеский румянец проступил даже на лице Кьяе, потом все погасло.

— Очень хороший маршрут,— сказал он,— очень много всего увидишь.

— Еще раз спасибо тебе. Знал бы, что встречу, взял бы выпить.

— Летом встретишь. Только опять будешь в плохой одежде. В твоей одежде в тундре всегда будешь больной.

— Знаю, что кухлянки лучше всего. Только где их взять?

— Скажи, сколько надо. Скажи куда. Принесу. Отдашь продуктами, чтобы нам далеко не бегать.

— Пять кухлянок. Десять пар чулок меховых. На всякий случай, двое штанов. Для дальних маршрутов. Весну будем пережидать на холмах Нганай.

— Принесу,— просто сказал Кьяе.— На хороших оленях — день.

— Продукты я на вас захвачу. Чай, сахар, мука, папиросы. Так?

— Немного патронов к винтовке. Немножко выпить. Так!

Из яранги вынырнул Боря Бардыкин, догладывая на ходу кость.

— Давай, наука! — крикнул он.— Давай, ёк-коморок, полетели.

Они опять вырулили в снежную мглу, ветер даванул под крылья, и «Аннушка» взвилась, точно бабочка, подхваченная порывом ветра. На вираже мелькнула внизу фигурка с задранным вверх лицом. Тишина средь вихря взметенного снега.

Последние посадки прошли благополучно. Солнце уже опускалось к горизонту, когда они легли на длинный курс к мысу Баннерса.

— Посадка на одномоторном аппарате АН-2 разрешается только при незашедшем или, напротив, взошедшем светиле,— бурчал Боря Бардыкин.— Ты НПП знаешь?

— Что-о? — крикнул Сергей.

— Не знаешь ты НПП, в переводе «Наставление по полетам». Каждый пункт в оном, как утверждает замполит Савченко, вписан жизнью и кровью пилотов.

Баклаков дремал. Лента Серой реки тянулась на север, еле угадываясь по снежным теням обрывов, коричневым пятнам островов и темным, обметенным ветром галечниковым косам. Железные, зашитые стальной проволокой бочки остались далеко среди камня и снега нагорья. Здесь, на этой реке, они будут кормиться рыбой, зверем и птицей. Но что делать, если, например, медведь порвет, укатит последнюю бочку, в которой лежат не продукты, а резиновые лодки для сплава? Это называется непредусмотренной случайностью.

Баклаков проснулся, когда внизу была ровная равнинная тундра, широкая полоса реки, четко отмеченная кустарником, уходила на запад. Самолет шел к мысу Баннерса.

К колхозному поселку они прилетели, когда на снег внизу уже легли синие тени. Сверху виднелось тупое острие низкого мыса, окаймленного синей грядой торосов. На самом конце мыса, как спичечные коробки, стояли игрушечные домики, а поодаль — округлые конусы яранг.

— Долго твоего кадра искать придется? — спросил Бардыкин. Уши уже притерпелись к самолетному гулу, и можно было говорить нормально.

— Нет,— сказал Баклаков.— Он опытный кадр. Должен ждать.

— Тень! Ёк-коморок,— сказал Бардыкин.— Гладко, ёк-коморок. На этом проклятом мысу никогда не угадаешь, есть ветер, нет ветра, какой ветер. Полированный этот мыс. Хоть флаг бы поставили, тунеядцы, рубаху бы на шест привязали.

Было видно, как от домов и яранг бегут люди, видно, к тому месту, где обычно садилась здесь «Аннушка».

Бардыкин заложил лихой вираж, опустил подкрылки и резко пошел на посадку. Лыжи коснулись снега, самолет запрыгал, как по бревнам, в кабине резко потемнело, и Баклаков врезался лбом в приборную доску. Рука Бардыкина с силой отшвырнула его назад. И все стало тихо.

У Баклакова по лицу текла кровь. В фюзеляже грохотала, откатываясь назад, бочка с бензином, взятая на непредвиденный случай.

— Тень, ёк-коморок,— печально сказал Бардыкин.— Соображаешь, язви его в посадку? Глянь!

Сергей увидел нелепо торчащий покореженный винт.

— Такие дела,— миролюбиво сказал Боря Бардыкин.— Кукуем.

— Все-таки пешком надежнее, Боря,— зажав ладонью лоб, сказал Баклаков.— Лоб целый и вообще.

— За лоб ты сейчас спасибо скажешь. Тут медсестра...— И Бардыкин прищурил глаза, вздохнул.— На! Прижми, пока не вытекло, ёк-коморок.— Он протянул Баклакову платок.

Самолет окружили детишки в кухлянках, торбазах, потом подошли взрослые в унтах и степенных пальто. Бардыкин тут был своим.

— Иди отбей эрдэ! — крикнул Бардыкин второму, который осматривал винт.— Наша с земли не возьмет. Или лучше я сам, а то сообщишь трагедию, ёк-коморок.

Бардыкин в окружении толпы ушел. Второй пилот вернулся в самолет, готовить его к ночевке. Голова у Баклакова кружилась, теплая кровь стекала за воротник. Он чувствовал тошноту. Кто-то потянул за рукав. Он скосил глаза и увидел крохотного темноглазого пацана в росомашьей шапке.

— Что тебе? — спросил Баклаков.

— На медпункт. Приказано,— почему-то шепотом сказал пацан и опять потянул его за рукав.

Баклаков покорно пошел за ним и увидел квадратную фигуру спешившего навстречу Куценко.

— Все сделал. Сегодня утром вернулись,— тонко крикнул еще издали Куценко.— Уже лег спать, думал, не прилетите.

— Прилетели, как видишь,— сказал Баклаков.— Прилетели и сели.

— Ай те, жалость какая! Разреши? — Куценко потянул рукава куртки, отнял платок от лба Баклакова.— Глаз целый, кость торчит, распороло сильно. Лучше снег прикладывай. Кровь всосет и охладит.— Куценко валенком вытоптал кусок снега, протянул Баклакову.

Пацан опять потянул его за рукав, видно, желал во что бы то ни стало выполнить приказ Бардыкина.

— Иди, Алексеич, на рацию. Сообщи, что застряли. Мутит меня что-то,— сказал Баклаков и пошел на медпункт.

Пацан опустил рукав и побежал впереди, поминутно оглядываясь. Он был очень смешной — в пальтишке, торбазах и большой росомашьей шапке.

Баклаков лежал в крохотной, выкрашенной белой масляной краской комнатушке фельдшерского пункта мыса Баннерса. Фельдшерица, покорившая сердце Бори Бардыкина, оказалась толстенькой хохотушкой. Она относилась к Баклакову, как к бессловесному теленку. Два раза в день меняла повязку, кормила антибиотиками и исчезала в приемную, откуда слышались журчащий басок Бардыкина и ее заливистый хохот.

Баклаков чувствовал себя нормально. Но аэродром Поселка был закрыт, значит, туда не могла прилететь вторая «Аннушка» и, следовательно, не могла доставить винт и механиков для ремонта на мысе Баннерса.

— Отдыхай, ёк-коморок,— просовывал голову в дверь Бардыкин. Вид у него был довольный, лоснящийся, легонько попахивало вином. Неунывающий человек!

— Отдыхаю,— говорил Баклаков и закрывал глаза. Было хорошо. На тумбочке стоял литровый термос с чаем, который два раза в день доставлял ему Куценко. В одиннадцать вечера поселковая электростанция переставала работать, и он зажигал свечку. Тихо потрескивал фитиль, снаружи мягко стукала об окно обитая оленьим мехом ставня, ездовые собаки поднимали разноголосый вой. В собачьем хоре слышалась усталость зимы, бесконечной езды в торосы за нерпой, вдоль побережья по разбросанным там капканам. Собаки стихали, и лишь одна продолжала жаловаться на луну, зимний холод, собачью жизнь. «У-а, у-а!» — говорила собака. Жалоба переходила в тихий визг, и все окончательно затихало.

На третий день к нему в больницу зашла внучка Кьяе Тамара. Она принесла ему книгу «Два капитана», «чтобы не было скучно». По улыбке ее и оживлению было видно, что она очень рада видеть Сергея, с которым встречается второй раз и все в таких необычных обстоятельствах.

— Как в книжке,— сказала Тамара и засмеялась. Она пополнела за зиму и в тонком свитере, юбке выглядела не так, как в тундре — угловатая, более шумная и уверенная в себе. Им было легко и просто. Тамара рассказывала о школе, о том, что ее двоюродный брат семи лет наткнулся на белую медведицу в торосах, а она посмотрела на него и прошла мимо, точно он вовсе не человек.

Иногда она прибегала вместе с подружками, такими же темноглазыми, шустрыми и порывистыми.

Боря Бардыкин всовывал голову в дверь, вздыхал и говорил:

— Ну, ты даешь, ёк-коморок. Кто в колхозе останется, если ты всех увезешь?

— Сгинь, старый циник,— говорил Баклаков.— Думай лучше о том, как замполит выведет тебя на ковер.

— И то! — вздыхал Бардыкин.— Ты заметил, когда мы взлетали, некто хотел нас остановить? Может, то и был сам замполит? Хотел предостеречь меня от ложных посадок.

29

Жора решил забросить на самолете АН-2 Салахова и вынырнувшего из безвестности Ваську Феникса с заданием выбрать хорошее место для лагеря шурфовщиков, поставить две капитальные палатки. Вторым рейсом он хотел отправить взрывчатку и продовольствие на весеннее время. Третьим рейсом — шурфовщиков, руководить которыми предстояло Салахову. Сам же Жора с главным грузом и остальными рабочими должен был выйти на тракторе.

Когда погрузили брезент, деревянные рейки, спальные мешки и гвозди, Жоре Апрятину показалось, что места в самолете еще много. Взрывчатка находилась рядом с аэродромом на временном складе.

— Таскай, так-перетак,— скомандовал Жора, и они втроем быстро перетащили триста килограммов взрывчатки и ящик с детонаторами. Перевозить взрывчатку и детонаторы в одном транспорте категорически запрещалось. Об этом Салахов и сказал Жоре.

— Опасаешься раньше времени к богу попасть? — Жора

сплюнул и поправил на поясе пистолет.— Давай я вместо тебя полечу. Так и эдак. Трусишь?

Салахов ничего не сказал, только засунул детонаторы под брезент, чтобы их не заметил кто-либо из экипажа. Пришел бортмеханик. Перелезая через желтые бумажные мешки с аммоналом, он сказал Апрятину:

— Ты новенький, что ли, начальник? Самолет с ишаком путаешь? Это на ишака можно грузить все, что есть.

Пока бортмеханик «гонял газ», Жора отошел от самолета и тут увидел Ваську Феникса с рюкзачищем.

— Что это?

— Жратва,— вытирая лоб шапкой, сказал Феникс.— В тундре всякое может быть. Прошлый год я этого самолета ждал, пока...

— К черту! — приказал Жора Апрятин. Он очень боялся, что экипаж начнет сам перекладывать груз и обнаружит детонаторы рядом с взрывчаткой.— Ты не жрать летишь, а палатки ставить.

Феникс послушно скинул рюкзак, но все-таки, опасливо косясь на Жору, сунул в карман полушубка три банки сгущенки и пачку галет. Салахов в это время сидел на ящике с детонаторами. Он отвечал за незаконную перевозку взрывматериалов по уголовной статье, так как был ответственным за взрывные работы.

...Самолет благополучно ушел, но второй рейс в этот день сделать не смог — кончилось световое время. Предчувствие беды охватило Жору Апрятина.

Из двух бывших на аэродроме самолетов АН-2 остался один, так как второй ушел «на форму» — смену двигателя, у которого кончился ресурс работы. Единственную оставшуюся «Аннушку» на второй день с утра забрали санитарным рейсом — где-то южнее мыса Баннерса в скалистой горной долине лежал пастух с переломанными ребрами — попал в пургу на обрыв. Самолет вернулся лишь поздним вечером — вначале искал стадо, потом ждал, когда пастуха вывезут в пригодное для посадки место. На третий день мертво задула пурга, и Жоре оставалось лишь ждать.

...Прошло восемь дней, как Салахов и Феникс были заброшены в тундру за триста пятьдесят километров от Поселка. Наконец наступил погожий солнечный день с хорошим прогнозом. Примчавшись на аэродром, Апрятин узнал, что единственную годную к полету «Аннушку» захватил Баклаков и что они уже вырулили на полосу.

Апрятину оставалось только молиться, чтобы Сергей на своем идиотском маршруте с посадками в диких долинах не

угробил машину или чтобы вторая машина вернулась, сменив двигатель, и чтобы у тех двоих хватило мужества ждать. В тундре морозы. Еды у Салахова и Феникса нет. Он сам приказал ее оставить. Есть печки, но нет топлива. И вообще ни черта нет, кроме спальных мешков. Все это подходило под рубрику преступного небрежения или, хуже того, зеленой тоскливой глупости.

Апрятин понимал, что, если Салахов и Феникс погибнут, ему остается лишь застрелиться из служебного пистолета. Жизнь в геологии ему будет навсегда закрыта. Из Арктики выселят, дед выгонит из дому на Мойке и заставит сменить фамилию.

Почему-то он очень жалел Феникса, жуликоватого завхоза, который в жизни ничего не умел делать толком, лишь каждую весну возникал неизвестно откуда с всегдашней готовностью бежать, куда пошлют, ждать, если прикажут ждать, бить канавы и шурфы или стеречь ящики с консервами и снаряжением, ночевать возле них, если назначат завхозом. Жидкобородый, покореженный севером, точно полярная лиственница.

Не в силах сидеть в управлении, Жора перебрался на аэродром. В палатку Баклакова он не пошел, а сидел в захламленной комнате при отделе перевозок, пугая нескольких терпеливых пассажиров диким взглядом и льняными патлами, торчащими из-под маленькой не по росту шапки. Над аэродромом висела метель, которая всегда бывает в конце марта — начале апреля. Апрятин сидел в углу и смотрел неотрывно на надпись, сделанную на стене красным карандашом: «Аня! Я жду тебя! Толик».

Вечером Жора узнал, что самолет с Баклаковым потерпел аварию на мысе Баннерса. Он встал и деревянным шагом направился через бухту в Поселок. К утру он предстал перед Чинковым.

Чинков долго и томительно смотрел на стол перед собой. Темные с пухлыми пальцами руки его уперлись в кресло, как будто он собирался встать, но не решил еще: вставать или оставаться в кресле.

— Так что же вы ждете? — наконец спросил он. Голос у Чинкова был тонкий, даже изумленный.

— Не было погоды. Сейчас нет самолета.

— Вы верите в бога, Апрятин?

— Не знаю. Официально, конечно, нет. Но в эти дни я молился.

— Молитесь и дальше. Я много думал о вас, Апрятин. По просьбе Отто Яновича Калдиня. И не мог решить, что

с вами делать. Сейчас я проверю вашу везучесть. Если вы человек везучий — я оставлю вас начальником партии. Если вы очень везучий — вы привезете мне осенью результат и у вас есть шанс стать настоящим геологом. Если же вы неудачник и ваши люди погибли — я вас отдам под суд и вышвырну из геологии навсегда. Идите на рацию и передайте от моего имени радиограмму в Город о том, что срочно нужен самолет АН-2 на лыжах. И молитесь, молитесь, Апрятин, вашему богу.

На аэродроме все уже знали о случившемся и шли жаркие споры, лежат ли эти двое в палатке или, плюнув на помощь, стали выходить на побережье. Западнее устья Лосиной стояла избушка охотника Малкова. Восточнее, в устье речки Лелю, была еще избушка охотника Атки. Но неизвестно, знал ли Салахов об этих избушках, а если знал, то все равно до любой из них двести километров. Без карты, компаса и лыж.

Самолет АН-2 перегнали с дальнего аэродрома Реки. Встречать его приехал Будда в полярном меховом костюме, похожий на памятник самому себе. С ним прибыл Богода и еще незнакомый Жоре человек в полушубке с милицейскими погонами. Все четверо забрались в самолет. Прежде всего вывезли с мыса Баннерса пилота Бардыкина, потому что он высаживал людей и знал местность. Все четверо молчали два часа полета, молчали до тех пор, пока Бардыкин не заложил посадочный вираж. Все вышли в слепящую снежную тишину. Темное пятно палатки торчало метрах в трехстах от них. Они направились к палатке, проваливаясь между застругами, где снег был рыхлый. Со странной отрешенностью Жора Апрятин заметил, что Будда умело выбирает дорогу по гребням застругов и идет по ним, как умная старая лошадь по тонкому льду.

— Или ушли, или умерли,— громко сказал милицейский товарищ.

Снег около палатки был нетронут и чист. Вход заметен сугробом. Чинков подошел первым, но помедлил, уступая дорогу милицейскому человеку. Тот осмотрелся, не подходя к палатке, и в то же время сзади послышалось пыхтенье и скрип снега. Махая унтами, в распахнутой куртке бежал Боря Бардыкин.

— Чш-ш! — сказал милицейский товарищ.

И все вдруг услышали нереальные до галлюцинации голоса, доносившиеся из палатки.

— Сил у меня нету,— говорил один голос.— Были бы силы, я бы тебе врезал за то, что...

— А я!..

Чинков рывком дернул палаточный вход, но полотнище оказалось плотно застегнутым изнутри. Он протянул руку назад, и Жора ручкой вперед подал ему финку. Будда просунул лезвие в щель и стал опускать его вниз, перерезая застежки. В палатке ничего не было видно после яркого солнца.

— Свет! — сказал Чинков, и кто-то закинул наверх полотнище.

У дальней стенки палатки в разных углах лежали в кукулях две высохшие темные мумии. Из заиндевевших меховых опушек спальных мешков торчали только впалые, заросшие скулы, острые носы и жутко блестевшие открытые глаза. Салахов и Феникс, видимо, были в бреду, потому что, не обращая никакого внимания на вошедших, продолжали переругиваться друг с другом и, что было страшнее всего, они именно разговаривали между собой, а не бредили каждый по отдельности. Кто-то задрал второе полотнище входа, солнце ворвалось в палатку, и лицо Салахова стало осмысленным: он дернул головой и, уставившись на Будду, прошептал запекшимися губами:

— Мать твою ... начальник. Где же ты раньше-то был?

Чинков ничего не ответил, а сзади просунулся Боря Бардыкин с литровым термосом в руках, отвинтил крышку и налил в нее темную дымящуюся жидкость.

— Давай, Саша. Кофе с коньячком. Изобрази аристократа,— сказал Бардыкин.

Жора Апрятин потряс Феникса. Тот узнал его, и по непутевому лицу Феникса потекла и затерялась мутная слезинка.

— Феникс! Живой, Васька Феникс! — сказал Жора Апрятин.

Чинков вдруг залился тихим смешком:

— Почему Феникс? — спросил он.

— Возрождаюсь из пепла жизни, как знаменитая птица,— шепотом ответил Феникс.

Чинков засмеялся теперь уже громко и вышел из палатки. На улице он все еще хохотал, потом поковырял маленькую кучку снега и вырыл куропаточьи крылья, головы с красными точками бровей.

— Ага! — говорил, вырывая остатки куропаток.— Ага!

В самолет Салахова и Феникса пришлось отнести на руках вместе с кукулями. Боря Бардыкин по радио сообщил на аэродром о том, что нашли живых, оттуда позво-

нили в Поселок, и в «скорой помощи» оказалось битком народа.

Салахов и Феникс во время полета выдули весь термос, в котором коньяка было, видимо, больше, чем кофе. Они оживились и совсем стали похожи на людей, если бы не шальные, ввалившиеся от истощения глаза и отсутствие координации движений.

У Феникса почему-то валилась набок голова, и он поправлял ее рукой в рукавице.

«Скорая помощь» в сопровождении грузовиков, «газика», райкомовской «Победы» и еще каких-то машин прибыла в Поселок. У входа в больницу стояла густая толпа — все геологическое управление. Салахова повели под руки, но когда он увидел, что его ведут в больницу, он уперся и сказал:

— Желаю в двадцать пятый барак, желаю к ребятам.

Феникс послушно, точно привязанный, стал загибать за ним, и вся толпа развернулась, так и не дойдя до больничного крылечка. На черном лице Салахова жутко сверкала улыбка. Сержант десантных войск, Салахов знал, что с этого дня он окончательно свой в управлении, срок испытания прошел и он ввинчен в сей коллектив, как наглухо загнанный крепежный болт в металлическую конструкцию.

Когда проходили мимо дома, где жили семейные, кто-то сказал: «Зайдем, ребята, ко мне, вспрыснем возвращение к жизни». Начальники партий и Феникс с Салаховым заполнили комнатку. Толпа забила коридор, по рукам пошел спирт, блюдо с закуской, и уже стал раздаваться смех. Салахов рассказал эпопею. Оказалось, что он имел с собой нелегальную малокалиберную винтовку. Укороченная на бандитский манер, она пряталась под курткой. Патронов была неполная пачка, и они кормились куропатками. Потом патроны кончились.

После перешли в следующий дом, и там Феникс рассказал то, что не рассказал Салахов. К вечеру, на подходе к двадцать пятому бараку, Салахов, Феникс и сопровождающие достигли полной анестезии. Кончилось тем, что Феникс для очередного рассказа сел на включенную электроплитку, и это заметили только тогда, когда дым от горящих ватных штанов заполнил всю комнату. Так, в раскатистом хохоте здоровых и подвыпивших людей, кончилась история гибели и спасения Феникса и Салахова.

И лишь поздней ночью, когда уже расходились и шли в двадцать пятый барак, неизвестно кто сказал в темноту:

— Эта весна плохая, ребята. Вот увидите: Территория в эту весну свое заберет. Салахов вынырнул, Феникс вынырнул. Значит, будет кто-то другой.

Фразу запомнили.

30

О том, что Робыкин собирается быть на защите отчетов, Чинков не знал. В день защиты Робыкин с утра появился в управлении. Его сопровождала свита экономистов, плановиков и начальников отделов центрального управления. Отменять или переносить защиту на другой день было бессмысленно и опасно. Посему Чинков передал гостей начальнику управления Фурдецкому и тотчас вызвал к себе Гаврюкова и Дорохова. Гаврюков через минуту вылетел из кабинета Чинкова и бегом кинулся к рации.

Стас вышел не спеша, спустился в свою комнату и через мгновение из кабинета его дробью сыпанули снабженцы. Сам Стас, выйдя на центральную улицу Поселка, мановением руки остановил какой-то «газик», втиснул двухметровое тело в кабину и многозначительно махнул в сторону аэропорта.

Пока Фурдецкий показывал гостям строительство — два двухэтажных дома из архангельского сборного леса, в кабинете его снабженцы, скинув кожаные пальто, со сноровкой бывалых официантов накрыли роскошный даже для «Северстроя» стол.

Защита началась ровно в двенадцать, как и было намечено. Гости заняли ближний к столу Чинкова ряд стульев. Было заметно, что кое-кто по командировочному обычаю хлебнул коньячку, но сам Робыкин был трезв.

Первым защищался Жора Апрятин. Его партия по проекту была сугубо съемочной, и никто не знал, что Жора Апрятин еще бил и шурфы. Все сошло гладко, лишь один раз Робыкин задал вопрос:

— Как вы расцениваете перспективы золотоносности?

— Никак,— сказал Жора и в упор посмотрел на Чинкова.

— Хороший ответ,— вздохнул в пространство Робыкин.

Семен Копков быстро изложил суть рекогносцировки, но, перейдя к месторождению киновари, стал заикаться и даже рассказал, как выглядит месторождение в вечернем августовском освещении.

— Ближе к делу,— сказал кто-то из приближенных Робыкина. Копков остановился и долго смотрел на сказавшего.

— Я в-вам разве ан-не-к-кдоты рассказываю? — спросил он.

Положение спас Саня Седлов. Он вышел и вернулся с охапкой образцов киновари. Киноварь пошла по рукам. Робыкин осмотрел всех сидящих в кабинете и многозначительно глянул на Генриха Фурдецкого. Впрочем, Копкова в Городе хорошо знали. Вопросы пошли по нормальному руслу: не встречались ли признаки самородной ртути, как глубоко может залегать продуктивная зона, какова величина эрозионного среза.

...Вышел Баклаков. Он поймал брошенный из-под век взгляд Будды: «Спокойно, и не зарывайся». Баклаков начал нарочито спокойно. Он описал геологическое строение долины реки Эльгай. С подробными петрографическими данными сообщил о двух типах гранитов — более древних, за пределами работы партии, и молодых, распространенных, видимо, по всей Территории. Вскользь упомянул о возможном делении на формации лав Кетунгского нагорья.

— Касситерита на территории партии не обнаружено,— сказал Баклаков.— Причина, по нашему мнению, заключается...

— Об олове мы знаем достаточно,— перебил его Робыкин.— Но странное дело! На реке Эльгай работает разведка. О ней мы не слышали ни слова. Или в Поселке не знают, сколько стоит день работы разведки и сколько стоит один шурф? — Робыкин обвел всех присутствующих колючим взглядом.

— Или нечего сказать, или засекречено,— сказал тот же приближенный Робыкину голос.

Баклаков опять поймал взгляд Чинкова, внимательный и настороженный.

— В приближении к отчету изложены возможные перспективы золотоносности. Данных по разведке просто пока нет, так как промывка шлихов приурочена на весну. Есть предположение...

— Об этом позвольте мне,— сказал Чинков. Он встал.— В отчете изложено мнение Сергея Александровича Баклакова о возможном для Территории типе ловушки для золотых россыпей. Эти ловушки приурочены к зонам пересечения разломов. По предварительным данным разведки...

В это время раскрылась дверь, и появился Монголов. На мгновение в проеме возникла победная фигура Стаса Дорохова, который за пять часов успел захватить самолет, найти Монголова и доставить его в управление. Монголов был небрит и, как никогда, походил на кадрового армей-

ского неудачника, который ждет не дождется пенсии. За Монголовым топал Малыш с фанерным листом на вытянутых руках. На листе лежали пронумерованные мешочки со шлихами.

— Подтверждая мнение авторов отчета, мы можем продемонстрировать пробы из долины реки Эльгай,— закончил Чинков.— Еще раз напоминаю, что пробы намыты именно в том месте, которое теоретически предсказал инженер Баклаков.

Баклаков поймал на себе мгновенный фотографирующий взгляд Робыкина.

Малыш хотел положить фанеру на стол Чинкова, но передумал и сунул его на колени сидящего рядом с Робыкиным представителя Города. Все мешочки были заполнены равномерным желтым песком с самородками. В нескольких лежали отдельно крупные яйцевидные, с вкраплениями кварца, куски золота.

Когда улегся шум, встал Робыкин, откашлялся и печально сказал:

— Мы являемся свидетелями уникального, можно сказать, открытия, ознаменовавшего успех многолетних поисков. Мы видим наконец золото Территории. Вот оно—перед вами. Всеобщее распространение золотых знаков на Территории позволяло предполагать, что существует хотя бы одно, пусть небольшое, промышленное месторождение золота. Оно открыто. Радостно, товарищи, сознавать, что ключевую роль в его открытии сыграл молодой инженер Сергей Александрович Баклаков. Мы видим кадры, которые сменяют нас, стариков. Специалист-геолог растет медленно, медленнее, чем в большинстве профессий — он должен накопить огромный опыт изучения недр, прежде чем станет специалистом. Тем приятнее сознавать успех Сергея Александровича Баклакова, который как бы знаменует весну, пришедшую на смену традициям «Северстроя». Тем приятнее отметить, что он является учеником всеми уважаемого Владимира Михайловича Монголова, руководящего разведкой реки Эльгай.

— От имени всех присутствующих позвольте поблагодарить начальника управления за лестные слова. —Будда говорил ровно и даже несколько сонно. Лишь тонкая усмешка как бы застыла в углах рта.— Но до победных реляций еще весьма далеко. В отчете Баклакова изложены принципы быстрой проверки на золотоносность долин рек Эльгая, Ватап, Лосиной. Пока мы имеем лишь одну шурфовочную линию с хорошим золотом. В перспективе мы

можем иметь все или ничего. Можно лишь утверждать, что деньги, вложенные в разведку долины Эльгая, будут оправданы.

Защита кончилась. В коридоре к Баклакову подошел Гурин.

— Поздравляю, стари-и-ик! — сказал он.

— С чем?

— Если ты немедленно перейдешь в Город, карьера твоя обеспечена. Из тебя сделают противовес Будде.

— Ты всегда меня дешево ценил, Доктор,— сказал Баклаков.

В коридоре появился Робыкин. Он шел, выдвинув вперед округлый живот и смешно выбрасывая ноги с развернутыми носками. За ним плотным кольцом двигались его приближенные и Фурдецкий. Позади всех сонно шагал Чинков.

Поравнявшись с Баклаковым, Робыкин повернулся и пожал ему руку пухлой ладонью.

— Поздравляю,— сказал Робыкин.— Будем иметь в виду. Нам нужны молодые кадры, очень нужны.

— Все правильно,— сказал Гурин, когда процессия спустилась по лестнице.— Ничто не меняется в мире. Греция, Рим, Венеция, Территория.

— Пойду повидаю Монголова,— сказал Баклаков.— Веришь не веришь, не видел его небритым.

— Нет, не верю,— усмехнулся Гурин.— Не верю, потому что так не бывает. И не может быть.

— Что именно?

— Будда подумал, решил рискнуть и, используя связи, добыл деньги на разведку. Баклаков подумал и придумал тип ловушки для россыпей. Бац — золотая россыпь. Теперь мы побегаем лето по тундре — бац, золотоносная провинция. Лауреаты появляются пачками. Газеты пестрят портретами. Если это действительно так, мне пора бросать геологию и идти торговать пивом.

Баклаков не успел ответить. Снизу послышались шаги, и на лестнице показался Будда. Он, видимо, усадил приезжих в машину и поднимался к себе в кабинет. С тяжкой грацией он прошел мимо них. Но вдруг стремительно обернулся и тихо, раздельно сказал:

— Если вы, Баклаков, поверили хоть единому слову, сказанному на техсовете о ваших талантах, я уволю вас по статье дураков. Начальник партии обязан верить только себе и природе.

С годами Баклаков пришел к выводу, что этой фразой Чинков хотел оберечь и наставить его. Охранить от самоуверенности, но оставить веру в себя. «Верь себе и природе». Чем дальше шли годы, тем больше Баклаков убеждался в справедливости слов Чинкова.

31

Накатившийся вал весны тревожил небритые души. Баржи на берегу вытаяли, и на их пригретых солнцем, все еще пахнущих смолой бортах снова стали собираться перебедовавшие зиму бичи. Дни стали бесконечно длинными, и темные зимние сумерки ушли, как будто минутное наваждение. На крышах бесились воробьи. На улицах Поселка снова возник дед Миша — возчик продовольственного магазина. Вместе с лохматой своей лошадью он был такой же достопримечательностью Поселка, как баржи на берегу, маленький цементный обелиск с надписью, что здесь будет памятник основоположникам.

Дед Миша появился в Поселке чуть ли не с первым пароходом и с тех пор ухитрился ни разу не выехать на «материк». Отпуск он проводил в низовьях Китама, там, где стояла избушка бывшей фактории. Когда-то он сам был заведующим, уполномоченным по территории шестьсот на шестьсот километров. С горными хребтами, тундровыми урочищами и полноводными реками. Он много кем был в прошлой жизни, пока не стал возчиком торга. Когда лошадь и тележка с консервными ящиками двигалась по залитой весенним солнцем улице Поселка, мимо раскисающих, подтаявших застругов, сосулек, капели, мимо мощных грузовиков, снующих в порт и обратно, дед Миша казался олицетворением Всеобщего Окончательного Решения. Достоинством бытия деда Миши было то, что в прошлой, настоящей и малом отрезке будущей жизни не имелось злого на него человека.

Первые пуночки, тележка деда Миши, свет и тревожные запахи рождали иллюзию гусиного крика. Гуси были еще далеко на юге, за горными хребтами и заснеженными пространствами, первые разведчики прилетали лишь в мае, но и сейчас, казалось, звенел в небе вековой крик гусиной стаи, и у всех мужчин в Поселке сжимались сердца, потому что Поселок все-таки был бродячим местом — местом, где живут временно.

В вечерних тревожных сумерках люди думали о жен-

щинах, о красивых, как на открытках, местах, которых нет на самом деле, но которые бывают в мечтах. И мысли снова возвращались к загорелым, длинноногим и смеющимся женщинам. Весной вспоминали о забытых девушках «на материке», о бывших любовницах, с которыми разошлись, об утратах, встречах. Весной казалось, что «настоящая жизнь» впереди, а прошедшее было простой подготовкой.

Управление жило суматошной коридорной жизнью. У стенок на корточках сидели и курили работяги партий, бывшие «на подхвате» — погрузить, оттащить, получить, притащить. Шла бешеная дробь из комнаты машинисток — последние страницы отчетов и исправлений в них. Уже выплыли на сцену пистолетные кобуры, ружья и винтовки. Уже слово «заброска», транспортное сумасшествие каждой весны, стало привычным. Каждая партия выковала свой основной, запасной и сверхзапасной вариант, как попасть в район.

32

Первой к месту работы выехала партия Копкова. Она выезжала на тракторных санях. Загруженные доверху сани вел дядя Костя.

Дядю Костю, как всегда, извлекли перед рейсом из «сучьих кутков». Он был тяжел в этот раз, поминутно доставал литровый китайский термос с чифиром и каждый раз с детским изумлением разглядывал красную розу, изображенную на синем фоне термоса. Проехав склады, дядя Костя остановил трактор в тихой ложбине и лег спать. Копков ему не препятствовал: если дядя Костя выезжал за черту Поселка, значит, он уже в рейсе и теперь доставит партию до места назначения любой ценой. Старые копковские кадры тоже спали, забравшись в олений мех, лишь новенькие смотрели на белую мглу ложбины, на поземку, со смертной неотвратимостью заметавшую их след, и на черное лицо дяди Кости, когда он через час вылез из кабины и сунул голову в снег. Умывшись снегом, дядя Костя хлебнул смеси из спирта и чифира и взялся за рычаги, чтобы теперь сутками не выпускать их из рук. Неизвестно, чему тут приходилось удивляться: выносливости машины или человека.

Сутки за сутками, оставляя за собой черневшие на снегу пустые бочки, они шли через темные каменные перевалы, заснеженные речные долины. Грохот одинокого дизеля вспугивал заячьи стаи. На перевалах доверчивые горные

куропатки чуть не попадали под гусеницы, а куропачи с налитыми яростной весенней кровью бровями бросались на сани в безумной самцовской отваге. Трактор пересекал песцовые, оленьи и росомашьи следы.

Была историческая странность в том, что трактор шел точно по маршруту, которым двести лет назад проходил капитан Баннерс, иностранец на службе русского флота. Оставив свои корабли на попечение младших офицеров, он бежал в Петербург от осточертевшей полярной пустыни. Дорогой Баннерс заполнял дневник сентенциями, которые надолго должны были отвратить людей от Территории. Но, впрочем, это были другие времена, с другими понятиями об ужасном.

33

Константин Сергеевич Васильчиков

Дядя Костя погиб, возвращаясь с базы Копкова. В санях у него лежало только три бочки солярки для обратной дороги, тросами прикрученные прямо к полозьям из буровых труб, потому что рачительные мужики Копкова раздели сани до последней щепки. Дядя Костя хотел срезать крюк западного притока Серой реки и выскочил в узкую расселину другого притока. С перевала он попал прямо на наледь. Наледь показалась ему надежной, так как весь март по ночам стояли большие морозы. По какому-то затмению души дядя Костя не учел, что именно морозы и опасны наледи, хотя знал это отлично.

В верхней части ущелья река промерзла почти до дна, и, видно, гусеницы оказались последней каплей, нарушившей равновесие. Лед вверху лопнул с артиллерийским грохотом, и полоса воды валом помчалась к трактору. Дядя Костя хотел проскочить как можно быстрее. Сзади шла вода, по бокам были отвесные борта ущелья, и оставалось только убегать вперед по скользкой, припорошенной снегом наледи. Втянув впалые щеки, со свистом прихватывая воздух, дядя Костя дергал рычаги, жал педаль газа, и грохот траков по льду был ему победной и спасительной музыкой. Но, видимо, последний час его наступил, потому что лед под трактором лопнул, и он попал в подледную пустоту, откуда вода ушла по щели. Трактор сразу заглох. На поверхности этой пустоты с отвесными стенками торчала только крыша кабины. Дядя Костя закрыл глаза на секунду. И только два слова было в голове: «Спальный ме-

пок». Копков чуть не силой втискивал ему в кабину теплый олений кукуль, но дядя Костя, как все трактористы старой северной школы, был суеверен. Поедешь с кукулем и продуктами — вернешься без трактора. Это была старая заповедь старых времен «Северстроя», когда трактор стоил куда больше, чем тракторист. Он не сдался еще. До базы Монголова ему оставалось километров сто пятьдесят. Дядя Костя выскочил из кабины. В небо полозьями торчали вздыбленные сани, и холодно отсвечивал полированный на снегу металл. Он вскарабкался на сани и ухитрился развязать трос на бочке с солякой. Солярка означала огонь, а стало быть, и жизнь. В сани уже ударила вода и стала заливать ледяную яму, где был трактор. Он еще успел прыгнуть в кабину за телогрейкой, проверил, в кармане ли спички, выпихнул на лед бочку и покатил ее вниз. Но сверху набежал новый вал, вода подняла бочку и быстро понесла ее. Дядя Костя еще рванулся, чтобы удержать солярку, поскользнулся и упал в воду. И понял, что это конец. Последней мыслью дяди Кости было: «Если бы раньше, то, может быть, лучше для всех. Справедливее».

Трактор дяди Кости нашли через две недели. Копков, после того как заработала рация, сообщил о дне его выхода. Из-за краткой оттепели в верховьях Лосиной и Китама в тундре начинался гололед. Вездеходы управления мобилизовали для поездки в стада, хотя и неизвестно было, чем они могли там помочь.

На поиски трактора дяди Кости выслали второй трактор управления, который должен был забрасывать партию Жоры Апрятина. Ему пришлось дойти до партии Копкова, затем по обратному следу дяди Кости до наледи. Этот трактор повторил ошибку дяди Кости и тоже пошел по наледи, но на этот раз все обошлось, и они увидели обледеневшую верхушку кабины, вздыбленные сани. Два дня они орудовали ломами, освобождая трактор и сани, пока не обнаружили, что кабина пуста, затем в конце наледи нашли солярную бочку. И уже когда они собирались уезжать, нашли занесенный снегом бугор у края наледи — спина дяди Кости. Его похоронили на верху обрыва, а рядом памятником поставили — стоймя, как они были во льду, железные тракторные сани для перевозки тяжелых грузов. Можно думать, что необычный этот памятник простоит очень долго, потому что железо слабо ржавеет в климате Территории, а пурги зимой полируют его.

Чинков издал приказ, в котором трактористам запрещалось отправляться в рейс без палатки, примуса, спального

мешка и недельного запаса продуктов. Геологам-съемщикам отныне категорически запрещалось ходить в маршрут в одиночку. Начальнику партии Апрятину объявлялся строгий выговор, и он переводился на два месяца на должность техника с исполнением обязанностей начальника партии. Семен Копков также получил переданный по рации выговор.

Приказ звучал бескомпромиссно и строго, но все, читая его, знали, что геологи-съемщики будут ходить в одиночку и не так-то просто выбить из людей традиции отмененного «Северстроя». Видимо, и Чинков понял это, потому что собрал у себя всех начальников партий, техников и инженеров, бывших в управлении, и кратко сказал:

— В этот сезон не должно быть никаких ЧП. Они мешают работе. Кроме того, мне не нужны расследования. Совещание окончено.

— Мандражирует начальство,— сказал в коридоре Саня Седлов.— Боится гласности происходящего. А чего бояться? Вся наша жизнь как сигаретка на сильном ветру.

Сане Седлову назавтра предстояло вести два вездехода к реке Ватап, и он уже ничего не боялся. За лето забудут.

34

Вечером Баклаков отправил людей на аэродром. Ему оставалось получить оружие и официальное техзадание, подписанное Чинковым.

Он ночевал в полуопустевшем бараке. В некоторых комнатах еще шумели, звякали бутылками, мелькали какие-то женские фигуры, у дверей стояли упакованные рюкзаки и болотные сапоги, но дух барака был уже нежилым.

Утром в управлении он встретил Монголова. Монголов постарел, загорел на весеннем тундровом солнце и как-то отяжелел. Не стало его прежней высушенной армейской легкости. Было похоже, что Монголова надломило золото, в которое он не верил, но отыскал.

— Пойдем,— сказал Монголов Сергею и взял его выше локтя. Так, не разжимая пальцев, он провел Баклакова в отдел кадров, где Богода с красными от бессонницы глазами (шел пересчет личных дел) маялся средь пыльных папок и картотек.

— Дай,— сказал Монголов.

Богода проскрипел протезами к высокому зеленому сейфу, заслонив собой замок, открыл сейф и вынул из глубины

чехол из нерпичьей шкуры и тяжелый, нерпичий же, мешочек.

— Бери,— вздохнул Монголов, протягивая Баклакову свой короткий винчестер, зависть управления.— Бери, дарю!

И подал мешочек с патронами. Было в жестком лице Монголова нечто такое, что заставило Сергея просто сказать:

— Ага. Спасибо. Ты-ы! Ну, спасибо!

И уйти. Винчестер в руке как бы переводил жизнь в другую плоскость, теперь он был уже в поле, он уже был экспедиционный, и жизнь подчинялась экспедиционным, а не поселковым или городским законам. Баклаков открыл кабинет, заваленный обрывками кальки, миллиметровки, забракованными образцами прошлого лета, машинописными перечеркнутыми листами отчетов. Никто до осени не войдет в эту комнату.

Он вынул винчестер из чехла. Все честь по чести было щедро промазано маслом, поворонка не стерлась и только на ореховом ложе местами прорисовались щербинки. Короткое, удобное, мощное оружие. Баклаков машинально заглянул в подствольный магазин — девять штук патронов влазит туда, как раз на маршрут. Он развязал мешочек. Маслянистые короткие патроны, чуть похожие на наши автоматные,— редкий тип винчестера,— там же лежала отвертка, масленка и вишер. Военный человек Монголов, все в идеальном порядке.

...Лидия Макаровна сказала: «Илья Николаевич просил тебя зайти». Баклаков вошел в кабинет Будды. Чинков, как всегда, сидел за идеально чистым столом в своем кресле-троне с медными гвоздиками.

— Садитесь, Сергей Александрович,— сказал Чинков, вынул из ящика стола фирменную папку «Северстроя» с листиками технического задания. Баклаков взял папку, сел, положив ее на колени.

— Весенняя погода. Скоро все развезет,— детским голосом сказал Будда и посмотрел в окно.

Баклаков молчал.

— Еще раз повторяю,— сказал Чинков,— что за результаты партии отвечаете только вы, Баклаков. Личные мотивы и методы, которые вы будете применять для выполнения работы, меня не интересуют.

— Это моя забота,— согласился Баклаков.

— Прошу запомнить, что наши идеи и наша интуиция имеют ценность лишь в том случае, если они согласуются с реальностью. Мы живем под принудительной силой реаль-

ности, Баклаков. Ваша личная задача — иметь раскаленный мозг, вырабатывать идеи и тут же согласовывать их с принудительной силой реальности. В просторечии это называется мудростью.

— Выше головы не прыгнешь, Илья Николаевич.

— Я не требую, чтобы вы были Спинозой или Конфуцием, Баклаков. Вы не способны быть ими. Но я обязываю вас быть безжалостным и мудрым во всем, что касается золота Территории. Нам нужны перспективы, чтобы требовать деньги и деньги, чтобы развивать перспективы. Россыпь реки Эльгай — мелочь. Ваши личные перспективы целиком зависят от этого лета.

— Вы поговорили с Куценко?

— Он будет работать так, как это положено. И больше того.

— Спасибо.

— Идите, Баклаков. Идите и выполняйте. Желаю удачи. Не заставьте меня разочароваться в вас. В вашу силу я верю.

Будда протянул ему мягкую ладонь. Сергей вернулся в кабинет, забрал винчестер, пнул разодранный лист миллиметровки и запер за собою дверь. Повесив ключ от кабинета на щит, он зашел в «предбанник» к Рубинчику. Рубинчика не было, лишь тяжкий табачный дух висел в комнатушке. Сергей написал записку: «Из четырнадцатой благополучно отбыли Гурин и Баклаков. Ключ в двери, вещички завернуты в матрацы на койке. Не унывай, Рубинчик».

На другой день они без приключений двумя рейсами выбросились в район холмов Нганай. Они могли бы вылететь и одним, но хозяйственный Куценко наотрез отказался лететь без двух бочек солярки, которые он спер прямо на аэродроме.

— В солярку полезно обмакивать руки, когда моешь шлихи в холодной воде,— утверждал он. Когда Сергей предложил взять банку технического вазелина, то Куценко с обезоруживающей простотой сказал: — А топить чем? Весновку надо в тепле проводить. Если у примуса маленько отверстие рассверлить, он на солярке как реактивный фугует.

Под базу выбрали место там, где в устье Малого Китама скалистый обрыв переходил в тундровую ложбину. Холмы защищали их от ветров с севера, в ложбинке обещал быть ранний ручей, с высоты виднелось синее и белое Кетунгское нагорье. И целый день солнце. Прямо под ними находился

широкий ровный плес, где, как утверждал бешеный рыболов Боря Бардыкин, голец хватает, если в лунку просунуть палец. Он обещал прилететь к ним в конце апреля, выбросить еще солярки, притащить ящик спирта и всемирные новости в обмен на мороженого гольца.

Груда снаряжения казалась огромной из-за хаоса, где перемешались консервные ящики, рюкзаки, спальные мешки, примусы, рейки.

В первый же вечер Баклаков на лыжах вышел в маршрут на холмы Марау. Он взял кусок брезента вместо палатки, толстый кукуль из меха зимнего оленя и маленький примус в железной коробке. До холмов Марау семьдесят километров, и он надеялся обернуться в четыре дня.

Лыжи были плохие, он привык к шведским, норвежским, финским или фирменным лыжам марки «Эстония», к облегченным гоночным ботинкам. Но вскоре забытое с детства ощущение ременной петли и валенка вернулось, и он быстро пошел по застругам на северо-запад. Винчестер был с ним. Он решил не расставаться с подарком Монголова. Было хорошо идти по розовому, озаренному закатом снегу. Сзади морозно синели холмы Нганай. Редкие прутья кустов с детской весенней надеждой выглядывали из-под снега.

Баклаков заночевал в долине тундровой речки под надутым пургами козырьком снега. Он немного подкопал козырек, ножом вырезал пару снежных плит. Получилась пещера. Брезент он постелил на снег и залез в мешок, раздевшись догола. Есть и пить он не хотел, потому что тело после бездельной зимы просило работы, выкидывало лишние ресурсы калорий. В мешке было тепло и удобно. Он потрогал лежащий рядом на брезенте металл винчестера и сквозь незагороженный кусок пещеры увидел отрешенное небо и бледные точки полярных звезд. «Я научился соразмерять желание и реальность,— думал Баклаков.— Два года назад я не стал бы делить работу с ребятами. Я пошел бы по Большому Кольцу и тем загубил задание. Жизненный опыт в том, чтобы соразмерить желание и реальность». Он быстро заснул.

Еще не проснувшись, Баклаков почувствовал радость. Невысокое солнце вкось освещало тундру. Ночью выпал небольшой снег, снежинки лежали плоскими кристалликами на выстругах, и от их отражения вся тундра искрилась разложенным спектром света. Мягкий многоцветный сверкающий ковер шел, изгибался по холмам, впадинам долин, обволакивал кустарники и заструги. Жизнь была не то что прекрасна и удивительна — она была сказочна. Если лето начинается так — значит, оно будет удачным.

Ко второй половине дня он добрался до холмов Марау. Начался такой солнечный жаркий день, что лицо Баклакова обгорело до мясо-красного цвета. Снег раскис и не держал лыжи.

К вечеру он сделал работу.

Всю ночь Баклаков шел обратно, проверяя курс по Полярной звезде, которая должна была находиться над левым плечом. Скрипел снег под лыжами. Баклаков дремал на ходу, сгорбившись, положив отяжелевшие кисти на винчестер, который висел на груди, как автомат. На базу он пришел к двенадцати дня. Было очень жарко, пот разъедал глаза.

Куценко выкладывал вокруг палатки защитную стенку из камня — каменный дворик. Гольцы, воткнутые в снег головами, торчали, как частокол. На заполированном ветрами склоне сопки маячила высоко у вершины темная фигурка.

— Курорт, а не жизнь,— устало сказал Баклаков, скидывая рюкзак.

— От выдает! — глядя вверх, ответил Куценко.

Гурин мчался по склону, выписывая плавные кривые. В вихре взметенного снега он набрал скорость и, изящно сломавшись в бедре, замер в метре от палатки. Яркая рубашка поверх свитера, темные очки — парень с рекламы.

— На горных, выходит, умеешь? — прикрыв глаза от нестерпимого света, сказал Баклаков.

— Могем, начальник. Король Кавголовских холмов — это я.

Гурин был весел, и Баклаков подумал, что Гурин все-таки умница и с ним можно поддерживать отношения, даже будучи в ссоре.

— Ты на юг ходил? — спросил он.

— Еще как ходил! Тебя дожидаюсь, начальник. Мудрого руководящего слова.

— Чая нет, Клим Алексеевич? — спросил Баклаков.

— Как нет? — удивился Куценко.— Я, вас-тебя, за пять километров увидел, сразу термос залил. Во-он, у стенки, вас-тебя, термос ждет. Это где же такое бывает: человек из маршрута, а чаю нет?

Гурин отстегнул лыжи, распустил шнуровку ботинок. Только теперь Баклаков понял, зачем Гурин тащил за собой всю эту ненужную в экспедицию тяжесть. Ладно, черт с ним. Пусто как-то. Предчувствие, что ли? Какое, к лешему, может быть предчувствие после одного маршрута?

Гурин принес рюкзак с образцами. По его словам, на холмах Тачин он обнаружил небольшой гранитный интру-

зивчик. Может быть, просто верхушка не прорвавшейся вверх магмы, может быть, остаточный корень. Великолепный контакт. Готовая лаборатория.

— Значит, расчистки нужны. Возьми Вальку или Седого. Палатку, продукты. Изучи ее капитально.

— Валентин-то при деле. Шлихи учится мыть. Я ему задание выдал,— вмешался Куценко.

— Лучше Седой. Он горным работам обучен,— согласился Баклаков.

— Весна ранняя будет. Скоро снег развезет, и объявится гусь,— сказал Куценко.

Ночь стояла ясная, светлая, снег подмерз. Гурин и Седой готовились к маршруту на холмы Тачин. Гурин отправлялся на горных лыжах, снял с крючков тросик креплений, чтобы можно было шагать.

— Плюнь ты на эту технику,— сказал Баклаков.— Замучаешься через километр. Возьми мои лыжи на валенках или иди как человек.

Баклаков злился. Всякие отвлекающие игрушки в рабочем маршруте он считал недопустимыми, но не мог приказать Гурину, потому что у них, видите ли, ссора по личным причинам.

Гурин выпрямился и воздел руки.

— Не ведаешь, что говоришь, начальник. Два года я не вставал на горные лыжи. Что скажут мне загорелые женщины, когда я с глупой пачкой аккредитивов приеду в Бакуриани или Чимбулак? Женщины назовут меня толстым и старым. Они скажут, что мне ничего не осталось, кроме как сочинять диссертацию. А я не хочу быть диссертантом, я хочу быть мужчиной. Эти лыжи я прятал у Рубинчика целую зиму. Чтобы их не украли, не сожгли или не переделали на нарты.

— Ладно,— согласился Сергей.— Но доставь злобное удовольствие, я посмотрю, как ты будешь писать свои повороты с рюкзаком за спиной.

— Не доставлю,— хохотнул Гурин.— У меня тянь-шаньская школа.

И не доставил. С рюкзаком за спиной, описывая плавные дуги, он съехал на лед Китама и завершил все это длинной сверхпижонской дугой на слитых воедино лыжах.

— Гвадалквивир! Силен! — с неприкрытым восхищением сказал Валька Карзубин. Баклаков посмотрел на него. Он увидел, что парень, приютивший его когда-то в бараке, с суровой непреклонностью утверждавший, что не пьет по

утрам, совсем еще мальчишка. Мир ремеслухи, электросварки, железных работ и бараков как бы законсервировал его, и вот теперь он открывал новые для себя горизонты, иной стиль жизни и поведения. Баклаков подумал, что Валька Карзубин пропал для металла, что управление приобрело еще одного верного кадра, которому нет уж обратной дороги в регламентированный мир заводов.

Седой уступами спустился вслед за Гуриным, и темные точки их быстро исчезли.

Снегопад пришел после трех жарких парниковых дней. Куценко и Карзубин обходили песчаные косы, намечали места будущих шлиховых проб. Баклаков лазил по склонам около базы и искал позарез необходимую фауну. Он все больше приходил к выводу, что на холмах Марау, Чанай и Тачин — так называемые «немые» толщи, слои не сохранившие окаменевших остатков биологической жизни.

Со своей рекогносцировки Карзубин и Куценко принесли по большой вязанке кустарниковых веток.

— У живого огня посидеть, надоело примус обнюхивать,— бурчал Куценко, раскладывая костер.

Небо с полудня уже затянуло, на вершине холма струились вихри поземки. Но в долинке, где находилась база, было тихо. Снег пошел сразу крупными хлопьями. Где-то в стороне он крутился в струях ветра, но над ними затихал и падал почти отвесно.

— Чё хмурый, начальник? — спросил Валька Карзубин.— Скучаешь по грохоту жизни?

— Скучаю по фауне. Целый день, как олень, снег копытил. И ни одной ракушки.

— Давай напишу в деревню. Внутренний смысл! Там на речке у нас полно всяких.

— Напиши.

— Пробы-то заранее натаскать, так у первой забереги и мыть можно,— сказал Куценко. Он сидел босиком, поставив квадратные ступни на голенища валенок.

Снег падал все гуще, гуще, и спины стали уже намокать от него. И вдруг метрах в пяти от костра под снежный обрыв тяжко и обессиленно грохнулся один гусь, за ним второй, третий.

Гуси отбежали к краю обрывчика и настороженно стояли, готовые в тот же момент взлететь. Так прошло минут пять, встопорщенные перья гусей улеглись. Потом один мягко прикрыл собой лапки, и тут же улеглись все трое. Они лежали, прижавшись друг к другу, как серые валуны,

только крайний неотрывно смотрел на людей круглым глазом.

— Правильно говорил Илья Николаевич — страна великих возможностей,— тихо и тонко, совсем по-буддиному, сказал Куценко.— Гуси прямо в костер падают. Надо тихонько в палатку перебраться, пущай отдохнут.

Снегу навалило за ночь около полуметра. От белизны его все заполнила слепящая мгла, небо казалось синтетически голубым. Гуси исчезли. Баклаков пошел на скалистый обрыв и безнадежно крушил молотком камни. Глаза даже в темных очках слезились.

Пришел Куценко с кружкой чая.

— Промой глаза. Лучше чая лекарства нет при таком снеге.

— Ничего.

— Снежной слепотой заболеешь, время терять будем,— сказал Куценко.

Баклаков взял кружку и стал промывать глаза крепким холодным чаем. Глаза слегка щипало то ли от чая, то ли от пота, который попадал в них вместе с чаем.

— А гуси-то улетели,— вздохнул Куценко.— Этот снег к обеду солнце сметет.

— Спасибо, Алексеич,— сказал Баклаков.— Болеть сейчас невозможно. Как только Гурин закончит, будем уходить в горы.

35

Сидорчук прилетел в Поселок в конце апреля. Чинков, встречавший его в аэропорту, радостно засмеялся, когда увидел Сидорчука в желтой канадской меховой шубе, в отчаянных каких-то меховых сапогах тоже желтого цвета и тяжелых темных очках. Иностранец, концессионер, прибывший смотреть владения. Дорогой он подшучивал над Сидорчуком, объясняя: «Вот это торосы. Это тундра, покрытая снегом. Это так называемые сопки». Сидорчук все терпеливо сносил. В управлении он долго ходил по обшарпанным коридорам, заглядывал в захламленные и пустые рабочие кабинеты.

— Вы бы краску, что ли, какую повеселее нашли. А то с похмелья не угадаешь: в управлении ты или в камере предварительного заключения.

— К осени выполним указание. Сделаем, чтобы нашим героям-полевикам было радостно зайти в управление,— ответил ему Фурдодуй.

В тот же вечер Сидорчук и Чинков отправились на разведку Монголова. Вездеход гремел, лязгал, сотрясался, и в кузов забивалась снежная пыль. Сидорчук молчал и лишь однажды, видно продолжая внутреннюю беседу, сказал Чинкову:

— Вместо того чтобы про сопки и торосы рассказывать, лучше бы в мой портфель заглянул.

— Давай, Иван, загляну.

— Смотри! — Сидорчук открыл портфель и даже сквозь бензинный дух и выхлопные газы в вездеходе запахло аптекой. Скляночки, пузырьки, тюбики, пакетики.

— Может, выкинуть все это на дорогу? Вместе с портфелем? — с веселым отчаянием спросил Сидорчук и, так как Чинков не ответил, погрузился опять в недра оранжевой шубы канадского производства.

К рассвету вездеход вышел в долину Эльгая. Тракторный след синел под лучами восходящего солнца, убегал вперед.

На разведке Сидорчук быстро и даже как-то небрежно просмотрел пробы, вынутые Монголовым из сейфа. Втроем они пошли на шурфы. Из-за вездехода вывернулся Кефир, с чрезвычайно деловым видом пошел мимо начальства.

— Гиголов,— представил его Монголов.— Лучший рабочий. Именно он нашел самородок в триста пятьдесят граммов, который и заставил нас начать зимнюю промывку. И он же намыл первую хорошую пробу.

Кефир приподнял шапочку. Сидорчук благосклонно кивнул.

— Не в етом подвиг, Владимир Михайлович,— вдруг сказал Кефир.— Подтвердите, что я отказался от спирта, чтобы не спугнуть фарт. Чтобы не подорвать валютную мощь государства, Гиголов героически отодвинул предложенный спирт. Было?

— Было,— устало усмехнулся Монголов. Он видел, что на Кефира «нашло».

— А досталось-то каково? Вот думают иные начальники: работяга аванс взял, бормотухи, портвейн по-научному, выпил и спит спокойно в две дырочки. А начальство о производстве не спит, калики-моргалики из пузырьков отмеряет, заботится — ну как заснет — сразу все рухнет. А производство — что? Это же дерево! И растят его работяги.— Кефир закатил глаза и взмахом нарисовал размеры «дерева».— Начальство... усопло. Работяга угомонился. А труд-то наш, наше-то дерево, все растет, растет, ширится. Беспредельно. Ну-у!

Кефир искоса глянул на Сидорчука, надел шапчонку и пошел прочь. Но неожиданно вернулся, с веселой фамильярностью хлопнул Сидорчука по плечу:

— Шуба у вас богатая. В такой шубе и по Бродвею. Ну-у! Все американские цыпочки лягут.

— Не в шубе сила,— сказал Сидорчук, он взял Кефира под руку, отвел в сторону и что-то пробормотал ему на блатном жаргоне. Кефир изумленно округлил глаза, и они с Сидорчуком, уважительно пожав руки друг другу, разошлись. Сидорчук улыбался и все оглядывался на спину Кефира. Чинков тихо давился от смеха. Монголов ушел.

— Ты слыхал о таком... Катинском? — спросил Сидорчук.

— Читал докладную записку,— неохотно пробурчал Чинков.

— Докладной его ты не читал. Она у меня в единственном экземпляре. Толковая докладная. А тут и ты подвалил со своим мешком золота. Вовремя.

Чинков молчал.

— Вот ведь интересный мужик,— продолжал Сидорчук.— С Территории его выперли. Он в Средней Азии спрятался, но отчеты читал. Думал. Всю золотоносность Территории по полочкам разложил. Толковый черт, этот Катинский.

— Почему не сказал сразу о докладной?

— Ты бы не был тогда пуп Территории. А ты лучше работаешь, когда ты именно пуп.

Чинков молчал. Редко бывало, чтоб удар доставался ему вот так, неожиданно. Он привык все предвидеть. Он молчал, какая-то нехорошая жилка билась в затылке, и вдруг из темных глубин, как спасательный круг, выплыло короткое тяжелое слово. Оно выплывало к нему уже несколько месяцев, но пока Чинков боялся его. Слово это было «нефть», которое давно уже стало синонимом золота. Пока же Чинков уставил в пространство взгляд и мальчишеским обиженным голосом произнес:

— Все равно это золото создал я. Я его сдвинул с места.

— Разве кто спорит? — удивился Сидорчук.

— Зачем ты приезжал, Иван? Шубой похвастаться?

— Убедиться, что золото и разведка существуют в реальности. От тебя всякого можно ждать.

— Убедился? — Чинков размышлял о том, какую игру ведет Сидорчук, какие ветры стали дуть в министерстве.

— Не ломай голову,— сказал Сидорчук.— Кроме лекарств у меня в портфеле разные полномочия. Высокий и

полномочный ревизор, вот кто я. Я привез тебе деньги. Дополнительные ассигнования на разведку. Акт о ревизии ты сегодня напишешь сам. Завтра я улетаю.

— Где твои деньги были месяц назад? Я все полевые партии ограбил. Нищими их отправил. Они гипертониками вернутся.

— С каких это пор ты жалельщиком стал?

— Я о неиспользованных возможностях жалею. Гипертония должна быть оправдана. На Лосиной нужна большая шурфовка. На Ватапе есть куда вложить деньги. Кольцевой партии ничем не поможешь.

— Почему?

— Такой маршрут. Но там у меня честолюбцы. На честолюбии вытянут.

— А где твой промывальщик-гений? Хочу познакомиться.

— Там, в Кольцевой. Если привезет нужные результаты, я его в старшие инженеры произведу. Диплом нарисую об окончании вуза. Если привезет именно то, что жду, я его кандидатом наук назначу.

— Наместник! — вздохнул Сидорчук.— Император. Нерон с Калигулой тебе рукоплещут. В какой круг ада заявку подал?

— Лет через десять скажу,— серьезно ответил Будда.

— Едем обратно!

— Пусть водитель поспит. У него портфеля с лекарствами нет.

— Ничего. Чифир заварит. Не каждый день к вам высокие и полномочные ревизоры прилетают.

— Может, охоту прикажешь устроить? Коньяк, куропатка на вертеле?

— Не усердствуй. Твой трон пока прочен.

— Мой трон всегда прочен,— усмехнулся Чинков.

К вездеходу шел Монголов. В телогрейке, перетянутой офицерским ремнем, армейской шапке и тщательно вычищенных сапогах Монголов являл резкий контраст с монументальными, тяжко одетыми Буддой и Сидорчуком.

— Вы обещали отпустить меня в отпуск, как только разведка даст результат, Илья Николаевич,— сказал Монголов, остановившись в нескольких шагах от Чинкова.

— Плохо себя чувствуете? — Чинков осторожно скосил глаз на Сидорчука. Тот, вовсе не делая вид, что не слышит, с веселым интересом смотрел на Монголова и Чинкова.

— Не сплю. Желудок жжет. Не сдублировать бы Отто Яновича,— невесело усмехнулся Монголов.

— Устроим вас в санаторий, Владимир Михайлович,— сказал Чинков.— Северстроевский спецсанаторий. Его пока не отняли. Отдельная комната. Уход. Хорошие врачи.

— Нет,— все так же невесело улыбнулся Монголов.— Это не для меня. Что хорошо для генералов, не годится для ваньки-взводного. Хочу поехать в деревню. Зайти к простому сельскому врачу. С удочкой посидеть. Подумать. Возникла необходимость подумать.

— О чем же, если не секрет, Владимир Михайлович? — весело спросил Сидорчук.

Монголов внимательно посмотрел на Сидорчука, на Будду и глухо сказал:

— О правилах. Всю жизнь я верил в определенные правила. В личный устав, если хотите. Почему-то все пошатнулось. А человек без правил жить не может.

— Удочки. Сельский врач. Лучше и не придумаешь, Владимир Михайлович,— дружелюбно сказал Сидорчук.— Я бы именно так поступил.

— Будем взаимно выполнять обязательства,— вздохнул Чинков.— Вы выполнили свое на Эльгае. Я выполняю свое и разрешаю вам отпуск. Подумайте о санатории. Я организую вам любой санаторий страны.

— Ни к чему ваньке-взводному...— начал было Монголов.

— Бросьте! В управлении организуется отдел разведочных экспедиций. Сейчас у нас две разведки: ваша и киноварь Копкова. Скоро разведок у нас будет много. Вы будете начальником отдела разведок и моим заместителем после отпуска.

— В кресле я...— снова начал Монголов.

— Не выйдет, Владимир Михайлович,— перебил его Будда.— Вы единственная и окончательная кандидатура. Вспомните ваши правила. Хотите, чтобы я техника назначал в отдел разведок? Молодого специалиста? Слишком дорого это для государства, Владимир Михайлович.

— Хорошо,— сказал Монголов.— Как всегда, приказ и необходимо. Это я понимаю. Но пока прошу отпуск.

Монголов коротко кивнул и пошел прочь от вездехода — четкая фигура на ослепительно светлом снегу.

— Такого мужика укатать,— раздумчиво сказал вслед Сидорчук.— Людоед ты, Илья.

— Я, может быть, и людоед, но не юная школьница,— пробурчал Чинков.— Кроме эдакого героизма и разэдакой романтики в людях еще кое-что вижу. Я в них, как людоед, кое-что понимаю.

36

Гурин

Седой пришел на базу на пятый день. Лицо его было кумачового цвета, и белые волосы выглядели теперь как венчик святого. Седой молча вынул из кармана пистолет и протянул его Баклакову.

— Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана,— успел повторить поселковую присказку Валька Карзубин.— Дромадер с четырьмя горбами.

— Ты-ы,— сказал Баклаков.— Что произошло? Ну-у?

— Инженер ноги сломал. На этих своих агрегатах.

— Как?

— Надо идти. Песцы там шныряют, как крысы. Обгложут инженера.

— А пистолет?

— Отнял из предосторожности. Шибко орет инженер, плачет.— Седой покрутил головой.— Мне чифирнуть, и можно обратно.

Валька Карзубин уже шуровал примус. Куценко вытащил из складской палатки три ящика со сгущенкой, подцепил топором доску и вывалил банки на пол палатки.

— Зачем? — спросил Баклаков.

— На горбу-то его не больно утащишь На лыжи прибьем, получатся нарточки. На нарточках веселее,— неторопливо ответил Куценко.

По словам Седого, получилось так: интрузив находился на самой верхушке холмов Тачин. Со стороны реки берег крутой, со снежным козырьком. Там они поставили палатку. Гурин каждый раз все рисковее и рисковее съезжал вниз. Когда он, Седой, сделал первую расчистку, задула поземка, потом пошел сильный снег. Гурин набил рюкзак образцами, чтобы рассортировать их в палатке, и поехал вниз, сказал, что вернется за другой партией. Через час не вернулся, через два тоже. Работать наверху стало совсем нельзя, и Седой пошел вниз. В палатке Гурина не было. Седой нашел его в двухстах метрах вверх по реке, прямо под обрывом. Гурин кричал все время, но ветер крик уносил. Лыжи вдребезги, ноги сломаны обе, хребет вроде цел.

...Втроем они пошли к холмам Тачин. Валька Карзубин остался охранять базу. Седой только просил заварить чифир в термос и сунул термос в карман. Идти было светло. В белесой прозрачной мгле они двигали лыжами по рыхлому снегу. Куценко ушел вперед. Седой отставал.

Сергей почему-то думал о горных лыжах «мукачи». Можно было сделать из них грузовые нарты. И до паводка уйти в горы, потому что холмы ничего неожиданного не дали. Можно сделать еще одни нарты, а главный груз и гуринские тяжелые образцы оставить в палатке, чтобы зимой забрать самолетом. Седой все больше отставал, и Баклаков остановился, поджидая его.

В бледном рассеянном свете Седой в своей коротко подобранной и туго подпоясанной телогрейке, загнутых валенках походил на лобастого, настороженно идущего зверя. Лицо его казалось очень темным, почти черным. Он блеснул зубами в улыбке:

— Не та дата жизни, начальник. Старею. Теперь мне ни от кого не уйти...

— Беда,— сказал Баклаков.— Беда к нам пришла, Седой.

— Главное спасти-то его как? Пока самолет вызовешь, гангрена начнется,— вздохнул Седой.

— Сам виноват! Пижон проклятый! Он же партию нам сорвет. В проекте каждый день каждого человека, все учтено.

— Разве жизнь когда совпадала с проектом? — устало сказал Седой. Он остановился. Дыхание у Седого было короткое, в груди что-то всхрипывало. Он вынул из кармана термос, отхлебнул.— Разве я проектировал, что в уголовники попаду? Пока на ногах — стой. Учитывая ошибки прошлого. Вот весь проект, начальник. Человек против всего устоит, если сам себя не предаст.

...Снег у палатки был покрыт песцовыми следами. Из палатки доносился веселый голос. Гурин бредил, пока они вытаскивали спальный мешок из палатки и грузили на нарты: три ящика из-под сгущенки, приколоченные на лыжи.

— Лечу,— весело говорил Гурин.— Кувыркаюсь.

Лицо его было черным и черной была невероятно быстро отросшая щетина.

— Лечу! Кувыркаюсь! — кричал Гурин и улыбался жутковатой улыбкой.

На половине дороги Гурин очнулся и начал кричать на одной ноте. Баклаков ненавидел его в эти минуты. Он ушел вперед, потому что принял решение: до рации должен бежать он. Сто семьдесят километров за пару суток осилит, иначе на кой черт было накачивать мускулы, тренироваться и иметь звание мастера спорта. При хорошем заводе можно и быстрее, чтобы сохранить ноги сокоешника. За это время Седой перевезет на нартах собранные на холмах Та-

чин образцы. Куценко прошлихует долину Китама, и они сразу уйдут в горы. В эту долину, в крайнем случае, можно вернуться осенью. Как всегда, когда решение принято, Баклакову стало легче, и теперь уже он жалел Гурина и досадовал на собственную мягкотелость. Надо было запретить Гурину брать эти дурацкие лыжи. Баклаков жалел Гурина и думал о том, как он переносит эту боль. Жизнь Гурина представлялась ему излишне благополучной. Благополучные люди плохо переносят боль. Если же Гурин потеряет ноги, то ему конец. Он не из тех, кто сможет остаться человеком без ног.

...У палатки Баклаков увидел Кьяе. Старик, еще более высохший за зиму, сидел прямо на снегу, вытянув сомкнутые ноги, и улыбался Баклакову. Кьяе был без шапки, и в вырезе кухлянки виднелась сморщенная коричневая кожа.

— Кьяе! — выдохнул Баклаков.— Тебя мне бог второй раз посылает.

— Разве за-а-был? — протянул Кьяе и подал, не вставая, сморщенную ладонь.— Зимой, когда ты на самолете летал, договаривались. Все привез.

— Привез? Ты на оленях? Где олени?

— Там. Они у меня умные. Ягель едят, далеко не уходят.

— Инженер у меня ноги сломал. Везут на нарте.

— Знаю,— сказал Кьяе.— Очень плохо. Я в тундру ходил. Я тут с утра сижу. В тундре травки нарвал. Помогает, чтоб не загнило.

Кьяе запустил руку за вырез кухлянки и вынул пучок желтой травы.

Гурин был в сознании, когда Куценко и Седой дотащили нарту на базу. Ему дали полстакана спирта и вытащили из спального мешка. Баклаков разрезал шнуровку на ботинках и выкинул ботинки из палатки. Разрезал штаны. Переломы были закрытые, ниже колен. Куценко примотал ему на обе ноги дощечки от консервных ящиков, и Гурина снова затолкали в спальный мешок. От спирта он немного повеселел, и пот каплями выступил на черном заросшем лице.

— Извини,— хрипло сказал он, встретившись взглядом с Баклаковым.

— Брось,— сказал Баклаков.

— Извини,— настойчиво повторил Гурин.— Допрыгался я. Извини, если можешь.

— Брось! Держись.

Кьяе пригнал нарту, и Гурина положили в спальном

мешке, примотали веревками. Нарта была беговая, и места для самого Кьяе не осталось.

— Ничего-о, я место найду, ничего-о,— сказал Кьяе.

Олени сразу взяли разгон, и нарта исчезла за поворотом русла. Кьяе балансировал, стоя на полозе нарты.

Кьяе не успел даже выехать за поворот, как нарта попала на заструги, и Гурин начал кричать. Олени, испуганные его криком, понесли еще сильнее, нарта прыгала, и Гурин кричал. Так Кьяе вез его километров тридцать. Когда Гурин окончательно охрип и посинел, Кьяе остановил нарту. Он быстро вырыл пещеру в снежном надуве под обрывом, положил туда оленью шкуру с нарты и волоком перетащил Гурина. Рядом он поставил бутылку с водой, которую всегда возил за пазухой, и тут же метнулся на нарты. Олени побежали, потом, успокоившись, пошли было шагом, но Кьяе издал короткую ноту волчьего воя, и олени рванули как сумасшедшие. Они невесомо бежали по тундре, а нарта сзади прыгала и исчезала между застругами, как лодочка в бурном море. Кьяе не давал им успокаиваться и в нужный момент издавал все ту же ноту волчьего воя.

Где-то в предутренний час олени остановились. Кьяе спрыгнул с нарты. Правый олень подогнул ноги и тяжко рухнул на снег. Кьяе загнул веко у оленя и отвернулся. Ездовые олени всегда умирают сразу. Второй стоял, широко расставив ноги, вывалив язык. Бока его вздувались и опадали. Кьяе развязал упряжь, неторопливо отнес нарту на берег, на обрывчик, где ее смоет водой. До метеостанции осталось километров тридцать или сорок. Кьяе оглядел мертвого оленя и второго, лежавшего рядом с ним, и побежал. Он бежал по твердому еще не подтаявшему снегу, и бег его все еще по-юношески был легок.

Когда Гурин очнулся, он долго не мог понять, где находится. Он видел лишь снег. Повернув голову вправо, Гурин увидел зябкие прутики ивняка. За прутиками тянулась снежная равнина и сливалась с небом. Он закрыл глаза, и перед ним опять замаячила обтянутая кухлянкой спина Кьяе. Гурин вспомнил взгляд, глаза старика. Он сразу откинул мысль, что тот его бросил. Такого не может быть, потому что...

Боль в ногах оттянула на себя суету, жизненное томление, голова у Гурина была очень ясной. Он вдруг увидел себя со стороны в совокупности поступков, слов, случайностей и закономерных фактов. Чужие и самодельные афоризмы, гордое самоудаление. Андрей Александрович Гурин, специалист высокого класса, единичный философ. В результате он

валяется сейчас в дурацкой долине дурацкой реки и неграмотный пастух загоняет оленей, чтобы его спасти.

Странное дело, но жалости к себе Гурин не испытывал. Горячие сверла шевелились в ногах. Он приподнялся, боль чадно хлынула к сердцу, оглушила его, и опять начался привычный бред «лечу и кувыркаюсь».

Когда он очнулся, остались лишь боль и ясность. Гурин вспомнил методы самовнушения мантра-йоги (и этим когда-то баловался). Но боль мешала сконцентрировать сознание, и он лишь монотонно и утешительно бубнил: «Без страдания не бывает познания, без страдания...» Он снова забылся.

...Дополнительная партия рабочих, которых отправляли к Жоре Апрятину, уже сидела в самолете. Неожиданно вышел пилот, открыл защелки двери и стал смотреть на рулежную дорожку. Подкатила «скорая помощь», вылез врач с чемоданчиком.

— Отбой. Отсрочка на три часа,— скомандовал пилот работягам. Боязливо переговариваясь, те вышли из самолета, обступили «скорую помощь».

Они поняли все, когда через два с половиной часа самолет вернулся и из него вынесли в спальном мешке стонувшего, заросшего щетиной человека.

— Ваш черед! — скомандовал пилот, и работяги, сутулясь, оглядываясь на завывающую на полосе машину с красным крестом, пошли на посадку.

37

Кьяе опять остался один. Был лыжный след самолета, пещера в снегу. Кьяе потоптался на месте, вслушиваясь в исчезающий гул, и нерешительно пошел туда, где остались олени. Надо было забрать упряжь и шкуры. Но не пройдя и километра, Кьяе изменил решение и повернул направо, по направлению к стаду. Идти туда пешком было трое суток. Чем дальше, тем большую усталость чувствовал Кьяе, и поэтому он изменил решение еще раз. Пошел к базе Баклакова. До базы он надеялся дойти часов за десять. Кьяе шел неторопливой перевалистой пастушьей походкой и на ходу грыз галеты, которые ему дали на метеостанции. Кьяе было тяжело. Он понимал, что совершил грех, нарушил главный обычай «настоящих людей» — никогда не бросать ничего, что может пойти в дело. Тем более оленей, с которых можно снять шкуры. Но он шел и шел медленно, но безостановочно, зная, что упорная тихая ходьба лучше, чем быстрая с

передышками. Он очень жалел оленей. Ездовых оленей тщательно выбирают и долго учат. Они дорого стоят. Конечно, за оленей колхозу заплатят геологи. Но деньги все же никак не олени.

Базу Баклакова Кьяе застал пустой. Палатка была застегнута и привалена снегом. Кьяе расстегнул застежки и увидел, что в центре палатки стоит ящик со спиртом, цинка винтовочных патронов, мешок сахару, коробка с пачками чая и еще несколько пачек галет. «Хороший человек. Держит слово»,— подумал Кьяе о Баклакове. Ему стало легче, и он перестал думать об оленях.

Он набрал веточек полярной березы, разжег крохотный костерок и поставил на него консервную банку со снегом. Кьяе подряд выпил банок пять очень крепкого и очень сладкого чая и заснул в палатке прямо на полу. Проснувшись, он еще попил чая и тщательно застегнул палатку. Теперь он мог идти к стаду. За продуктами на оленях приедет Канту. Подумав о Канту, Кьяе выругал себя. Он опять вернулся к палатке, вытащил ящик со спиртом и отнес его в камни. Заложив ящик камнями, Кьяе придирчиво осмотрел место и остался доволен. Одну бутылку спирта он взял с собой. Теперь все было сделано окончательно правильно, и Кьяе шагал и легонько улыбался на ходу. Он думал о том, как перехитрил Канту или других, кто за выпивку отдаст все, даже ум.

38

— Мужики! — сказал Баклаков, как только нарта с Гуриным исчезла за поворотом.— Умоляю не валять дурака. Если все начнем калечить себя, кто сделает маршрут?

Вопрос Баклакова повис в воздухе. Седой вздохнул, как бы отвечая на собственную мысль: сколько можно в жизни валять дурака?

— Чё делать, начальник? Лучше что-нибудь делать, чем без дела молчать,— громко спросил Валька Карзубин.— Насущно! — Но и ему никто не ответил. Валька Карзубин шумно расшуровал примус и стал набивать снегом чайник.

— Старик сказал, что три дня будет морозить, а потом снег и дождь, и все раскиснет,— сквозь рев примуса прокричал Валька.— Девальвация, а, начальник?

— Переходим в горы,— очнувшись, сказал Баклаков.— Отдыхаем до ночи, ночью переходим.

Ночью сильно подмерзло. На самодельную нарту, в которой перевозили Гурина, погрузили спальные мешки, мехо-

вую одежду. Седой впрягся в нарту и пошел на холмы Тачин. Они решили переправляться двумя этапами. Баклаков набил рюкзак консервами, сидя, влез в рюкзачные ремни, затем поднялся на четвереньки и встал. В рюкзаке было килограммов пятьдесят, но Баклаков мог идти так всю ночь.

Куценко и Валька Карзубин остались вдвоем. Куценко долго укладывал карзубинский рюкзак, чтобы груз был на спине и затылке, потом вдруг оставил его и вытащил резиновую лодку, взятую на всякий случай. Он заставил Карзубина накачать ее. Когда лодка была накачана, Куценко полил ее водой, заморозил, положил на дно распоротый мешок и снова полил водой. Мешок примерз, и Куценко бережно нарастил на нем тонкий слой льда. В эту импровизированную нарту они положили канистру с соляркой, ящики с консервами, лотки и палатки. Лодка легко скользила по снегу, и они на десятом километре догнали Баклакова. Проблема транспорта была решена. Обратным рейсом они забрали все образцы. Баклаков остался документировать расчистки. Был жаркий день, и, сидя в одной рубашке на вершине холма Тачин, Баклаков все пытался понять, почему Гурин считал этот крохотный гранитный массивчик «готовой лабораторией». С вершины холма было видно сверкающую тундру, уже испещренную темными проталинами. Стена Кетунгского пагорья казалась совсем рядом. Баклаков описал зону контакта. Сбоку нахально тявкал и негодовал песец, уже потемневший, в грязной клочкастой шерсти. Баклаков кинул в песца камень, песец отскочил, по-кошачьи фыркнул. Баклаков рассмеялся. История повторяется. В прошлом году он швырял камни в зайцев и переправлялся через Ватап.

Сосредоточенность снова вернулась к Баклакову, и он забыл о Гурине. Принудительная сила реальности в том, что теперь ему придется изменить план работы. Ему придется отказаться от кольцевых маршрутов и ходить в одиночку длинным пилообразным ходом. Седой и Карзубин будут в группе Куценко. Теперь главное — сбить границы с маршрутами Семена Копкова и Жоры Апрятина.

«Не суетись, не суетись,— внушал себе Баклаков.— Главное, работать методично и без рывков, тогда тебя хватит на целое лето. Главное, работать ежеминутно, не расслабляться, и тогда ты выдержишь это двойное лето».

Едва они успели выбраться в нагорье, как пришла пора теплых туманов. На тундру, на сопки, на речные долины лег пронизанный солнцем и влагой парной воздух. Снег исчезал на глазах. В тумане все казалось искаженным и

невероятным: пуночка была величиной с барана, палатка выглядела скалой. Всюду журчала невидимая вода, и мягко вздыхал оседающий снег.

От новой базы до ближайшей бочки с продуктами было шестьдесят километров. Отсюда Баклаков решил сходить на запад, в верховья Лосиной. Куценко готовился шлиховать верхнее течение Китама.

Собираясь в маршрут, Баклаков извлек свою трубочку с обломанным краем и пачку махорки.

— Начальник! — изумился Валька Карзубин.— Ты разве куришь?

— Летом курю.

— Правильно, начальник. Я так считаю, что если мужик не пьет и не курит, лучше к нему не поворачиваться спиной. Такого лучше перед собой иметь, на глазах. Эскуриал!

— Летом можешь спокойно иметь меня за спиной.

— Я не про н а ш и х.

Подул легкий ветер, и мимо них понеслись клочья тумана. Они были желтые и оранжевые от солнца. Из палатки вылез Куценко и протянул Баклакову рогульку с леской. На крючок были насажены разноцветные кусочки изоляции.

— Где водичку встретишь, кинь да подергай. Один-то харюз все равно не выдержит, схватит. Ты у него мясо вырежь и насади. После этого таскай харюзов, сколько влезет. Будут хватать.

— А если не будут?

— Я об рыбе думаю много,— серьезно ответил Куценко.— Зачем консервы таскать, если еды под ногами полно?

— Проверим. Возьму чай, галеты и сахар. Вместо мешка меховую одежду. С таким грузом бегом бегать можно.

— А то! — согласился Куценко.

— Инженер вот наш не курил,— разрабатывая неизвестную мысль, сказал Валька Карзубин. — Отрежут ему ноги или оставят? Эх, не жизнь, а кантата!

И вдруг сверху раздался посвист крыльев и тревожный гусиный гогот. Весь этот день и всю ночь гуси сваливались к ним с перевала. Шел «главный гусь». И всю ночь они слушали крик, тревожный, как долг, и ясный, как жизненная задача.

Снова Баклаков засыпал под похлопывание палаточного брезента. Снова ему хватало нескольких часов, чтобы быть готовым к маршруту. Каждое утро Баклаков благословлял мех северного оленя и старика Кьяе. Он вспоминал о нем

часто и с нежностью. «Может быть, легенды о просветленных мудрецах и святых кудесниках имеют в основе такого вот Кьяе?» — думал Баклаков.

Снова зрение и слух по-звериному обострились, и Баклаков издали слышал стук камня под копытом барана, слышал вздохи ветра и даже запах камней. Куценко оказался прав. Хариус дуриком шел на хлорвиниловую насадку, и времени на рыбалку Баклаков почти не тратил. Останавливался у ручья, ловил, ел и отправлялся дальше.

На пятые сутки он вышел в верховья Лосиной. Здесь его съемка должна была сомкнуться со съемкой Жоры Апрятина. На стыках всегда возникают споры. Баклаков оставил весь груз и налегке, с одним винчестером и молотком, решил как следует обойти окрестности.

Баклаков шел вниз по Лосиной. Целью его были скалы, последний раз сжимавшие реку перед выходом на равнину. Вода прыгала по черным камням, но шум ее был отличен от медлительного и грозного рокота реки Ватап, Серой воды, которую ему еще предстоит в это лето увидеть. Неожиданно Баклаков услышал четкий стук металла о камень. «Может быть, Жора? Неужели так повезло?» Но стук исчез. Баклаков заспешил вниз по реке и метров через двести увидел Жору. Тот сидел на камне у самой воды и что-то доставал из полевой сумки. Молоток валялся рядом, отблескивал на солнце. Жора согнулся над книжкой или дневником. Баклаков решил было подкрасться незаметно, ошеломить. Но вспомнил, что Жора всегда таскает на поясе расстегнутую кобуру с пистолетом.

Баклаков пошел нарочито шумно, на самом виду. Но Жора не замечал его. Вблизи он очень напоминал удалившегося от мира отшельника. Баклакова он заметил, когда осталось шагов пять. Рука Жоры метнулась к поясу.

— Не дури! — крикнул Баклаков.

Жора встал, и Баклаков с удивлением заметил, что пистолета-то у Жоры как раз и нет.

— Какой ты, к черту, ковбой? — сказал Баклаков.— Тебя связать, как сонного, можно. Где пистолет?

— В рюкзаке,— смущенно ответил Жора.

— Разоружился в связи с отменой «Северстроя»?

Жора Апрятин ничего не ответил, лишь с неловкой торопливостью стал засовывать в полевую сумку книгу.

— В маршруте? Книга? — удивился Баклаков.

— Это так просто,— пробормотал Жора.

Баклаков бесцеремонно протянул руку. Но Жора книгу не дал. Положил на колени названием вниз.

— Дед прислал. Пишет: полезно.

— Вроде как витамины? — жизнерадостно улыбнулся Баклаков.

— Для совершенствования души. Я деду написал про главного инженера. Оказывается, он в буддины времена им курс геоморфологии читал. А дед прислал мне сборник поучений Гаутамы. Пишет, что студент Чинков, если он правильно его помнит, кличку Будда носить не может. Это противоречит истине.— Жора оживился, взял книгу и открыл ее наугад.— Ты только не смейся, Серега. «Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она»,— утробным голосом прочел Жора.

— Иногда полезно и сдачи дать,— прокомментировал Баклаков.

— «Серьезные не умирают. Серьезность — путь к бессмертию. Легкомыслие — путь к смерти. Легкомысленные подобны мертвецам»,— покраснев от натужной торжественности, читал Жора.

— Так между прочим и есть. Сильная мысль,— вздохнул Баклаков.

— «Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишенный аромата...»

— Не трепись про высокие цели, а действуй личным примером. Об этом каждый начальник партии должен знать...

— «Трудно стать человеком,— зазвенел голос Жоры.— Трудна жизнь смертных, трудно выслушивать истину...»

— Ты в бога, что ли, ударился? — спросил Баклаков.

— При чем тут бог?

— Ну-у! Я не Гурин, я парень простой. Но вроде религию ты мне излагаешь.

— Для всякого человека одна религия: не дешеви, не лукавь, не пижонь, работай,— сурово ответствовал Жора.

— Знаешь, Гурин ноги сломал?

— Как?

— По-пижонски. Глупо и жаль очень. А?

— Все идет, как положено быть,— печально сказал Жора.

— Давай съемку смыкать,— вздохнул Баклаков.— Мне на восток спешить надо. Река Ватап меня ждет.

— Давай,— согласился Жора.— Душа душой, события событиями, а работа остается работой.

С пагорья в долину Лосиной ползла полоса тумана. Через час она накрыла их, и листы карты, металл винчестера и камни сразу покрылись каплями влаги.

...Через неделю Баклаков вышел на базу своей партии. Все повторялось, и он чувствовал привычное состояние неутомимости. Баклаков был очень доволен маршрутом, и тем, что повстречал Жору Апрятина. Конфликта на западной границе маршрута не будет. Может быть, ему повезет, и он встретит Семена Копкова. «Но если в начале маршрута везуха, то невезуха будет в середине или в конце»,— думал Баклаков.

Палатка их стояла в долине, один борт которой был голубым от цвета составляющих его лав, второй зеленым. Сидя на склоне, Баклаков профессионально вглядывался в контуры этой смешной долины. Он увидел Куценко, Карзубина и Седого. Они шли с верховьев ручья. Судя по нагруженным рюкзакам, ходили в многодневку. Они подошли к палатке, заглянули в нее, и все трое стали смотреть на горы. Видимо, ожидали, что Баклаков уже вернулся. Баклаков сидел неподвижно, и заметить его на фоне камня было нельзя. Куценко разулся. Обостренным зрением Баклаков видел его квадратные ступни. Куценко всегда разувался после маршрута. Валька Карзубин с чайником пошел к ручью, из палатки донесся шум примуса. Была предвечерняя тишина, и звуки доходили очень ясно и четко. Баклаков поднялся и бегом на легких ногах стал спускаться по склону.

«Мы все обреченные люди,— думал он на ходу.— Мы обречены на нашу работу. Отцы-пустынники и жены непорочны, красотки и миллионеры — все обречены на свою роль. Мы обречены на работу, и это, клизма без механизма, есть лучшая и высшая в мире обреченность».

— Эпиталама! Начальник идет,— громко сказал у палатки Валька Карзубин.

Им еще предстояло, матерясь, проклиная судьбу, разыскивать во время июльского снегопада третью продуктовую бочку. Вальке Карзубину еще предстояло стонать ночами от ломоты в непривычных к мокрой работе руках. Им еще предстояло выбраться в верховья Ватапа, Серой воды, и месяц плыть по реке, пересекать в маршрутах тундровые урочища. Им предстоял выход в пустынное устье и переходы по штормовому осеннему морю. Им предстояли маршруты в глубь побережья, работа в гиблой губе Науде, насквозь пропахшей сероводородом. Им предстояло запомнить багро-

вые на полнеба закаты и колебание одинокой метлицы на галечных косах. Предстояло неделю сидеть у Туманного мыса, ежедневно пытаясь его обогнуть. Каждый раз шквальный ветер отшвыривал их обратно, они молча выбирались на берег, жгли костер из плавника, сушились и снова сталкивали вельбот на воду. И снова ветер заливал их и отбрасывал обратно за скалы. Лишь ярость давала им в это время силы. Им предстояло запомнить это лето до конца дней, потому что оно напоминало о себе перебоями сердца, ночной испариной тела. Может быть, это было последнее лето по старой методике «Северстроя»: «делай или умри».

ОТ АВТОРА

...С тех пор прошли годы. Предвидение Чинкова сбылось: они открыли узел золотоносных россыпей Территории с очень сложными условиями залегания и с богатым содержанием. Для этого понадобилась удача, кадры и еще раз удача. Для этого понадобилось упорство, безжалостный, рисковый расчет Чинкова. И сумрачный нюх Куценко. И свойственный сердечникам страх смерти перед рассветом у тех, кто вынес на себе тяжесть первых работ. Для этого понадобились мозоли и пот работяг. Что бы там ни было, но государство получило новый источник золота.

...Если была бы в мире сила, которая вернула бы всех, связанных с золотом Территории, погибших в маршрутах, сгинувших в «сучьих кутках», затерявшихся на материке, ушедших в благополучный стандарт «жизни как все»,— все они повторили бы эти годы. Не во имя денег, так как они знали, что такое шальные деньги во время работы на Территории, даже не во имя долга, так как настоящий долг сидит в сущности человека, а не в словесных формулировках, не ради славы, а ради того непознанного, во имя чего зачинается и проходит жизнь каждого. Может быть, суть в том, чтобы при встрече не демонстрировать сильное оживление, не утверждать с широкой улыбкой, что «надо бы как-нибудь созвониться и...». Чтобы можно было просто сказать «помнишь?» и углубиться в сладкую тяжесть воспоминаний, где смешаны реки, холмы, пот, холод, смерть, усталость, мечты и святое чувство нужной работы. Чтобы в минуту сомнения тебя поддерживали прошедшие годы, когда ты не дешевил, не тек бездумной водичкой по подготовленным желобам, а знал грубость и красоту реального

мира, жил как положено жить мужчине и человеку. Если ты научился искать человека не в гладком приспособленце, а в тех, кто пробует жизнь на своей неказистой шкуре, если ты устоял против гипноза приобретательства и безопасных уютных истин, если ты знаешь, что мир многолик и стопроцентная добродетель достигнута только в легендах, если ты веруешь в грубую ярость твоей работы — тебе всегда будет слышен из дальнего времени крик безвестного работяги: «А ведь могем, ребята! Ей-богу, могем!»

День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня. Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше, а чье-то другое лицо обжигал морозный февральский ветер? Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?

Январь 1974 г.

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ

Десять лет назад в предисловии к одному из ранних сборников рассказов Олег Куваев так писал о начале своей литературной работы: «Я вырос в вятских лесах, но меня тянуло именно в безлесные пространства, вроде тянь-шаньских предгорий или чукотской тундры... «Вокруг света» напечатал в 1962 г. несколько моих рассказов. Я пытался как-то взвесить всё, что произошло. В общем-то, это были пожалуй, стандартные размышления о смысле жизни. В результате я самостоятельно додумался до апробированного поколениями вывода, что главное — это работа, вернее, степень ее интересности. Все остальное — сопутствующие явления. Работа может быть разной, и всякая клановость или кастовость не делает чести уму апологета какой-либо профессиональной замкнутости. Главное — работать с азартом... Занятие литературой становилось чем-то вроде второй профессии. Вышла книга, готовилась к печати вторая, и потребность писать забирала все большую власть».

Профессиональный геолог, окончивший геофизический факультет Московского геологоразведочного института, работавший в далеких районах страны, исходивший за годы полевых сезонов многие километры тундры и горных отрогов, Олег Куваев любил свой труд до самозабвения и к литературной работе относился так же серьезно, так же обстоятельно и основательно, как и ко всякому делу, за которое брался.

Позднее он говорил одному из своих друзей: «Уверен, что для каждого человека есть одно незыблемое правило, которое не должно меняться с годами: кем бы ты ни был, чем бы ни занимался — шофер ты, плотник или литератор, в своем деле необходимо стремиться к высокому уровню настоящего профессионализма. Иначе нельзя»...

Работать с азартом. Работать с высоким уровнем профессионализма. Это были главные правила рано ушедшего из жизни Олега Михайловича Куваева. Он написал сравнительно немного — роман, несколько повестей, десяток-другой рассказов. В его письменном столе осталось два новых романа в черновиках. Все это было создано человеком, прожившим всего сорок лет и работавшим в литературе немногим более десятка лет.

При жизни автора — родился он в 1937 году, умер в апреле 1975 года — увидели свет всего пять книг его повестей и рассказов («Весенняя охота на гусей», издательство «Молодая гвардия», 1968 год;

книги в Магаданском и Новосибирском издательствах: «Через триста лет после радуги», «Весенняя охота на гусей», 1968 год; повести «Тройной полярный сюжет», издательство «Современник», 1973 год; роман «Территория» в том же издательстве в 1975 году, переизданный вскоре «Роман-газетой»). Но сделанного им оказалось достаточно, чтобы завоевать читательскую любовь и признательность, чтобы занять в современной литературе свое, вполне определенное и самостоятельное место.

Географически все его произведения так или иначе связаны с широкими просторами Севера, с тундрой, с людьми суровых районов страны. В них чувствуется неподдельная влюбленность автора в своеобразную красоту края, даже какая-то фанатическая преданность местам, о которых он пишет. Но еще больше в его произведениях любви к тем, кто обживает и осваивает эти края — к рабочим, инженерам, геологам, мотористам, летчикам полярной авиации, погонщикам собачьих упряжек и пастухам оленьих стад,— всем тем, для кого тундра не является экзотикой, кто живет в ней обычной и привычной жизнью, кто работает с азартом и целеустремленностью, превышающими средние возможности обыкновенного человека. Именно это последнее и делает произведения Олега Куваева в своей глубинной идейной значимости более широкими, именно это придает им звучание масштабное, выводящее за пределы чисто географические и этнографические. Сильные волевые люди, люди — созидатели, труженики, знающие цену и смысл труда, населяют его рассказы и повести. Ими же населен и роман «Территория», удостоенный премии на конкурсе ВЦСПС и СП СССР на лучшее произведение художественной прозы о современном советском рабочем классе.

Олега Куваева можно назвать певцом Севера. Он был не только влюблен в этот край, но и хорошо знал быт, условия жизни и характер его обитателей. Он восхищался простотой и целесообразностью мельчайших подробностей жизни эвенков и других северных народов. С уважением всматривался в их нелегкий кочевой быт. И сумел передать это восхищение и это уважение в своих произведениях.

Решительно отвергая расхожую романтику «дальних странствий», Олег Куваев в то же время был предан тому высокому романтизму, о котором в начале века основоположник пролетарской литературы Максим Горький писал, что он «возникает на почве сознания человеком его связи с миром и ощущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием», называя этот вид романтизма «социальным, или романтизмом коллективизма».

Когда-то Олег Куваев написал одному из своих друзей: «Люди просят у жизни всякое, кто денег, кто красоты, кто талантов. Пусть же даст мне Фортуна возможность шляться по планете именно так, как я хочу, и умение писать об этом так, чтобы жирным дачникам не спалось по ночам, и счастливее меня не будет человека. Удивительно

и прекрасно каждое место на земле (кроме городов и поселков), и люди обязательно должны понять это. Может быть, посмотреть, как мчится по кочкам вспугнутый олень,— не менее достойное занятие, чем слушать «Пиковую даму». А ведь мне повезло в жизни — я уже видел и держал в руках розовую чайку... Я слушал, как плачут на озерах гагары, и наши спины сгибались под тяжестью гусей. Не каждому посчастливилось замирать от ужаса в бушующем море, не каждый чуть не плакал от злости на тридцатом километре кочек. Я благодарен своей работе за это...»

Если рассматривать не каждое отдельное произведение Олега Куваева, а все в совокупности, то внимательный глаз отметит одну важную особенность: автор упорно и целеустремленно разрабатывает один пласт жизни, изучает один идеальный человеческий характер, черты которого стремится отыскать в различных жизненных ситуациях самых разных человеческих судеб. Недаром одну из своих повестей он так и назвал— «Азовский вариант».

Его первые произведения как бы ведут полемику с расхожим туристским романтизмом. Его ранние герои едут в дальние места не «за туманом и за запахом тайги» или там тундры. Они — чудаки, ищущие высокое призвание в жизни. Один из рассказов Олег Куваев так и назвал — «Чудаки живут на Востоке».

Олег Куваев так писал об этой категории людей: «В калейдоскопе людей, встречающихся на Севере (а контингент их там, видимо, более калейдоскопичен, чем в других местах, ибо сюда приезжают люди с определенным потенциалом энергии), меня всегда интересовали так называемые чудаки. Чудаки в жизни необходимы — это общеизвестно. Это люди, которые руководствуются нестандартными соображениями и, во всяком случае, не житейской целесообразностью поступков.

В довольно неприглядной картине непостоянства кадров на Севере подавляющее число убывших составляют люди мелкой рациональности. А чудак поселяется прочно, он надежен в этом смысле. К тому же знакомые призывы к молодежи — «на освоение» — изобилуют сплошь и рядом истертыми фразами, которые потеряли способность эмоционального воздействия. Я убежден, что человек очень долго (по крайней мере, до того возраста, до которого мне удалось пока дожить), остается мальчишкой, который запоем читает о приключениях на какой-нибудь Амазонке и склонен к авантюрам в хорошем смысле этого слова. И не надо скучнить жизнь, дорогу — мечте и фантазии! Однако и всяческие розовые коллизии, надуманная чепуха — лишь бы попышнее — там, где сам повседневный труд схож с приключением,— такая трактовка «жизни» граничит с беспрецедентностью обдуманной лжи. Я, в частности, говорю о литературе о геологах, ибо весь мой жизненный опыт пока связан именно с геологией. Геология ныне — наука и производство, она все более становится четким промышленным комплексом и дальше будет развиваться именно по этому пути».

Мы видим, как от романтики нелегкого труда ведет нас, читателей, геолог и писатель Олег Куваев к пониманию труда как государственной и общественной необходимости, к умению видеть в каждом деле его общенародную полезность. В то же время он упорно продолжает выполнять поставленную уже в первые годы писательской работы задачу — в меру сил раскрывать «художественную географию нашего Отечества».

Он видит жизнь интересной, насыщенной, полной борьбы и приключений. Но, обобщая свой личный жизненный опыт и совершенствуясь в нелегком писательском труде, видит также, что только государственный взгляд на современность может помочь ему создать такое произведение, которое затрагивает один из главных нервов бурной и стремительной нашей эпохи.

Он рассказывал, что лучший свой роман «Территорию» он задумал вначале как продолжение исследования образа молодого человека наших дней. По замыслу главной, центральной фигурой романа должен был стать Сергей Баклаков, молодой самолюбивый геолог, спортсмен, сильная и мужественная цельная личность. Когда же первый вариант романа был им закончен, то сам автор почувствовал внутреннее недовольство; за судьбой Баклакова и его товарищей по геологической поисковой партии как-то пропадало главное — биография времени. Была в первом варианте романа и романтическая любовь Сергея к Суюмбике. Олег Куваев чувствовал, что в этих любовных коллизиях, в дальнейшем исследовании мужания характера молодого человека — лишь частная история, частная судьба. Пропадал масштаб.

Писатель вновь и вновь возвращался к роману. Обладая удивительной работоспособностью, он делает второй, третий, наконец, четвертый — окончательный вариант. К своему удивлению, как потом рассказывал Олег Куваев, он вдруг обнаружил уже со второго варианта рукописи, что судьба Сергея Баклакова отходит на второй план, а выдвигается в стержневые фигура Ильи Николаевича Чинкова, главного инженера управления, по прозвищу Будда. По-настоящему увлек характер этого незаурядного человека, обладающего не только чисто профессиональными талантами, но и государственным подходом к работе. Таких людей, как Чинков, сейчас принято называть деловыми людьми. На мой взгляд, подобная характеристика не совсем точна: деловой человек — это еще не всегда человек, умеющий думать масштабно, по-государственному. А для Чинкова именно государственные, общенародные интересы являются основными не только в работе, но и в личной жизни. Они для него неотрывны от всего индивидуального бытия.

«Прежде всего работа»,— говорит он. Чинков «вламывался в работу, как танк в березки»,— говорит о нем автор. «Прошу запомнить, что наши идеи и наша интуиция имеют ценность лишь в том случае, если они согласуются с реальностью»,— наставляет Чинков молодого и го-

рячего Баклакова. «Их давно не интересовали личные деньги, зарплата, и даже честолюбие с возрастом как-то прошло»,— говорит автор о Чинкове и его друге, в прошлом рядовом талантливом геологе, а ныне заместителе министра Сидорчуке.

Чинков — исключительно волевая натура. Он, не колеблясь, идет на обдуманный риск, ибо знает, что драгоценный металл нужен стране. «Государство обязано рискнуть десятком-другим миллионов»,— убеждает он Сидорчука в целесообразности ассигнований на разведку нового месторождения, хотя для обоснования этой целесообразности ему недостает конкретных данных. Он опирается на свой богатый практический опыт, на детальное изучение истории района, где, по его предположениям, находится крупное месторождение. «Оно рискнет. Но ты лично рискуешь всем. В случае неудачи государство потеряет десяток миллионов. Ты потеряешь все. Тебя не будет»,— предупреждает Чинкова Сидорчук, мыслящий также по-государственному, знающий насущную необходимость для народного хозяйства в открытии нового месторождения. Но и то, что Чинков может потерять репутацию руководителя, отличного инженера-геолога, не останавливает его: «Я скоро выйду в тираж. Простит ли тебе государство, что ты не использовал нас до конца?»

Для Чинкова риск велик, но он знает людей, с которыми не один год работал, знает свою работу и строит ее не на одном лишь риске, но опираясь на богатый опыт руководителя — на умение использовать максимально таланты и способность находящихся под его началом людей. С инженером Монголовым, бывшим офицером-артиллеристом, Чинков говорит жестко, категорично, зная, что тот не верит в перспективность поисков. С начальником снабжения Фурдецким — ультимативно. С молодым и самолюбивым начальником партии Жорой Апрятиным — напористо, не без демагогии. С инженером-поисковиком Сергеем Баклаковым — задушевно, чуть ли не по-отцовски, прекрасно зная, что в данном случае очень трудное задание может быть выполнено лишь ценой нечеловеческого напряжения сил, помноженных на самолюбие. Вот это знание людей, знание своей работы и являются, по сути дела, залогом успеха задуманного и осуществленного Чинковым проекта работ. Никакие препятствия не могут остановить его на пути к поставленной цели. А препятствий много: нехватка специалистов и рабочих для широкого поиска, погодные нелегкие условия, обширность района работ, интриги карьеристов из управления. Полно и всесторонне удалось Олегу Куваеву показать незаурядный характер этого руководителя, истинно государственного человека.

И здесь уместно повторить слова писателя о том, что он верит — «природа не прекратит выпуск крепких людей». Если вглядеться пристальнее в будущую судьбу простого вятского парня Сергея Баклакова, то можно представить себе его в роли будущего руководителя

чинковского масштаба. «День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня». Это заключительные слова романа, и они поясняют многое. Автор в живых, конкретных характерах показывает нам преемственность поколений, неизбывную жажду творчества, яростное стремление к работе — работе созидательной, активной, необходимой государству и народу.

Владимир Дробышев

Олег Михайлович Куваев

ТЕРРИТОРИЯ

Роман

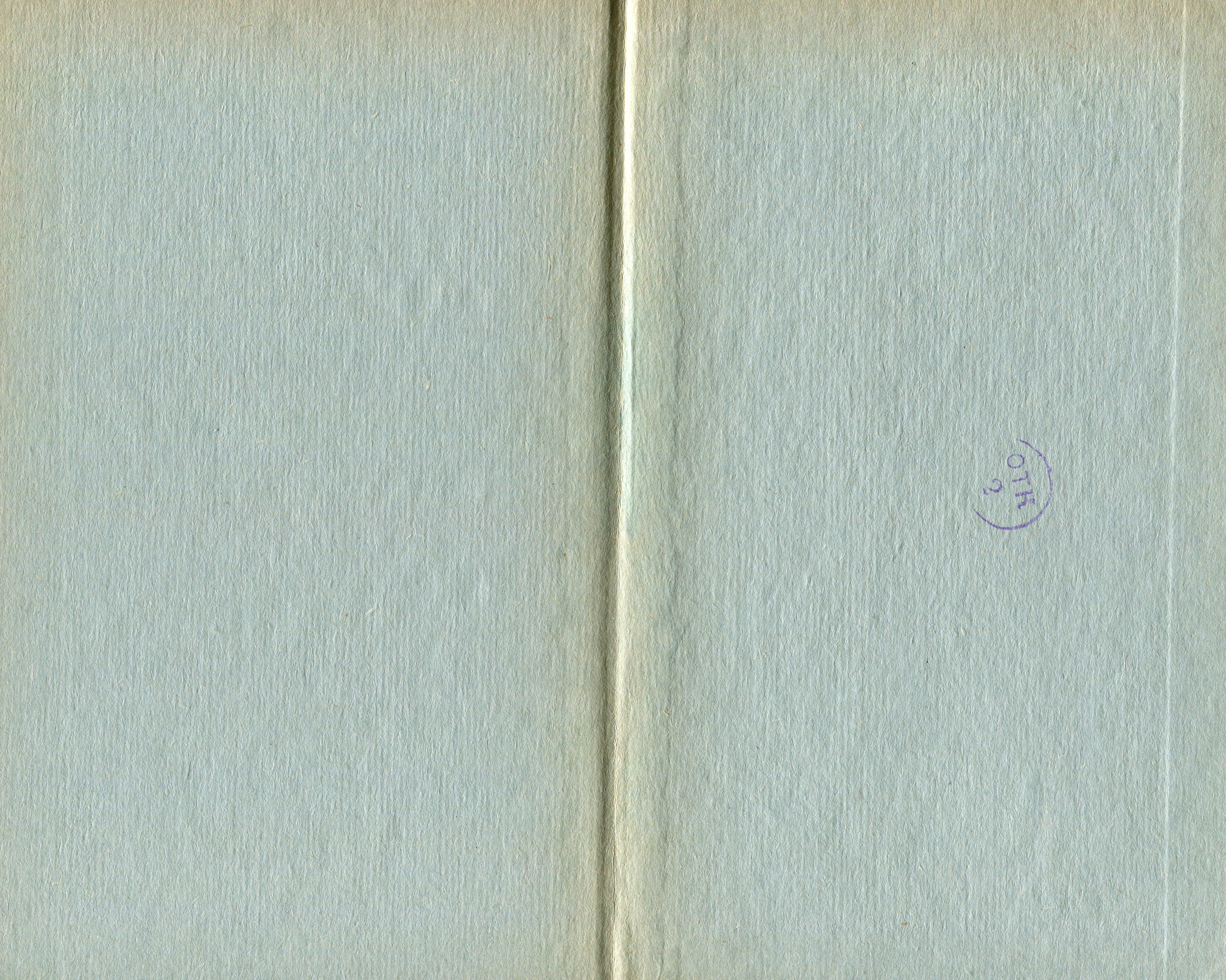
Редактор Т. А. Поздеева
Художественный редактор И. А. Булдаков
Художник А. Ю. Померанцев
Технический редактор С. И. Зянкина
Корректоры Т. Е. Желейко, Н. С. Суксина

ИБ № 311

Сдано в набор 12.09.78. Подписано к печати 13.02.79. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 14,47. Тираж 100 000 экз. Заказ № 01655. Цена 1 руб.

Издательство «Удмуртия», 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

Республиканская типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров УАССР, 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.


ОТК
2

Цена 1 руб.

ОЛЕГ КУВАЕВ
ТЕРРИТОРИЯ